

Элементарный учебникъ Римскаго права.

Проф. Л. Н. Загурскаго.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СЕМЕЙНОЕ РИМСКОЕ ПРАВО.

ВВЕДЕНИЕ.

I. Система изложенія. При изложеніи нынѣ дѣйствующаго римскаго права (такъ называемаго пандектнаго) придерживаются системы Гуго-Гейзе, на основаніи которой въ „особенной части“ римскаго права излагается сначала имущественное право (т. е. вещныя и обязательственныя права), далѣе—семейное право и наследственное право; изложеніе семейнаго права предшествуетъ наследственному потому, что семейныя отношенія оказываютъ большое вліяніе на наши имущественныя права, которыя вслѣдствіе смерти лица (наслѣдодателя) перейдутъ въ силу юридическаго преемства къ другимъ лицамъ (наслѣдникамъ). Система Гуго-Гейзе не совпадаетъ, какъ извѣстно, съ системой изложенія чисто-римской (институціонная), которой придерживался юристъ Гай въ своихъ лекціяхъ (*institutionum juris civilis commentarii libri IV*), другіе римскіе юристы, писавшіе курсы институцій, и императоръ Юстиніанъ, по повелѣнію котораго былъ составленъ учебникъ для студентовъ, имѣвшій также силу закона. Учебникъ этотъ называется также Институціями. По этой институціонной системѣ семейное право не занимаетъ особеннаго самостоятельнаго положенія въ системѣ права, а разсматривается съ точки зрѣнія личнаго права, обусловливающагося юридическимъ положеніемъ лица въ государствѣ (*status; jus quod ad personas pertinet*); личное положеніе лица въ государствѣ опредѣляется

свободой лица (*status libertatis*), его принадлежностью къ государству (*status civitatis*) и принадлежностью къ той или другой семьѣ (*status familiae*); съ этой послѣдней точки зрѣнія мы всѣ можемъ быть или самостоятельными, т. е., говоря образнымъ выраженіемъ юриста, находимся въ своей собственной власти (*suae potestatis, personae sui juris*) или несамостоятельными, т. е. находящимися во власти другого лица (*personae alieni juris*). Законъ опредѣляетъ юридическое положеніе свободныхъ лицъ, находящихся во власти другого, говоря, что они находятся или во власти отца (*patria potestas*), или во власти мужа (*manus*), или въ кабалѣ (*mancipium*); переходя затѣмъ къ изложенію вопроса объ отцовской власти, законъ разбираетъ вопросъ: „какимъ образомъ происходитъ отцовская власть“. Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: главный источникъ происхожденія отцовской власти есть рожденіе ребенка отъ брака (*nuptiae*). Слѣдовательно съ точки зрѣнія институціонной системы бракъ есть одинъ изъ источниковъ происхожденія отцовской власти, а опека—продолженіе отцовской власти надъ сиротами, малолѣтними, ставшими самостоятельными лицами вслѣдствіе смерти ихъ отца.

При изложеніи институтовъ семейнаго права мы будемъ держаться системы Гуго-Гейзе вслѣдствіе мотивовъ, изложенныхъ нами ранѣе въ учебникѣ римскаго права (1. стр. 54—59, 280—284); въ нашемъ изложеніи мы будемъ держаться законодательства Юстиніана, потому что въ эпоху Юстиніана семейныя отношенія суть отношенія чисто личные между супругами, между родителями и дѣтьми, тогда какъ по древнему римскому законодательству лицо, стоящее во главѣ семейства (*qui in domo dominium habet*), имѣетъ право надъ личностью подчиненныхъ его власти дѣтей, жены и лицъ кабалныхъ, ничѣмъ не отличающееся отъ права на вещь; медленно и постепенно дошли, однако, римляне до сознанія, что во власти отца коренятся обязанности, обуславливаемые интересами дѣтей. По законодательству Юстиніана эта точка зрѣнія, за немногими исключеніями, характеризуетъ личные семейныя отношенія, которыя между супругами обуславливаются бракомъ, между отцемъ и дѣтьми—отцовской властью.

II. Содержаніе семейнаго права. Ученіе о бракѣ, отцовской власти и опекѣ составляетъ содержаніе семейнаго права ¹⁾. Эти отношенія *личныя*, слѣдовательно доступны только физическимъ лицамъ; они *абсо-*

---

¹⁾ У нѣкоторыхъ писателей находимъ два *отдѣла* семейнаго права: въ одномъ обсуживаются семейныя отношенія между свободными лицами,—бракъ, отцовская власть, опека; въ другомъ—отношенія между отцомъ семейства и его рабами и либертами,—слѣд. рабство, колонатъ и патронатъ.

мотивы и прекращаются со смертью опредѣленного субъекта; характерная черта объективнаго права—возможность принудить человѣка къ выполнению предписаній права—не можетъ служить нормой для многихъ сторонъ семейныхъ отношеній, потому что семейство есть болѣе нравственный союзъ, чѣмъ юридическій, такъ какъ въ основаніи его лежитъ нравственный элементъ—любовь (*pietas, officium, caritas sanguinis*). Конечно, юристы понимали, что основаніе брака, а слѣдовательно союза родителей и дѣтей, скрывается въ животной природѣ человѣка (*quod natura omnia animalia docuit*), но они понимали, что эти животные инстинкты въ человѣкѣ облагораживаются и нравственнымъ элементомъ: полнымъ жизненнымъ общеніемъ между (однимъ) мужемъ и (одной) женою; вотъ почему императоръ Гордіанъ опредѣляетъ понятіе „супруги“ (*uxor*) въ томъ смыслѣ, что жена есть „*Socia rei humanae atque divinae domus*“. Хотя также природа возлагаетъ на сожителей обязанность воспитанія нарожденныхъ дѣтей (*procreatio et educatio liberorum*), но отношенія между родителями и дѣтьми проникнуты идеей обязанности воспитывать дитя и поддерживать его до того времени, пока оно не придетъ въ силы заботиться само о себѣ; идея воспитать дитя не допускаетъ мысли о возможности жестоко обращаться съ ребенкомъ: „не плохой-ли тотъ отецъ, который колотушками укрощаетъ своего сына?“... Подумай... сынъ твой ребенокъ, но ребенкомъ, вѣдь, и ты былъ... помни, принимая свою отцовскую власть, что ты—человѣкъ, и что ты—отецъ человѣка... Вліяніе закона на семейныя отношенія обусловливается нравственной и юридической стороною семейныхъ отношеній. Законъ не можетъ оставить безъ вниманія нравственную сторону этихъ отношеній потому, что бракъ имѣетъ значеніе не только для жизни отдѣльныхъ людей, какъ основаніе семейныхъ отношеній, но имѣетъ значеніе для государственнаго союза, такъ какъ бракъ есть первое воспитательное учрежденіе, создающее для государства гражданъ и кладущее на дѣльныя поколѣнія опредѣленный отпечатокъ. Если нѣтъ въ государствѣ семьи, тамъ царитъ эгоизмъ, война, разбой“. Задача права заключается въ томъ, чтобы поставить семейство въ соотвѣтствіе и съ его нравственнымъ характеромъ (любовь), и съ его значеніемъ въ государствѣ (забота о томъ, чтобы значеніе семьи не было подорвано), слѣдовательно право оказываетъ тройное вліяніе на семейныя отношенія: а) *опредѣляетъ* юридическія условія семейныхъ отношеній, т. е. тѣ условія, на основаніи которыхъ распознается юридически существованіе брака; б) *устраняетъ* нарушенія нравственнаго характера семейныхъ отношеній, слѣдовательно обезпечиваетъ взаимную вѣрность супруговъ не въ одинаковой степени для мужа и жены; въ силу вѣковыхъ предразсудковъ

и физиологическихъ условій общество снисходительнѣе относится къ измѣнѣ мужа, чѣмъ жены, легкое поведеніе которой деморализируетъ общество, дѣтей лишаетъ заботъ отца; с) *опредѣляетъ* имущественныя послѣдствія, вызываемыя семейными отношеніями.—Хотя существованіе брака и отношенія между родителями и дѣтьми не вызываются какими либо мѣстными или случайными причинами, но на указанные три вопроса законодательства древнія и современные даютъ различные отвѣты, болѣе различные, чѣмъ по другимъ вопросамъ гражданского права, такъ какъ на семейномъ правѣ рѣзче всего отпечатлѣваются особенности даннаго народа, напр. у римлянъ на первомъ планѣ стоялъ эгоизмъ отца семейства. Вообще говоря, рѣшить проблему о вліяніи законодательства на семейныя отношенія чрезвычайно трудно, потому что душа этихъ отношеній—взаимное довѣріе и любовь—не поддаются строгой нормировкѣ со стороны закона; взаимную любовь подѣ надзоръ полиціи, говоритъ Ийрингъ, поставить нельзя; опредѣлить уголовное наказаніе за нарушеніе нравственнаго правила также нельзя, потому что уголовный законъ въ этихъ случаяхъ перейдетъ свою задачу: исторія народовъ показываетъ, что если нравственный законъ возводится законодателемъ на степень юридической нормы,—въ результатѣ получаютъ послѣдствія, обратныя желаемому, напр. въ Германіи стремились въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій уничтожить внебрачныя отношенія между полами, но въ результатѣ получалось увеличеніе дѣтоубійствъ. Но нужно согласиться, что римское законодательство удачнѣе другихъ законодательствъ разрѣшило вопросъ о вліяніи закона на семейныя отношенія. По римскому праву, только тѣ стороны семейныхъ отношеній были юридически нормированы, которыя представляютъ чрезвычайную важность для общественнаго блага, для государства.

III. Различіе между семейнымъ правомъ и обязательственнымъ правомъ. Обязательственное право производитъ юридическую связь также между опредѣленными только лицами, всилу которой одно лицо имѣетъ право требовать отъ другого исполненія опредѣленнаго дѣйствія; но главное отличіе семейнаго права отъ обязательственнаго заключается въ томъ, что при семейномъ правѣ вся личность отдѣльнаго индивидуума подчинена другому, тогда какъ при обязательственномъ правѣ она подчинена только въ опредѣленномъ отношеніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

УЧЕНИЕ О БРАКѢ *).

§ 1.

Опредѣленіе брака.

По опредѣленію юриста Модестина „бракъ есть соединеніе мужчины и женщины для нераздѣльнаго общенія жизни и права“ (*nuptiae sunt conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio*)¹⁾, по опредѣленію институцій Юстиніана: „для нераздѣльнаго общенія жизни“ (*nuptiae sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio, individuum vitae consuetudinem continens* ²⁾); но въ обоихъ опредѣленіяхъ указывается на *нераздѣльность* общенія, которая не исключаетъ добровольнаго прекращенія супружескихъ узъ посредствомъ развода, какъ это будетъ показано ниже.

Изъ этого этического опредѣленія брака мы видимъ, что цѣль моногамическаго брака не составляетъ половое сожительство; его цѣль— нравственное общеніе или общность всей жизни, выражающееся въ нераздѣльномъ сожительствѣ. Нераздѣльное сожительство—существенный признакъ брака (*affectus maritalis, consensus matrimonialis, animus matrimonii*); этимъ признакомъ обусловливаются тѣ юридическія послѣдствія брака, что жена подчиняется власти мужа, принимаетъ права состоянія своего мужа, а зачатые въ бракѣ дѣти считаются законнорожденными (*liberi patrem sequuntur*) и подчиняются отцовской власти, мужу своей матери. Общность существованія супруговъ есть исключительный признакъ брака и отличаетъ его отъ всѣхъ иныхъ половыхъ союзовъ, даже отъ конкубината, который, какъ союзъ мужчины и женщины, по формѣ похожъ на бракъ, но по внутренней своей сторонѣ онъ отличается отъ брака, именно, тѣмъ, что при конкубинатѣ нѣтъ общности существованія сожителей; вслѣдствіе этого конкубина не получаетъ права состоянія своего сожителя и прижитыя ею дѣти не считаются законнорожденными.

Этическое опредѣленіе брака было дано Модестиномъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей; съ точки зрѣнія (которой не былъ чуждъ императоръ Пробъ) ³⁾ древнихъ народовъ бракъ вообще преслѣ-

*) Inst. 1. 10 *de nuptiis*; Dig. 23. 2 *de ritu nuptiarum*; Cod. 5. 4 *de nuptiis*. Rossbach, Untersuchungen über die römische Ehe, Stuttgart, 1853. Заруцкий, „Ученіе о законнорожденности“, Харьковъ, 1880 г.

¹⁾ L. 1. h. t.—²⁾ § 1 Inst. 1. 9.—³⁾ L. 9. Cod. h. t.

дуетъ реальную цѣль —нарожденіе дѣтей (*liberorum quaerendorum causa*); въ плодородности брака были заинтересованы религія, нравственность, семья и государство; вступленіе въ бракъ—обязанность... Мы имѣемъ, говоритъ Демосѳенъ, *uxores propter ingenuos liberos suscipiendos*; *meretrices—voluptatis causa*; *concubinas—propter quotidiana ministeria corporis*.—Бракъ, вызывающій всѣ свойственныя ему юридическія послѣдствія, называется „*nuptiae*“, *justum (legitimum) matrimonium*, и какъ таковой есть институтъ гражданскаго права; слѣдовательно для вступленія въ бракъ необходимо было обладать „правомъ на вступленіе въ бракъ“ (*jus connubii*), которое императоры жаловали лицамъ, не имѣющимъ сего права (*jus connubii consessum*). Бракъ, заключенный между лицами, неимѣющими *jus connubii*, назывался *matrimonium juris gentium*; такой бракъ считался дѣйствительнымъ бракомъ, женщина считалась женой, дѣти считались законнорожденными, но ни жена, ни дѣти не подпадали подъ власть мужа, отца. Но съ теченіемъ времени *manus* вышелъ изъ употребленія. По законодательству Юстиніана бракъ, заключенный съ соблюденіемъ требуемыхъ условій, не вызывая подчиненія жены мужу (*sine conventione uxoris in manum mariti*), вызываетъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя нѣкогда были свойственны только *nuptiae*.

Если бракъ есть институтъ гражданскаго права, то можно ли сказать, что бракъ есть контрактъ? Конечно, нѣтъ: а) цѣль брака—общность существованія супруговъ, которая вызываетъ множество нравственныхъ обязанностей между супругами, выполнить которыя принудить юридическимъ путемъ нельзя ни мужа, ни жену и оцѣнить на деньги эти обязанности, разумѣется, невозможно; б) заключая бракъ, мужчина и женщина не имѣютъ въ виду прекратить свои супружескія отношенія тотчасъ, коль скоро выполнять свои обязанности; в) права и обязанности, вытекающія изъ супружескаго союза, не могутъ быть измѣнены частной волей, слѣдовательно оцѣнка вопроса о дѣйствительности заключеннаго брака не подлежитъ усмотрѣнію супруговъ.

§ 2.

Сговоръ (*sponsalia* *).

1. Опредѣленіе; значеніе; форма заключенія.

Совершенію брака, обыкновенно, предшествуетъ *сговоръ* (*sponsalia*) т. е. договоръ, заключаемый женихомъ и невестой о будущемъ зак-

*) Dig. 23. 1. De *sponsalibus*. — Cod. 5. 1 de *sponsalibus* et *arrhis sponsalitiis* et *proxenetecis*. *Sonntag*, De *sponsalibus* apud Romanos. Halae. 1861.

люченіи между ними брака, съ согласія тѣхъ лицъ, во власти которыхъ они состоятъ (Sponsalia sunt mentio—предложеніе—et repromissio nuptiarum futurarum)¹⁾. Для дѣйствительности будущаго брака сговоръ не имѣлъ значенія, т. е. онъ не вызывалъ юридической обязанности для жениха и невѣсты непременно вступить въ бракъ: за каждымъ изъ сговоренныхъ признавалось право уничтожить заключенный сговоръ и другая сторона не могла настаивать на томъ, чтобы бракъ былъ дѣйствительно заключенъ. Считается безнравственнымъ стѣснять какъ бы то ни было свободу вступленія въ бракъ²⁾; вотъ почему недѣйствительно обязательство уплатить неустойку въ случаѣ, если обрученный не вступить въ бракъ³⁾. Впрочемъ, по древнему праву возможно было предъявленіе иска къ обрученному, отказывающемуся отъ заключенія брака. Дѣло въ томъ, что сговоръ нѣкогда совершался въ формѣ стипуляціи, при которой общаніе (sponsio) совершалось лицами, имѣющими отцовскую власть надъ обрученными („se filiam in matrimonium daturum“ „filium suum illam in matrimonium ducturum“)⁴⁾; въ послѣдствіи формулы произносились женихомъ и, по прежнему, отцомъ невѣсты („se filiam in matrimonium ducturum“ „se eam daturum“); неисполненіе стипуляціи вызываетъ возможность предъявить искъ (actio ex stipulatu) о вознагражденіи вреда и убытковъ (id quod interest), причиненныхъ неисполненіемъ договора о вступленіи въ бракъ; мѣра оцѣнки вреда и убытковъ предоставлена судѣ; въ послѣдствіи для дѣйствительности обрученія довольно заключенія неформальнаго договора (nudus consensus), но искъ о вознагражденіи вреда и убытковъ не допускался⁵⁾. Въ качествѣ средства принудить къ заключенію предположеннаго общанія являлся, какъ по древнему, такъ и по новому праву, *задатокъ* (arrha sponsalitia),—получившій задатокъ долженъ былъ отдать его вдвойнѣ, если отступалъ безъ особенной причины отъ обрученія, и своихъ подарковъ обратно не получалъ; считалось возможнымъ заключить словесный договоръ (стипуляцію) объ уплатѣ суммы вчетверо большей противъ полученнаго задатка, если женихъ безосновательно откажется отъ своего общанія⁶⁾. Въ томъ случаѣ, если бракъ состоится, задатокъ или возвращается обратно давшему, или же переходитъ въ дареніе „по причинѣ брака“ (donatio propter nuptias)⁷⁾. Отъ задатка необходимо отличать *подарки между* обрученными (donatio ante nuptias, largitas, donatio seu arrha sponsalitia), которые совершались въ ожиданіи будущаго между обрученными брака (si nuptiae erunt subsequutae); по указу императора Константина, подарившій можетъ потре-

¹⁾ L. 1 Dig. h. t.—²⁾ L. 1 Cod. h. t.—³⁾ L. 5 Cod. h. t.—⁴⁾ Gell. 4. 4.—⁵⁾ L. 4 Dig. h. t.—⁶⁾ L. 5 Cod. cit. Cp. l. un. Cod. th. 3. 10.—⁷⁾ Cp. l. 1. 4. 6. 17. 19. 20. Cod. 5. 3.

бовать даръ обратно, если не виновенъ въ нарушеніи обрученія; онъ не имѣетъ права требовать дара обратно, если обрученіе нарушено по его винѣ; такъ какъ *популяр* обрученныхъ служить публичнымъ знакомъ заключеннаго обрученія, то женихъ имѣетъ право требовать половины своихъ подарковъ, если обрученіе, заключенное „*osculo interveniente*“, было прекращено безъ вины или смертью невѣсты ¹⁾. Подарки между обрученными, совершенные по поводу брака, вступленіе въ который имъ по закону запрещено, конфискуются ²⁾.

II. Условія заключенія. Изъ вышеуказаннаго опредѣленія обрученія видны слѣдующія условія стовора:

а) *обрученіе* есть договоръ, слѣдовательно необходимо согласіе обрученныхъ; въ этомъ отношеніи примѣняются общія правила о вліяніи на дѣйствительность договора *сумашествія, обмана, принужденія и ошибки*; совершеннолѣтія въ лицѣ обручаемыхъ не требуется, такъ какъ считается достаточнымъ достиженіе женихомъ или невѣстой полныхъ семи лѣтъ ³⁾;

б) *согласіе отца*, во власти котораго состоитъ обручаемый; оно можетъ быть дано молчаливо. Отецъ имѣетъ право самъ заключить обрученіе для своихъ дѣтей; но въ этомъ случаѣ требуется согласіе обручаемыхъ сыновей, но не дочерей; дочь можетъ отклонить выборъ, сдѣланный ей отцомъ, только въ томъ случаѣ, если избранный ей женихъ неодобрительнаго поведенія (*indignus moribus vel turpis persona*). Воля отца на столько велика, что и послѣ смерти его дочь не могла отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не относился къ лицамъ неодобрительнаго поведенія ⁴⁾;

с) *дѣйствительная возможность заключить теперь или въ будущемъ бракъ*,—съ этой точки зрѣнія между обручаемыми не должны существовать тѣ препятствія, при наличности которыхъ между ними невозможно заключеніе брака; впрочемъ обрученіе губернатора съ провинціалкой признавалось дѣйствительнымъ ⁵⁾.

III. Юридическія послѣдствія. Обрученіе не вызываетъ юридической обязанности для стоворенныхъ вступить между собою въ бракъ, но вызываетъ слѣдующія косвенныя юридическія послѣдствія:

а) обрученный, заключившій новое обрученіе раньше прекращенія прежде заключеннаго, подвергается (*ipso jure*) *безчестію*, согласно постановленіямъ преторскаго эдикта „о двойномъ обрученіи“ (*bina sponsalia*) ⁶⁾.

б) обрученные могутъ *отказаться* свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судѣ ⁷⁾;

¹⁾ L. 16 Cod. h. t.—²⁾ L. 4 Cod. 5. 5.—³⁾ L. 14 Dig. h. t.—⁴⁾ L. 12 § 1. 15 Dig. h. t.—⁵⁾ L. 15 Dig. h. t.—⁶⁾ L. 1 Dig. 3. 1.—⁷⁾ L. 5 Dig. 22. 5.

с) *обида*, причиненная одному из обрученныхъ, считается взаимной, слѣдовательно женихъ въ случаѣ оскорбленія его невѣсты имѣетъ право предъявить за нее искъ объ обидѣ (*actio de injuriis*) ¹⁾;

д) *измѣна* невѣсты жениху, какъ измѣна жены мужу, считается прелюбодѣянiемъ (*adulterium*) ²⁾;

е) *убійство* обрученнымъ обрученнаго подпадаетъ подъ дѣйствіе закона объ „отцеубійствѣ“ (*de parricidiis*) ³⁾;

ф) обрученные разсматриваются какъ *свойственники* (*affines*) ⁴⁾;

г) женихъ не имѣетъ права отчуждать земельный участокъ, полученный имъ въ приданое ⁵⁾.

IV. Прекращеніе. Обрученіе прекращается:

а) *смертью* обрученнаго;

б) *появленіемъ* препятствій, при которыхъ заключеніе брака между обрученными становится невозможнымъ;

с) по *взаимному согласію* обрученныхъ (*repudium voluntarium*);

д) *отказомъ* вступить въ бракъ, если отъ момента заключенія сговора прошло два или три года, въ теченіе которыхъ бракъ не былъ заключенъ ⁶⁾;

е) *отказомъ* отъ сговора (*repudium necessarium*); отказаться отъ сговора можетъ каждый изъ обрученныхъ (*alii desponsatae renuntiare conditioni et nubere alii non prohibentur*) прямымъ заявленіемъ объ отказѣ („*condizione tua non utor*“); такой отказъ можетъ оказать роковое вліяніе на данный задатокъ; вотъ почему законодатель рекомендуетъ смотрѣть: не обусловливается ли отказъ отъ сговора одной изъ законныхъ причинъ, напр. дурнымъ поведеніемъ обрученнаго, еретическими его вѣрованіями, не заключили-ли обрученные отдѣльнаго какого-либо условія о задаткѣ на случай прекращенія обрученія отказомъ и пр. ⁷⁾.

§ 3.

Законныя условія брака.

Условія заключенія дѣйствительнаго брака таковы:

а) вступающіе въ бракъ должны обладать *брачнымъ возрастомъ*, т. е. мужчина долженъ достигнуть 14 лѣтъ, женщина—12 лѣтъ (*viripotens*). Бракъ, заключенный молодыми людьми, не достигшими брач-

¹⁾ L. 15 § 24 Dig. 47. 16.—²⁾ L.—13 § 3. 8 Dig. 48. 5.—³⁾ L. 3 Dig. 48. 9.—

⁴⁾ Учебникъ, 1 стр. 139.—⁵⁾ L. 4 Dig. 23. 5.—⁶⁾ L. 2 Cod. h. t., l. 2 Cod. 5. 17.—

⁷⁾ L. 1 Cod. h. t.

наго совершеннолѣтія, считается дѣйствительнымъ на будущее время съ момента достиженія супругомъ брачнаго совершеннолѣтія, когда является возможность плотскаго соединенія супруговъ. Такъ какъ бракъ предполагаетъ физическое развитіе супруговъ, то, очевидно, что сконецъ (castratus) не можетъ вступить въ бракъ, потому что не обладаетъ способностью сожитія (impotentia coeundi et generandi); наоборотъ больной половыми органами (spado) можетъ вступить въ бракъ, такъ какъ отъ болѣзни можно еще вылѣчиться;

b) вслѣдствіе запрещенія *полтаміи* невозможно заключеніе брака, если оба или одинъ изъ супруговъ состоятъ въ бракѣ;

c) вступающіе въ бракъ должны имѣть *согласіе* на это, согласіе же это—воли брачующихся отнынѣ жить вмѣстѣ въ качествѣ супруговъ; такое согласіе не требуетъ какой либо формы для своего выраженія (nudus consensus); слѣдовательно недѣеспособный вслѣдствіе душевной болѣзни (furiosus, demens) не можетъ вступить въ бракъ; но душевныя болѣзни, поразившія одного изъ супруговъ послѣ заключенія брака, не уничтожаютъ брака. Согласіе брачующихся жить вмѣстѣ можетъ быть опорочено вслѣдствіе обмана, страха, ошибки, притворства; физическое принужденіе вступить въ бракъ и притворство вызываютъ ничтожность брака; наоборотъ, психическое насиліе и обманъ даютъ возможность обманутому супругу предъявить искъ о признаніи заключеннаго брака недѣйствительнымъ. Впрочемъ вопросъ о вліяніи обмана и насилія на дѣйствительность брака не разработанъ быть можетъ потому, что обманутый супругъ скорѣе всего можетъ уничтожить бракъ путемъ развода. Ошибка въ личности супруга (error in persona), т. е. въ его индивидуальности, вызываетъ ничтожность брака; ошибка относительно качествъ умственныхъ, физическихъ или относительно имущественныхъ средствъ супруга не оказываетъ вліянія на дѣйствительность брака;

d) **согласіе отца**, если вступающій въ бракъ состоитъ въ отцовской власти; согласіе можетъ быть дано явно или молчаливо, но во всякомъ случаѣ оно должно предшествовать заключенію брака; бракъ, заключенный безъ согласія отца, считается ничтожнымъ; но если отецъ далъ въ послѣдствіи свое согласіе на бракъ сына, уже живущаго съ данною женщиной безъ согласія отца, то бракъ будетъ считаться дѣйствительнымъ на будущее время, считая отъ момента согласія отца, но безъ обратнаго дѣйствія, слѣдовательно прижитыя дѣти раньше полученія согласія отца считаются незаконнорожденными. Въ томъ случаѣ, когда отецъ не можетъ дать свое согласіе вслѣдствіе напр. своего сумашествія или безумія или нахождения въ плѣну уже около трехъ лѣтъ, или отказывается,

наконецъ, въ своемъ согласіи безъ всякихъ уважительныхъ мотивовъ, а изъ одного только упорства, то законъ разрѣшаетъ, чтобы сынъ или дочь такого лица испросили на вступленіе въ бракъ согласіе сановника (магистрата). Если въ бракъ хочетъ вступить внукъ опредѣленнаго лица, который находится во власти (*patria potestas*) своего дѣда, то необходимо различать два случая: а) если внукъ послѣ своего дѣда станетъ лицомъ самостоятельнымъ (*sui juris*),—въ этомъ случаѣ для дѣйствительности брака внука достаточно согласія дѣда; б) если внукъ послѣ смерти дѣда подпадетъ подъ власть своего отца,—тогда внукъ, вступающій въ бракъ, долженъ заручиться согласіемъ дѣда и отца; это послѣднее положеніе объясняется тѣмъ, что никто не можетъ имѣть противъ своего желанія себѣ наслѣдника, котораго въ данномъ случаѣ внукъ прижилъ бы безъ согласія своего отца¹⁾. Для дѣйствительности брака внучки достаточно согласія ея дѣда, потому что прижитыя ею дѣти подпадутъ подъ власть ея мужа, или отца мужа. Самостоятельная женщина (*sui juris*) не имѣетъ вообще права вступить въ бракъ безъ согласія отца, дѣда; если отца нѣтъ въ живыхъ, она должна заручиться согласіемъ матери; нѣтъ матери—согласіемъ близкихъ родственниковъ. Только съ достиженіемъ 25 лѣтняго возраста женщина получаетъ право располагать рукою по своему усмотрѣнію²⁾, тогда какъ эмансипированный сынъ можетъ вступать въ бракъ, не нуждаясь въ согласіи отца или дѣда.

§ 4.

Юридическія препятствія къ заключенію брака.

I. Виды препятствій. На основаніи вышеизложенныхъ условій дѣйствительности брака понятны сами собою юридическія препятствія къ заключенію брака. Эти препятствія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: *препятствія абсолютныя и препятствія относительныя.*

А) **Абсолютныя препятствія** (*impedimenta dirimentia*) суть тѣ, при наличности которыхъ заключеніе брака невозможно вслѣдствіе неимѣнія лицами, желающими вступить въ бракъ, брачной правоспособности. Къ числу этихъ препятствій относятся:

- а) рабство;
- б) недостиженіе брачнаго совершеннолѣтія; старческій возрастъ не служитъ препятствіемъ къ заключенію брака³⁾;
- в) сумашествіе;

¹⁾ § 7 Inst. I. 11.—²⁾ L. 20 Cod. 5. 4.—³⁾ L. 27 Cod. 5. 4.

d) неполученіе согласія отца на бракъ;

e) въ древности *весталки* не могли вступать въ бракъ раньше истеченія 30 лѣт. срока ихъ обѣта; по законодательству христіанскихъ императоровъ (со времени сыновей императора Константина), монахи и монахини не имѣютъ брачной правоспособности. Вступленіе монаха или монахини въ бракъ не вызываетъ ничтожности брака, а влечетъ лишеніе обѣта монашества ¹⁾; лица бѣлаго духовенства, занимающія въ духовной іерархіи санъ не ниже субдіакона, не могли вступать въ бракъ; дѣти, прижитыя сими лицами отъ брака, заключеннаго по принятіи указаннаго сана, считались рожденными отъ кровесмѣсительной связи (*incestuosi*) ²⁾; однако, женатымъ мірянамъ не воспрещается добиваться посвященія въ субдіаконы, діаконы, священники;

f) запрещается вступать въ новый бракъ до прекращенія существующаго. Для надлежащей оцѣнки этого воспрещенія, слѣдуетъ, однако, вспомнить, что римское право долго не знало соблюденія какихъ либо формальностей при разводѣ; вотъ почему у римлянъ вопросъ о томъ: „заключеніе новаго брака мужемъ или женою, при существованіи брака прежняго, должно быть рассматриваемо какъ заключеніе брака ничтожнаго или же какъ разводъ существующаго брака“ вызывалъ различныя мнѣнія. Этотъ спорный вопросъ былъ разрѣшенъ съ того момента, когда законодательство предписало соблюденіе формальностей при разводѣ (см. ниже). Мужчина, имѣющій конкубину, не можетъ вступить въ бракъ съ другой женщиной ранѣе, чѣмъ не прекратитъ конкубината (см. ниже). Последовательное заключеніе нѣсколькихъ браковъ допускалось по древнему праву съ тѣмъ ограниченіемъ, что вдова могла выйти вторично замужъ по истеченіи траурнаго года (*annus luctus*); этимъ ограниченіемъ старались избѣгнуть возможнаго „смѣшенія крови“ (*turbatio sanguinis*) въ томъ случаѣ, если вдова оказалась беременной; если-бы она вышла замужъ ранѣе истеченія срока траурнаго періода, то возможно было сомнѣніе объ отцовствѣ имѣющаго родиться ребенка, напр. вдова вышла замужъ черезъ мѣсяць послѣ смерти своего мужа; черезъ шесть мѣсяцевъ, считая отъ момента заключенія второго брака, она рождаетъ ребенка; спрашивается: отцомъ этого ребенка будетъ ли второй супругъ его матери или же покойный ея мужъ? Можно допустить и то и другое предположеніе, такъ какъ оба предположенія отвѣчаютъ принципу опредѣленія отцовства съ точки зрѣнія зачатія ребенка. По преторскому эдикту беременная женщина, ея мужъ и ея отецъ, нару-

¹⁾ Nov. 5. 8.—6. 6.—²⁾ L. 45 Cod. 1. 3—Nov. 6. 1—123. 9. 12.

шившіе предписанія эдикта о соблюденіи траурнаго года, подвергаются безчестью, но второй бракъ не считается ничтожнымъ; съ рожденіемъ ребенка обязанность не выходитъ вторично замужъ до истеченія траурнаго года прекращается, потому что рожденіе ребенка прекращаетъ возможность сомнѣній относительно его отцовства. Таково было законодательство „о вступленіи вдовы во второй бракъ (*secundae nuptiae*) въ теченіе языческаго періода. Христіанскіе императоры смотрѣли вообще неблагопріятно на заключеніе вдовами второго брака и предписывали, чтобы вдовы не выходили вторично замужъ или, по крайней мѣрѣ, выдерживали-бы годъ вдовства ¹⁾. Нарушеніе этого постановленія влекло для женщины различныя невыгодныя послѣдствія (*poenae secundarum nuptiarum*, см. ниже).

В. Относительныя препятствія (*impedimenta impediencia*) суть тѣ, которыя опредѣляются закономъ на основаніи различныхъ соображеній и при наличности которыхъ вступленіе въ бракъ является невозможнымъ для лицъ, обладающихъ брачною правоспособностью. Къ числу этихъ препятствій относятся:

а) *родство* (*cognatio*). Воспрещается вступленіе въ бракъ родственникамъ въ *прямой* линіи безъ различія степени (*in infinitum*), несмотря на то: существуетъ ли между данными лицами родство по рожденію (кровное, *cognatio*) или по усыновленію (гражданское, *adoptio*); въ послѣднемъ случаѣ запрещеніе остается, хотя бы узы по усыновленію были расторгнуты; въ *боковой*—во второй степени и при так. назыв. *respectus parentelae* (дядя и племянница); если боковое родство создано путемъ усыновленія, то запрещеніе вступать въ бракъ существуетъ до тѣхъ поръ, пока длится усыновленіе ²⁾. Слѣд. бракъ между двоюродными родственниками (дѣти отъ братьевъ и сестеръ) допускался ³⁾;

б) *свойство* (*affinitas*). Извѣстно, что первоначально было воспрещеніе брака съ тещей и мачихой, невѣсткой и падчерицей; впослѣдствіи,—со свояченицей и вдовой умершаго брата. По соображеніямъ „какъ-бы—свойства“ воспрещенъ бракъ между мужемъ и дочерью отъ разведенной съ нимъ жены, которую эта послѣдняя прижила позднѣе отъ второго своего мужа; между отцемъ и невѣстой его сына; между сыномъ и невѣстой отца, отчимомъ и вдовой пасынка, пасынкомъ и вдовой отчима ⁴⁾;

---

¹⁾ Nov. 22. 22.—²⁾ § 2. Inst. 1. 10.—³⁾ § 4 ib.—⁴⁾ §§ 6. 7. 9 Inst. 1. 10, 1. 14. 15 Dig. 23. 2., 1. 4. 5 Dig. 38. 10, 1. 17 Cod. 5. 4., 1. 5. 8. 9 Cod. 5. 5.

с) съ точки зрѣнія *религіозной* воспрещено вступленіе въ бракъ: aa) крестному отцу съ крестницей; bb) еврею съ христіанкой, христіанину съ еврейкой ¹⁾;

d) вслѣдствіе *совершеннаго преступленія* воспрещается заключеніе брака между прелюбодѣемъ и прелюбодѣйкой, похитителемъ и похищенной ²⁾;

e) вслѣдствіе *политическихъ соображеній*: губернаторъ и другіе провинціальныя чиновники, присланные изъ Рима, не имѣютъ права вступать въ бракъ съ провинціалками (туземками) ³⁾;

f) въ *интересахъ* находящагося въ опеку: заключеніе брака воспрещено между опекуномъ (со времени Коммода) и подопечной, находящейся въ его опеку; это запрещеніе распространяется и на мужчинъ, находящихся подъ властью опекуна, или подъ властью которыхъ опекуны находятся, и на тѣхъ, съ которыми опекуны находятся во власти; запрещеніе это существуетъ до тѣхъ поръ, пока опекуны не сдадутъ отчетовъ по опеку, по достиженіи малолѣтней полнаго совершеннолѣтія и пока не истекъ срокъ возстановленія въ прежнемъ положеніи (in integrum restitutio). Исключеніе въ томъ случаѣ, если отецъ подопечной помолвилъ ее съ однимъ изъ этихъ лицъ или же общалъ въ за-вѣщаніи отдать ее одному изъ нихъ ⁴⁾.

Въ законодательство Юстиніана не перешли постановленія о запрещеніи браковъ: a) между свободнорожденными и mulieres famosae ⁵⁾; b) между сенаторами (и ихъ потомками per masculos до 3 степ.) съ либертинками, актрисами и ихъ дѣтьми ⁶⁾; нарушеніе этихъ постановленій вызывало по закону Раріа Рорраеа гражданскія наказанія за безбрачіе; поздиѣ — ничтожность заключеннаго брака; но Юстиніанъ воспретилъ вступленіе въ бракъ свободной женщины съ колономъ ⁷⁾.

II. Юридическія послѣдствія нарушенія препятствій. Если, не смотря на указанныя препятствія, лица все-таки вступили между собою въ бракъ, то бракъ считается ничтожнымъ, т. е. не можетъ вызывать никакихъ юридическихъ послѣдствій, которыя обыкновенно вызываются дѣйствительнымъ бракомъ, ни по отношенію къ сожителямъ (нѣтъ ни мужа, ни жены), ни по отношенію къ прижитымъ дѣтямъ (они не имѣютъ отца), которыя считаются незаконнорожденными. Такой союзъ между мужчиной и женщиной не есть бракъ ни по гражданскому праву (nuptiae), ни по общенародному (matrimonium); это не бракъ, а „плот-

¹⁾ L. 26 Cod. 5. 4, l. 6 Cod. 1. 9.—²⁾ L. 26 Dig. 23. 2, Nov. 134. 12; 143; 150.—³⁾ L. 57 Dig. ib.—⁴⁾ L. 59, 60, 62, 64, 66, 67 D. 23. 2. Cod. 5. 6.—⁵⁾ Ulp. 16. 2.—⁶⁾ L. 44 pr. Dig. h. t. Nov. 117. 6.—⁷⁾ Nov. 22. 17.

ское соединеніе“ (coitus); такой союзъ, заключенный съ нарушеніемъ правилъ о родствѣ, называется „беззаконнымъ и кровесмѣсительнымъ“ (nefariae et incestuosae nuptiae); браки, заключенные съ нарушеніемъ указанныхъ препятствій, нерѣдко вызываютъ уголовныя кары для сожителей и ставятъ внѣ закона неповинныхъ въ своемъ рожденіи незаконныхъ дѣтей, изъ среды которыхъ законъ въ особенности преслѣдуетъ дѣтей, рожденных отъ прелюбодѣянія (adulterini) и кровесмѣшенія (incestuosi).

Впрочемъ, нѣкоторые изъ изслѣдователей полагаютъ, что законодательство Юстиніана признавало „*matrimonium putativum*“, т. е. если былъ заключенъ бракъ съ нарушеніемъ указанныхъ препятствій, при чемъ женихъ или невѣста или оба вмѣстѣ дѣйствовали добросовѣстно (cum bona fide), т. е. не знали, что они не могли вступить въ бракъ въ слѣдствіе существующаго препятствія; такой бракъ, конечно, расторгается, но вызываетъ обычныя дѣйствія брака для ошибагося супруга, а рожденные отъ такого брака дѣти пользуются всѣми правами законнорожденныхъ по отношенію къ обоимъ родителямъ ¹⁾. Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что въ прежнее время сенатъ, позднѣе императоры выдавали *разрѣшенія* (dispensationes) на заключеніе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда препятствіе къ заключенію брака основывалось на законѣ; слѣдовательно эти разрѣшенія не могли устранить препятствій, основывающихся на нравственномъ или физическомъ законѣ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Bestimmung der Längen-Differenz zwischen Nicolajew und Charkow.

von Prof. G. Lewitzky.

Während der grossen chronometrischen Expedition im Jahre 1846 bestimmte Otto Struve unter anderem auch die Längen-Differenz zwischen Charkow und Moskau. Den wahrscheinlichen Fehler seiner Bestimmungen schätzte Struve auf etwa 0^s2 , bemerkte aber dabei: „la longitude la moins exacte est celle de Kharkov, par suite de l'effet extraordinaire des températures et parce qu'ici la détermination du temps est moins sûre que pour les deux autres observatoires“ ¹⁾).

Es war daher nothwendig, als die Einrichtung einer neuen Universitätssternwarte begonnen wurde, die Länge derselben, und zwar auf telegraphischem Wege, zu finden, wobei die Verbindung mit Nicolajew, als einem sicher bestimmten und aus Charkow bequem zu erreichenden Punct, in Aussicht genommen war.

Der in der Ausführung der Längenbestimmungen in Russland so hochverdiente Director der Marinesternwarte in Nicolajew I. Kortazzi sagte nicht allein seine Betheiligung an der Arbeit zu, sondern übernahm es auch, da ich noch keine Gelegenheit gehabt hatte Längenbestimmungen zu machen, mir alle dazu nöthigen praktischen Anweisungen zu geben. Es wurde dabei vereinbart, die Bestimmung der Längen-Differenz zwischen Nicolajew und Charkow im Juni und Juli 1889 auszuführen. Die Vertheilung der Beobachter zwischen den Beobachtungsstationen wurde nach dem folgenden Schema festgestellt:

---

¹⁾ O. Struve, Expéditions chronometrique de 1845 et 1846. Seconde partie. Expédition de 1846. p. 43.

Nicolajew.

Charkow.

Kortazzi

Lewitzky

Lewitzky

Kortazzi

Lewitzky

Kortazzi

Lewitzky

Kortazzi

Kortazzi

} (Bestimmung der relativen persönlichen Gleichung).

Lewitzky.

Bei jeder Vertheilung der Beobachter war es wünschenswerth, drei vollständige Abende, d. h. mit Zeitbestimmungen vor und nach dem Wechseln der Signale, zu erhalten, was aber in Folge ungünstiger Witterungsverhältnisse nicht ganz erreicht werden konnte.

Die Zeitbestimmungen wurden ausgeführt: in Nicolajew in einem um $0^{\circ}115$ östlich von dem Centrum der Sternwarte liegenden Drehthurm für transportable Instrumente, und in Charkow auf einem um $0^{\circ}088$ östlich von dem Centrum des Meridiankreises aufgemauerten und mit einer Plattform versehenen Pfeiler.

Für die Beobachtungen und für die Zeitübertragung wurden folgende Chronometer und Uhren gebraucht:

in Nicolajew:

A = Dent № 1821

XIII = Pihl № 63 ¹⁾

B = Dent № 735

Y = Frod. № 3218

U = A. G. № 1473

N = Howü № 24. (Normaluhr der Sternwarte).

} Mittlerer-Zeit Chronom.

} Sternzeitchron.

in Charkow:

13 = Kessels № 1290 ¹⁾

C = Dent № 1954

D = Baraud № 956

E = Birchall № 803

X = Dent № 1559

Z = Frodsham № 3142

W = Wirén № 70

K = Knoblich's Pendeluhr.

} Mittlerer-Zeit Chronom.

} Sternzeitchronom.

Die für die Zeitbestimmungen angewandte Methode war die Zinger'sche. Bei klarem Wetter wurden jedesmal nicht weniger als 3—4

¹⁾ Dreizehnschläger.

Paare vor und nach dem Signalwechsel beobachtet. Die Signale wurden nach der bekannten akustischen Methode, mittelst zwei Morse'schen Schlüssel und zwei Relais, welche von den Beobachtern nicht gewechselt wurden, mit einem Dreizehnschläger gegeben und nach einem Sternzeitchronometer empfangen. Von jedem Beobachter wurden die Signale in zwei neunreihigen Sätzen gegeben. Da ich aber meiner Schwerhörigkeit wegen oft weniger Coincidenzen bemerken konnte, als wünschenswerth war, so wurde mir in solchen Fällen noch ein Satz Signale von Kortazzi gegeben. Die Zeitbestimmungen wurden von beiden Beobachtern mit Repsold'schen transportablen Verticalkreisen ähnlicher Construction und nahezu gleicher Dimensionen ausgeführt. Ein wesentlicher Unterschied zwischen beiden Instrumenten bestand nur in der Art und Weise der Verbindung des Höhenkreisniveau's mit dem Ständer der Horizontalachse. Bei dem von Kortazzi gebrauchten Instrumente ist diese Verbindung eine feste, so dass keine Nachziehung der Feder zu befürchten ist, wogegen bei dem von mir benutzten Verticalkreis das Niveau an einem um die Horizontalachse drehbaren und mit dem Ständer mittelst einer Feder verbundenen Rahmen befestigt ist. Zugleich war die Feder der Klemmschraube am Verticalkreis etwas zu schwach, so dass in Folge der Nachwirkung beider Federn fehlerhafte Angaben des Niveau's entstehen konnten. Da ich vor der Längenbestimmung im J. 1889 diesen Repsold'schen Verticalkreis nur ausnahmsweise benutzte, so blieb leider der erwähnte Uebelstand unbemerkt. Während der Längenbestimmung selbst und schon in der Mitte derselben fiel mir die Trägheit der Niveaublase auf und als Ursache dieser Erscheinung stellten sich die bekannten Ausscheidungen an der inneren Oberfläche des Niveaurohrs heraus. Da mir damals kein Reserveniveau zur Verfügung stand, so war ich gezwungen, mit demselben Niveau weitere Beobachtungen zu machen, bemühte mich aber so gut als möglich die schädliche Einwirkung der Ausscheidungen dadurch zu vermindern, dass ich vor dem Sterndurchgang die Niveaublase mittelst der Fusschraube des Instruments in heftige Bewegung setzte. Dasselbe Verfahren bei der Bestimmung des Niveau-Teilwerthes anzuwenden war natürlich nicht möglich und vielleicht in Folge dessen ergaben solche Bestimmungen am 9 Juni und 10—14 Juli merklich verschiedene Resultate. Ich fand nämlich:

$$9 \text{ Juni: } \frac{\tau}{2} = 0.0586 \text{ bei der Temperatur } + 16.8 \text{ C.}$$

$$10 - 14 \text{ Juli: } \frac{\tau}{2} = 0.0675 \text{ bei der Temperatur } + 28.4 \text{ C.}$$

Bei der ersten Bestimmung (9 Juni) war die Einwirkung der Ausscheidungen noch nicht bemerkbar, während sie bei der zweiten (10–14 Juli) sehr deutlich hervortrat. Bei der Reduction der Zeitbestimmungen wurden der jedesmaligen Lufttemperatur entsprechende Niveau-Theilwerthe angewandt, welche durch Interpolation zwischen den zwei oben angegebenen Werthen gefunden wurden. Statt der Thermometerangabe wurde dabei als Argument die Blasenlänge genommen, die sich mit der Temperatur sehr regelmässig änderte.

In Folge beider soeben erwähnten Mängel des Instruments stimmten die einzelnen von mir beobachteten Uhr correctionen bedeutend schlechter überein, als es nach der Uebereinstimmung der Fäden zu erwarten war. Der wahrscheinliche Fehler der Bestimmung der Uhr correction aus einem Paar erreichte die Grösse von $\pm 0^s 08$, wobei besonders grosse Differenzen bei meinen Beobachtungen in Charkow (Wahr. Fehl. $\pm 0^s 088$) vorkamen; in Nicolajew dagegen war die Uebereinstimmung eine etwas bessere (W. F. = $0^s 069$). Dieser Unterschied in der Genauigkeit scheint nicht zufällig zu sein, sondern seinen Grund in dem Umstand zu haben, dass in Charkow in den ersten Abendstunden die Lufttemperatur sehr rasch abnahm, was in Nicolajew nicht der Fall war. Bei starker Temperaturabnahme konnte in der Feder der Klemmschraube am Verticalkreise eine Nachwirkung entstehen, wobei das Niveau eine falsche Neigung zeigte.

In wie weit jede der beiden Ursachen, die Nachwirkung der Feder und die Ausscheidungen an der inneren Oberfläche des Niveauohrs, zur Verminderung der Genauigkeit der Zeitbestimmungen beigetragen hat, ist nicht zu entscheiden; sicher ist nur, dass keine anderen Ursachen vorhanden waren, als jene. Nach der Beendigung der Längenbestimmung wurde nämlich das Niveau umgefüllt und eine Vorrichtung zum Festklemmen der Horizontalachse mit Niveaurahmen angebracht. Dadurch wurde der wahrscheinliche Fehler der einzelnen Uhr correction, sogar bei ungünstigen Witterungsverhältnissen, sogleich auf nur $0^s 04$ reducirt. Der Einfluss des bedeutend grösseren als bei Kortazzi wahrscheinlichen Fehlers meiner Zeitbestimmungen auf die Längenunterschiede wurde vielleicht dadurch ein wenig abgeschwächt, dass ich zufälligerweise etwas mehr Uhr correctionen, als Kortazzi, bekommen habe. An jenen 17 Tagen, an denen auf beiden Stationen das Wetter die Beobachtungen ermöglichte, erhielt ich 112 Zeitbestimmungen gegen 88 bei Kortazzi. In der folgenden Tabelle sind die Werthe der von mir bestimmten Chronometer correctionen angegeben. Die erste Columnne giebt die Chronometer-Zeit der Bestimmung der Correction und die zweite die Correction selbst.

Charkow.

Zeit der Be-
stimmung der
Corr. nach
Chronom.

Chronometer-
correction.

Zeit der Be-
stimmung der
Corr. nach
Chronom.

Chronometer-
correction.

Zeit der Be-
stimmung der
Corr. nach
Chronom.

Chronometer-
correction.

13 Juni.

	h	m	s	Chronometer- correction.
14	46.4	— 1	52.05	
15	26.6		.04	

14 Juni.

17	51.9	— 1	53.40	
18	3.0		.53	
18	17.0		.32	
18	29.0		.42	

15 Juni.

18	17.0	— 1	55.55	
18	29.1		.66	
18	45.1		.41	
18	57.6		.70	

16 Juni.

	h	m	s	Chronometer- correction.
14	46.5	— 1	58.18	
14	58.2		57.94	
15	7.9		.69	
15	26.6		.85	
17	57.5		58.09	
18	17.1		.08	
18	29.2		57.99	
18	45.1		.91	

18 Juni.

14	46.6	— 2	1.61	
15	2.2		.71	
15	16.4		.85	
15	26.8		.88	
17	29.3		2.08	

18 Juni.

	h	m	s	Chronometer- correction.
17	41.6	— 2	2.17	
18	3.1		.12	
18	17.1		1.95	
18	29.2		2.23	

19 Juni.

15	8.0	— 2	3.93	
15	26.8		4.25	
15	36.6		3.97	
15	49.8		4.13	
18	37.1		.33	
18	57.8		.06	
19	10.6		.27	
19	27.2		.22	

Nicolajew.

21 Juni.

15	5.6	— 1.86	
15	14.4	2.22	
15	24.1	1.98	
15	35.9	.87	
18	43.9	.81	
18	56.0	.96	
19	13.5	2.02	
19	25.2	1.97	

22 Juni.

18	27.6	— 1.48	
18	43.9	.52	
18	56.0	.57	
19	13.5	.61	
19	25.2	.64	

23 Juni.

15	0.1	— 1.34	
15	14.3	.44	
15	24.1	.47	
15	35.9	.45	
17	49.7	.50	
18	0.2	.38	
18	15.3	.56	
18	27.6	.72	

24 Juni.

18	27.6	— 1.16	
----	------	--------	--

25 Juni.

16	30.6	— 0.69	
17	49.6	.74	
18	0.2	.57	
17	15.2	.69	
18	27.6	.61	
18	43.9	.71	
18	56.0	.61	

26 Juni.

14	56.0	— 0.34	
15	5.6	.22	
15	14.3	.50	

26 Juni.

15	24.1	— 0.29	
----	------	--------	--

27 Juni.

15	24.1	— 0.20	
15	35.9	.11	
15	48.4	.08	
16	7.5	.29	
18	27.6	.10	
18	43.9	— 0.05	
18	56.0	+ 0.01	

28 Juni.

15	42.4	+ 0.01	
15	54.6	— 0.13	
16	7.5	.07	

29 Juni.

18	34.6	+ 0.33	
18	43.9	.22	
19	13.5	.32	
19	25.2	.26	
19	43.8	.06	

1 Juli.

16	17.9	+ 0.42	
16	30.6	.31	
16	49.2	.11	
18	34.6	.28	
18	43.9	.11	
19	0.3	.37	
19	13.5	.39	

2 Juli.

15	35.9	+ 0.55	
15	48.4	.48	
16	7.4	.56	
16	30.6	.54	
18	15.2	.48	
18	27.6	.52	
18	43.9	.49	
18	56.0	.61	

Charkow.

4 Juli.

15	45.0	— 2	33.73
16	10.5		.93
16	51.3		34.11
17	1.7		33.69
18	45.6		34.09
18	58.3		.14
19	11.2		.04

5 Juli.

16	10.6	— 2	35.00
16	33.2		34.76

6 Juli.

15	50.3	— 2	36.23
16	10.6		35.86
16	20.6		.83
16	33.2		36.04
18	29.8		.26
18	45.8		.12
18	58.4		.17
19	11.2		.23

7 Juli.

15	57.5	— 2	37.16
16	10.6		.09
16	20.7		.30
16	33.3		.31
18	45.8		.32
18	58.4		.07
19	11.2		.18

8 Juli.

16	10.5	— 2	37.62
16	20.6		.74
16	33.3		.74
19	27.6		.89
19	46.0		38.01
19	57.8		37.86
20	14.2		.96

Bei den Zeitbestimmungen wurden meistens alle sieben Fäden, aus welchen das Netz des Fernrohrs bestand, beobachtet. Deswegen erhielten die meisten Chronometercorrectionen bei der Ableitung der Mittelwerthe gleiches Gewicht. Nur dann, wenn die Durchgänge wegen Nebel als besonders unsicher notirt oder nur vier Durchgänge beobachtet wurden, erhielten die entsprechenden Chronometercorrectionen ein halbes Gewicht. Es kamen übrigens nur zwei solche Correctionen vor, die eine am 26 Juni und die andere am 5 Juli.

Bei der Berechnung der Gänge des Arbeitschronometers aus den beobachteten Correctionen verfahren wir, Kortazzi und ich, auf etwas verschiedene Art. Wenn die Chronometercorrection an einem Abend zweimal, vor und nach dem Signalwechsel, bestimmt wurde, vereinigte Kortazzi diese Correctionen in zwei Mittel, um daraus die wirklichen Gänge der Chronometer an jenem Abend ableiten zu können. Da aber meine Zeitbestimmungen zu unsicher waren, um daraus den Unterschied zwischen den mittleren täglichen und abendlichen Gängen bestimmen zu können, so vereinigte ich sämtliche Chronometercorrectionen nur in ein Mittel. Weitere Berechnungen der Gänge wurde von mir, in Uebereinstimmung mit Kortazzi, nach folgendem, von ihm mitgetheilten Schema ausgeführt.

Aus zwei aufeinander folgenden Chronometervergleichen wurden die Unterschiede: Dreizehnschläger—Arbeitschronometer, Dreizehnschläger—Mittlerer-Zeit Chronometer und Arbeitschronometer—Sternzeitchronometer abgeleitet. Durch einfache Interpolation berechnete man diese Unterschiede (Relationen zwischen Chronometer) für die mittleren Momente der Zeitbestimmungen und für die mittleren Momente des Signalwechsels. Bezeichnen wir weiter:

durch XIII die Angabe des Dreizehnschlägers.

- „ A „ „ „ Mittleren Zeit Chronometers.
- „ Y „ „ „ Arbeitschronometers.
- „ N „ „ „ Sternzeitchronometers.
- „ S und T Sternzeit und Mittlere Zeit.
- „ S_0 — Sternzeit im Mittleren Mittag und
- „ red. — die Reduction der Sternzeit auf die Mittlere Zeit.

Die vorhin angedeuteten Rechnungen sind tabellarisch zusammengestellt, wie folgt:

$$\begin{array}{c}
 S_0 \\
 | Y | S | \text{red.} | S - T | [T - Y] | XIII - Y | XIII - A | Y - N | [T - XIII] \\
 [T - A] | S - Y | [S - N]
 \end{array}$$

Die eingeklammerten Grössen sind dabei durch folgende Gleichungen zu finden:

$$\begin{aligned} T-Y &= (S-Y) - (S-T) \\ T-XIII &= (T-Y) - (XIII-Y) \\ T-A &= (T-XIII) + (XIII-A) \\ S-N &= (S-Y) + (Y-N) \end{aligned}$$

Alle in diesem Schema angeführten Grössen mit Ausnahme von $T-Y$ werden auch für die Momente des Signalwechsels berechnet. Zuerst aber müssen die Correctionen aller Chronometer für diese Momente gefunden werden. Dazu leitet man die mittleren täglichen Chronometergänge ab aus den für die Momente der Zeitbestimmungen in der soeben auseinandergesetzten Weise gefundenen Chronometercorrectionen. Es seien X, X_1, X_2 , drei aufeinanderfolgende Momente der Bestimmung der Chronometercorrection; ϑ und ϑ_1 die dazwischenliegenden Zeitintervalle und u und u_1 die entsprechenden mittleren täglichen Gänge: so wird der tägliche Gang (u) für den Moment X_1 durch die Gleichung:

$$(u) = \frac{\vartheta_1 u + \vartheta u_1}{\vartheta + \vartheta_1}$$

bestimmt.

Für den ersten und letzten Beobachtungstag muss man sich mit dem ersten und letzten mitt. täg. Gang begnügen.

Mit den auf diese Weise gefundenen mittleren Gängen reducirt man die Grössen: $T-XIII$, $T-A$, $S-Y$ und $S-N$ auf die Momente des Signalwechsels. Für diese Momente werden wir also die folgende Reihe von Grössen haben:

S_0

$$|Y|S|\text{red.}|S-T|XIII-Y|XIII-A|Y-N|T-XIII|T-A|S-Y|S-N|$$

Aus diesen Zahlen wird dann die Correction des Arbeitschronometers im Moment des Signalwechsels gefunden. Dazu bilden wir zuerst:

$$S-XIII = (S-T) + (T-XIII)$$

$$S-A = (S-T) + (T-A)$$

$$A-Y = (XIII-Y) - (XIII-A); \text{ und hierauf:}$$

Aus den Angaben des Dreizehenschlägers: $S-Y = (S-XIII) + (XIII-Y)$

" " " " Mittleren-Zeit Chronom.: $S-Y = (S-A) + (A-Y)$

" " " " Sternzeitchronometers: $S-Y = (S-N) + (N-Y)$

Somit ergibt sich folgendes Schema der ganzen Rechnung:

$S-XIII$	$S-A$	$S-N$	$S-Y$	Mittelwerth
$ S XIII-Y A-Y N-Y$	nach Y	nach XIII	nach A	nach N ...
				von $S-Y$

Die Zahlen der folgenden Tabellen sind nach dem soeben auseinandergesetzten Schema angegeben, so dass die Bedeutung der Columnen ohne weiteres verständlich ist.

1559=X	S	S ₀ red.	S-T	T-X	13-X	13-C	13
		^h ^m ^s				^h ^m	
13 Juni		5 27 33.22				23 43	24
14 6 12							
15 6 30	15 4 38	1 34.54	5 29 7.76	18 29 0.195	18 11 38.035	8.38	35
15 57 29					28.245	—	35
					19.965	—	35
14 Juni		5 31 29.78					
15 51 27					18 7 25.01	—	35
16 29 17	16 27 24	+ 1 47.45	5 33 17.23		7 18.83	—	35
17 16 23					18 7 11.135	12.12	35
18 10 12	18 8 19	+ 2 3.98	5 33 33.76	18 24 32.823	7 2.421	12.30	35
18 48 0					6 56.30	12.42	35
15 Juni		5 35 26.35					
15 30 15					18 3 31.815	14.54	35
16 39 15	16 37 20	+ 1 48.435	5 37 14.785		3 20.54	14.72	35
17 25 27					3 12.99	14.84	35
18 37 12	18 35 16	+ 2 7.76	5 37 34.11	18 20 30.31	3 1.24	14.89	35
19 14 32					2 55.125	14.92	35
16 Juni		5 39 22.91					
15 40 36					17 59 33.565	17.42	37
16 43 30	16 41 32	+ 1 48.48	5 41 11.39	18 16 50.644	59 23.365	17.64	37
16 53 44	16 51 46	+ 1 50.15	5 41 13.06		59 21.71	17.67	37
17 28 20					59 16.110	17.79	37
17 Juni							
14 40 14					17 55 48.52	20.96	37
16 30 5					55 30.54	21.26	37
17 14 34					55 23.26	21.88	37
18 Juni		5 47 16.02					
15 46 32					51 41.055	24.04	37
16 43 36	16 41 34	+ 1 47.19	5 49 3.21	18 8 54.835	51 31.654	24.13	37
16 36 3	16 34 1	+ 1 45.955	5 49 1.975		51 32.899	24.11	37
16 59 23					51 29.055	24.15	37
19 Juni		5 51 12.58					
15 59 42					17 47 41.57	26.02	37
17 16 42	17 14 38	+ 1 51.96	5 53 4.54	18 4 51.315	47 28.94	26.17	37
16 45 32	16 43 28	+ 1 46.855	5 52 59.435		47 34.05	26.11	37
17 47 32					47 23.88	26.23	37
4 Juli		6 50 20.93					
17 10 59					21 53 51.438	—	25
17 31 54	17 29 20	+ 1 44.68	6 52 5.61	17 5 20.429	53 48.025	—	25
17 36 19	17 33 45	+ 1 45.41	6 52 6.34		53 47.304	—	25
18 13 15					53 41.278	—	25
5 Juli		6 54 17.48					
15 35 47					21 50 11.302	—	26
16 20 12	16 17 37	+ 1 32.29	6 55 49.77	17 1 35.310	50 4.103	—	26
16 47 20					49 59.708	—	26
17 42 15	17 39 40	+ 1 45.73	6 56 3.21		49 50.717	—	26
18 8 13					49 46.467	—	26
6 Juli		6 58 14.03					
16 46 46					21 46 3.232	—	26
17 32 30	17 29 54	+ 1 43.48	6 59 57.51	16 57 26.398	45 55.745	—	26
17 34 11	17 31 35	+ 1 43.76	6 59 57.79		45 55.468	—	26
17 57 55					45 51.582	—	26
7 Juli		7 2 10.59					
16 48 29					21 42 7.240	—	27
17 25 24	17 22 47	+ 1 41.67	7 3 52.26	16 53 30.536	42 1.232	—	27
17 45 8	17 42 31	+ 1 44.90	7 3 55.49		41 58.023	—	27
18 20 8					41 52.328	—	27
8 Juli		7 6 7.15					
16 48 41					38 12.088	—	27
18 21 24	18 18 46	+ 1 50.20	7 7 57.35	16 49 24.819	37 56.958	—	27
18 23 9	18 20 31	+ 1 50.48	7 7 57.63		37 56.648	—	27
18 55 30					37 51.398	—	27

MARKOW.

X-Z	X-W	X-K	T-13	T-C	T-D	T-E	S-X	S-Z	S-W	S-K
^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m
0 18	23 54	0 0	0 17	0 0	23 59	23 8	23 58	0 16	23 52	23 58
^s	^s	^s			^s		^s	^s	^s	^s
13.71	45.515	43.735			7.29		7.955	21.60	53.06	49.89
13.643	45.109	41.940	31.95	—						
13.585	44.765	40.420								
	^h ^m									
	23 59									
13.64	36.71	59.22			6.40		6.702	20.30	43.15	4.88
13.66	56.51	58.17	30.496							
13.68	36.25	56.86								
13.64	35.91	55.32	30.402	42.70	6.33	3.35	6.583	20.22	42.49	1.90
13.62	35.67	54.24								
										^m
14.58	29.40	19.49								57
14.61	29.07	17.50	29.204	43.87	5.23	2.83	4.614	19.20	33.69	22.05
14.63	28.85	16.16								
14.69	28.50	14.15	29.07	43.96	5.15	2.79	4.420	19.11	32.92	18.57
14.72	28.32	13.10								
	^h ^m									
	23 58									^m
16.07	22.45	39.13								56
16.13	22.13	37.37	27.28	44.92	4.48	2.35	2.034	18.16	24.16	39.40
16.14	22.08	37.09	27.27	44.93	4.47	2.35	2.017	18.15	24.09	39.10
16.18	21.90	36.12								
	^h ^m									
	23 57									
16.67	14.95	60.02								
16.83	14.41	56.97								
16.89	14.19	55.74								
										^m
17.88	7.23	18.10					57			55
17.94	6.97	16.53	23.18	47.31	1.33	1.59	58.045	15.98	5.01	14.57
17.93	7.01	16.74	23.186	47.304	1.34	1.59	58.056	15.985	5.06	14.79
17.96	6.90	16.10								
	^m	^m			^m			^m		
	53	56			58					
19.09	59.88	37.905							51	54
19.15	59.50	35.80	22.37	48.54	59.58	1.54	55.855	15.00	55.35	31.65
19.13	59.65	36.65	22.387	48.514	59.618	1.54	55.901	15.02	55.554	52.56
19.18	59.35	34.965								
	^h ^m	^h ^m	^h ^m		^h ^m		^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m
0 18	23 52	23 59	19 11		0 58		23 57	0 15	23 49	23 57
32.54	8.60	57.60								
32.55	8.48	57.58	32.40	—	57.85	—	26.039	58.59	34.52	23.62
32.55	8.46	57.57	32.396		57.85		26.036	58.586	34.49	23.61
32.57	8.25	57.53								
	^h ^m									
	23 51									
32.38	60.72	55.34								
32.31	60.41	55.24	31.21	—	57.70	—	25.080	57.39	25.49	20.32
32.26	60.22	55.18								
32.31	59.94	55.13	31.158	—	57.68		25.020	57.32	24.95	20.13
32.34	59.81	55.10								
32.34	52.03	53.19								
32.33	51.79	53.11	30.65	—	57.19	—	23.908	56.24	15.70	17.02
32.33	51.78	53.11	30.65		57.19		23.907	56.24	15.69	17.02
32.33	51.65	53.07								
31.86	43.52	51.03								
31.83	43.31	50.97	29.30	—	56.40	—	22.796	54.63	6.11	13.77
31.82	43.20	50.93	29.281		56.39		22.784	54.606	5.98	13.73
31.79	43.01	50.87								
										^m
30.59	34.31	48.49							48	
30.51	33.74	48.37	27.86	—	55.74	—	22.169	52.68	55.91	10.54
30.51	33.73	48.37	27.858		55.74		22.168	52.68	55.90	10.536
30.48	33.53	48.33								

Tägliche

(Eingeklammert sind die für die Uebertragung der Chronometer-

Juni.	13	C	D	E
13				
	—1.375	—	—0.851	—
14	(—1.338)		(—1.012)	
	—1.305	+1.237	—1.158	—0.550
15	(—1.640)	(+1.135)	(—0.932)	(—0.512)
	—1.943	+1.042	—0.728	—0.478
16	(—1.977)	(+1.090)	(—0.994)	(—0.447)
	—2.050	+1.195	—1.575	—0.380
18	(—1.218)	(+1.200)	(—1.684)	(—0.161)
	—0.792	+1.202	—1.740	—0.049
19	(—0.792)	(+1.202)	(—1.740)	(—0.049)
Juli.				
4	(—1.252)		(—0.158)	
	—1.252	—	—0.158	—
5	(—0.910)		(—0.314)	
	—0.533	—	—0.486	—
6	(—0.948)		(—0.641)	
	—1.357	—	—0.794	—
7	(—1.371)		(—0.715)	
	—1.386	—	—0.635	—
8	(—1.386)		(—0.635)	

Chronometergänge

correctionen auf die Momente der Signalwechsel gebrauchten Gänge).

X	Z	W	K
—1.216 (—1.692)	—1.224 (—1.154)	—9,374 (—9.384)	—42.55 (—42.539)
—2.123 (—2.369)	—1.090 (—1.059)	—9,393 (—9.454)	—42.53 (—42.530)
—2.590 (—2.403)	—1.031 (—1.050)	—9.510 (—9.530)	—42.53 (—42.495)
—1.995 (—2.091)	—1.090 (—1.002)	—9.575 (—9.488)	—42.42 (—42.116)
—2.140 (—2.140)	—0.958 (—0.958)	—9.443 (—9.443)	—41.96 (—41.960)
 (—1.009)	 (—1.263)	 (—9.504)	 (—3.473)
—1.009 (—1.060)	—1.263 (—1.183)	—9.504 (—9.418)	—3.473 (—3.316)
—1.116 (—1.117)	—1.095 (—1.358)	—9.322 (—9.481)	—3.142 (—3.205)
—1.118 (—0.861)	—1.618 (—1.747)	—9.638 (—9.727)	—3.267 (—3.188)
—0.604 (—0.604)	—1.877 (—1.877)	—9.817 (—9.817)	—3.109 (—3.109)

	S			S--13			S--C			S--D			S--E			S--Z		
				13--X			C--X			D--X			E--X			Z--X		
Juni.																		
14	h	m	s	h	m	s	—	h	m	s	—	h	m	s	23			
	16	27	24	5	50	47.726		5	32	23.63		0	16	20.30	0			
				18	7	18.83			25	43.02			23	41	46.34			
15	16	37	20	5	54	43.989	5 37 58.655	5	36	20.015	4 45 17.615	0	16	19.20	23			
				18	3	20.54	18 20 5.82	18	21	44.55	19 12 47.01	23	41	45.39	0			
16	16	51	46	5	58	40.33	5 41 57.99	5	40	17.53	4 49 15.41	0	16	18.15	23			
				17	59	21.71	18 16 4.04	18	17	44.47	19 8 46.60	23	41	43.86	23			
18	16	34	1	6	6	25.16	5 49 49.28	5	48	3.31	4 57 3.565	0	16	15.985	23			
				17	51	32.90	18 8 8.79	18	9	54.75	19 0 54.499	23	41	42.07	0			
19	16	43	28	6	10	21.82	5 53 47.95	5	51	59.05	5 1 0.975	0	16	15.02	23			
				17	47	34.05	18 4 7.94	18	6	56.87	19 56 54.94	23	41	40.87	0			
Juli.																		
4	17	33	45	2	3	38.736		7	51	4.19		0	15	58.586	23			
				21	53	47.304		16	6	21.84		23	41	27.45	0			
5	17	39	40	2	7	34.37		7	55	0.89		0	15	57.32	23			
				21	49	50.717		16	2	24.15		23	41	27.69	0			
6	17	31	35	2	11	28.44		7	58	54.98		0	15	56.24	23			
				21	45	55.47		15	58	28.95		23	41	27.67	0			
7	17	42	31	2	15	24.77		8	2	51.88		0	15	54.61	23			
				21	41	58.02		15	54	30.89		23	41	28.18	0			
8	18	20	31	2	19	25.488		8	6	53.37		0	15	52.68	23			
				21	37	56.648		15	50	28.768		23	41	29.49	0			

*) Bei der Bildung dieser Mittelwerthe erh

K -X	S-X									Mittelwerth von		
	nach	X	B	C	D	E	Z	W	K	S-X *)		
h m s 4.88 1.83	23 58 6.70	6.56	—	6.65	—	6.64	6.64	6.71	23 58 6.659			
22.05 42.50	23 58 4.61	4.53	4.47	4.57	4.62	4.59	4.62	4.55	23 58 4.577			
39.10 22.91	23 58 2.02	2.04	2.03	2.00	2.01	2.01	2.01	2.01	23 58 2.015			
14.79 43.26	23 57 58.06	58.06	58.07	58.06	58.06	58.06	58.05	58.05	23 57 58.058			
52.56 23.35	23 57 55.90	55.87	55.89	55.92	55.91	55.89	55.90	55.91	23 57 55.900			
23.61 2.43	23 57 26.036	26.04		26.03		26.04	26.03	26.04	23 57 26.037			
20.13 4.87	23 57 25.02	25.09		25.04		25.01	25.01	25.00	23 57 25.021			
17.02 6.89	23 57 23.91	23.91		23.93		23.91	23.91	23.91	23 57 23.912			
13.73 9.07	23 57 22.78	22.79		22.77		22.79	22.78	22.80	23 57 22.786			
10.536 11.63	23 57 22.17	22.14		22.14		22.17	22.17	22.17	23 57 22.164			

Zeit Chronometer ein halbes Gewicht.

Y	S	So Red.	S-T	T-Y	XIII-Y
h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s
Juni 21		5 59 8.47			
15 53 57					18 13 51.195
17 12 18	17 12 16	+1 50.27 ₅	6 0 58.74 ₅	17 58 59.294	13 38.655
17 39 32	17 39 30	+1 54.74	6 1 3.21		13 34.291
18 11 35					13 29.15
Juni 22		6 3 5.02			
15 58 41					10 0.37
16 40 12	16 40 10	+1 44.37	6 4 49.39		9 53.645
17 21 27					9 46.965
18 57 12	18 57 10	+2 6.81	6 5 11.83	17 54 46.606	9 31.600
19 47 48					9 23.490
Juni 23		6 7 1.58			
15 50 36					6 11.315
16 43 24	16 43 23	+1 44.25	6 8 45.83	17 51 12.688	6 2.839
16 41 53	16 41 52	+1 44.00	6 8 45.58		6 3.082
17 19 22					5 57.062
Juni 24		6 10 58.14			
16 1 35					2 19.495
16 57 56	16 57 55	+1 45.99	6 12 44.13		2 10.408
17 32 5					2 4.898
18 27 36	18 27 35	+2 0.68	6 12 58.82	17 47 0. 02	1 56.030
19 15 4					1 48.455
Juni 25		6 14 54.69			
15 55 6					17 58 30.792
16 55 45	16 55 44	+1 44.98	6 16 39.67		58 21.085
17 29 54					58 15.620
18 6 12	18 6 11	+1 56.52 ₅	6 16 51.21 ₅	17 43 8.125	58 9.842
19 13 47					57 59.083
Juni 26		6 18 51.25			
14 31 15					54 54.818
15 9 42	15 9 42	+1 26.97	6 20 18.22	17 39 41.466	54 48.699
16 9 27					54 39.190
16 54 34	16 54 34	+1 44.15	6 20 35.40		54 31.982
17 36 54					54 25.220
Juni 27		6 22 47.82			
16 20 36					50 47.908
17 0 30	17 0 30	+1 44.47	6 24 32.29	17 35 27.593	50 41.535
16 56 24	16 56 24	+1 43.80	6 24 31.62		50 42.190
17 31 6					50 36.647
Juni 28		6 26 44.38			
15 15 53					47 8.418
15 54 48	15 54 48	+1 33.06	6 28 17.44	17 31 42.497	47 2.187
16 20 23					46 58.088
16 50 13	16 50 13	+1 42.14	6 28 26.52		46 53.327
17 31 52					46 46.678
Juni 29		6 30 40.94			
16 14 44					43 9.495
17 4 4	17 4 4	+1 43.76 ₅	6 32 24.70 ₅		43 1.599
18 12 50					42 50.603
19 8 12	19 8 12	+2 4.10	6 32 45.04	17 27 15.198	42 41.776
20 0 9					42 33.498
1 Juli		6 38 34.06			
17 13 39					35 21.055
17 52 54	17 52 54	+1 50.47	6 40 24.53	17 19 35.754	35 14.787
17 39 42	17 39 42	+1 48.31	6 40 22.37		35 16.896
18 11 18					35 11.850
2 Juli		6 42 30.61			
16 51 27					31 35.095
17 18 6	17 18 7	+1 44.13	6 44 14.74	17 15 45 789	31 30.842
17 12 28	17 12 29	+1 43.20	6 44 13.81		31 31.742
17 30 44					31 28.825

NICOLAS LEV.

III—A	XIII—B	XIII—P	T—XIII	T—A	T—B	S—Y	S—P
^h 0	^h 0	^h 23					
^m s	^m s	^m s	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m	^h ^m
57.12	11 35.92	59 41.250	23.45	23.59	23.56	23 59	23 59
57.31	36.05	41.211					
57.38	36.10	41.198	20.639	17.95	56.689	58.039	39.250
57.46	36.15 ₅	41.182	20.540	17.92	56.635	58.046	39.241
1.00	38.50	40.43					
1.04	38.48	40.409	15.528	16.505	53.923	58.415	38.805
1.08	38.46	40.372					
1.35	38.64	40.330	15.006	16.356	53.646	58.436	38.766
1.50	38.73	40.308					
4.88	41.04	39.957					
5.02	41.09	39.913	9.849	14.869	50.939	58.518	38.431
5.02	41.09	39.914	9.855	14.870	50.942	58.518	38.431
5.12	41.12	39.883					
9.88	43.81	39.225					
10.03	43.85	39.236	4.341	14.291	48.136	58.815	38.083
10.12	43.88	39.242					
10.25	43.97	39.220	3.990	14.240	47.960	58.84	38.060
10.365	44.04	39.202					
14.44	46.58	38.388	^m 44				
14.66	46.70	38.356	58.579	13.257	45.273	59.318	37.681
14.79	46.77	38.338					
14.93	46.86	38.328	58.283	13.213	45.143	59.340	37.668
15.19	47.04	38.309					
19.60	50.04	37.882					
19.77	50.15	37.839	52.767	12.537	42.917	59.686	37.525
20.04	50.33	37.772					
20.18	50.38	37.720	52.311	12.443	42.729	59.708	37.502
20.31	50.42	37.672					
24.46	53.93	37.130					
24.57	53.94	37.112	46.058	10.628	39.998	59.883	36.995
24.56	53.94	37.114	46.075	10.630	40.006	59.883	36.996
24.65	53.96	37.098					
30.12	57.10	36.702					
30.30	57.15	36.691	40.310	10.610	37.460	59.937	36.628
30.42	57.19	36.634					
30.52	57.24	36.650	40.077	10.607	37.356	59.943	36.614
30.65	57.31	36.602					
36.35	12 0.58	36.083				^h ^m 0 0	
36.56	0.66	36.069	33.956	10.457	34.570	0.213	36.290
36.85	0.77	36.049					
37.02	0.91	36.022	33.422	10.442	34.332	0.238	36.260
37.19	1.04	35.997					
48.88	7.85	35.217					
49.04	7.98	35.202	20.967	10.007	28.947	0.284	35.486
48.99	7.94	35.207	21.024	10.010	28.972	0.282	35.489
49.12	8.04	35.195					
54.58	11.27	34.712					
54.68	11.30	34.633	14.947	9.627	26.247	0.529	35.162
54.66	11.29	34.649	14.971	9.629	26.258	0.528	35.163
54.73	11.31	34.595					

Tägliche Chronometergänge

(Eingeklammert sind die für die Uebertragung der Chronometercorrectionen auf die Momente der Signalwechsel gebrauchten Gänge).

	XIII.	A.	B.	Y.	P.
Juni 21	(—5.250)	(—1.486)	(—2.837)	(+0.370)	(—0.451)
	—5.250	—1.486	—2.837	+0.370	—0.451
22	(—5.486)	(—1.569)	(—2.917)	(+0.218)	(—0.407)
	—5.685	—1.639	—2.984	+0.090	—0.369
23	(—5.584)	(—1.157)	(—2.890)	(+0.186)	(—0.358)
	—5.464	—0.587	—2.779	+0.300	—0.346
24	(—5.636)	(—0.825)	(—2.821)	(+0.408)	(—0.373)
	—5.794	—1.043	—2.860	+0.508	—0.398
25	(—6.054)	(—0.899)	(—2.658)	(+0.448)	(—0.274)
	—6.285	—0.770	—2.478	+0.394	—0.163
26	(—6.260)	(—1.220)	(—2.583)	(+0.299)	(—0.311)
	—6.229	—1.772	—2.711	+0.183	—0.492
27	(—6.120)	(—0.843)	(—2.684)	(+0.116)	(—0.435)
	—6.023	—0.019	—2.660	+0.057	—0.385
28	(—6.046)	(—0.078)	(—2.704)	(+0.152)	(—0.357)
	—6.073	—0.148	—2.757	+0.265	—0.324
29	(—6.191)	(—0.176)	(—2.761)	(+0.176)	(—0.351)
	—6.394	—0.223	—2.765	+0.024	—0.397
Juli 1	(—6.244)	(—0.334)	(—2.766)	(+0.175)	(—0.354)
	—6.169	—0.389	—2.767	+0.251	—0.332
2	(—6.169)	(—0.389)	(—2.767)	(+0.251)	(—0.332)

S				S — XIII				S — A				S — B				S — P				S — Y					von S — Y*)				
				XIII — Y				A — Y				B — Y				P — Y				nach Y	XIII	A		B	P				
h m s				h m s				h m s				h m s				h m s				s	s	h m		s	s	h m s			
Juni	21	17	39 30	5 46	23.750	6 0	21.13	5 57	59.845	23 59	39.241	58.046	58.041	58.041	58.036	58.043	23 59	58.042											
				18 13	34.291	17 59	36.911	18 1	58.191	0 0	18.802																		
	22	16	40 10	5 50	4.918	6 4	5.895	6 1	43.313	23 59	38.805	58.415	58.563	58.500	58.478	58.396		58.443											
				18 9	53.645	17 55	52.605	17 58	15.165	0 0	19.591																		
	23	16	41 52	5 53	55.435	6 8	0.450	6 5	36.522	23 59	38.431	58.518	58.517	58.512	58.514	58.517		58.516											
				18 6	3.082	17 51	58.062	17 54	21.992	0 0	20.086																		
	24	16	57 55	5 57	48.471	6 11	58.421	6 9	32.266	23 59	38.083	58.815	58.879	58.799	58.824	58.847		58.834											
				18 2	10.408	17 48	0.378	17 50	26.558	0 0	20.764																		
	25	16	55 44	6 1	38.249	6 15	52.927	6 13	24.943	23 59	37.681	59.318	59.334	59.352	59.328	59.325		59.326											
				17 58	21.085	17 44	6.425	17 46	34.385	0 0	21.644																		
	26	16	54 34	6 5	27.711	6 19	47.848	6 17	18.129	23 59	37.502	59.708	59.693	59.650	59.731	59.782		59.731											
				17 54	31.982	17 40	11.802	17 42	41.602	0 0	22.280																		
	27	16	56 24	6 9	17.695	6 23	42.250	6 21	11.626	23 59	36.996	59.883	59.885	59.880	59.876	59.882		59.88											
				17 50	42.190	17 36	17.630	17 38	48.250	0 0	22.886																		
	28	16	50 13	6 13	6.597	6 27	37.127	6 25	3.876	23 59	36.614	59.943	59.924	59.934	59.963	59.964		59.95											
				17 46	53.327	17 32	22.807	17 34	56.087	0 0	23.350																		
	29	17	4 4	6 16	58.661	6 31	35.162	6 28	59.275	23 59	36.290	0.213	0.260	0.201	0.214	0.221	0	0	0.22										
				17 43	1.599	17 28	25.039	17 31	0.939	0 0	23.931																		
Juli	1	17	39 42	6 24	43.894	6 39	32.380	6 36	51.342	23 59	35.489	0.282	0.290	0.286	0.298	0.282		0.28											
				17 35	16.896	17 20	27.906	17 24	8.956	0 0	24.793																		
	2	17	12 29	6 28	28.781	6 43	23.439	6 40	40.068	23 59	35.163	0.528	0.523	0.521	0.520	0.514		0.55											
				17 31	31.742	17 16	37.082	17 20	20.452	0 0	25.351																		

*) Bei der Bildung der Mittelwerthe haben die Chronometer folgende Gewichte erhalten:

Chronometer:	Y	XIII	A	B	P
Gewichte:	2	1	1	2	4.

Die bis hierher angeführten Rechnungen wurden von jedem betreffenden Beobachter nur für seine eigenen Beobachtungen gemacht. Alle weiteren Rechnungen wurden der Controlle wegen von uns beiden und daher doppelt ausgeführt.

Bei dem Signalwechsel wurde aus allen in einem Satz Signale bemerkten Coincidenzen die arithmetisch mittlere Differenz: Arbeitschronometer—Dreizehnschläger, gebildet, welche dem Momente der in der mittleren (5ten) Reihe bemerkten Coincidenz entsprach. Die Bildung solcher Differenzen wurde durch eine von Kortazzi entworfene Tabelle wesentlich erleichtert. Das arithmetische Mittel aus den Anfangsmomenten der 5ten Reihen beider von mir gegebenen und von Kortazzi empfangenen Sätze wurde als mittlerer Moment des Signalwechsels angenommen und zu diesem Moment wurden sämtliche aus allen Sätzen von beiden Beobachtern erhaltene Differenzen: Arbeitschronometer — Dreizehnschläger, reducirt. Dabei wurden natürlich, wo es nöthig war, die relativen Gänge der Chronometer berücksichtigt.

Der in solcher Weise abgeleitete Unterschied: Arbeitschronometer—Dreizehnschläger, repräsentirt eigentlich den Unterschied der Angaben beider Chronometer, welche sich auf zwei verschiedene physische Momente beziehen in Folge der so genannten Stromgeschwindigkeit und der Differenz der persönlichen Gleichung beider Beobachter beim Aufgeben und Empfangen der Signale. Vorausgesetzt, dass letztere Differenz sehr klein und die Stromgeschwindigkeit während des Signalwechsels constant sei, geben die Unterschiede von zwei Werthen von $X - Y$, welche aus den Signalen von beiden Stationen, der westlichen und der östlichen, erhalten wurden, die doppelte Stromgeschwindigkeit: 2 v.

In der folgenden Tabelle sind die soeben erwähnten Grössen mit Hinzufügung der zur Bildung von $X - Y$ nöthigen Chronometervergleichen gegeben.

Datum.	Mitt. Mom. d. Signal- wechsels.		X — 13 Chronometer- vergleichung.	Y — 13 Signale.	X — XIII Signale.	Y — XIII Chronometer- vergleichung.	X — Y		2v
	nach X	nach Y					aus Nic. n. Ch.	nach Signalen aus Ch. n. Nic.	
	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	s
Juni 14	16 29 17	16 10 26	5 52 41.17	5 33 49.708	5 38 15.485	5 19 23.95	+ 0 18 51.535	+ 0 18 51.462	0 07
15	16 39 15	16 20 22	56 39.46	37 45.660	42 8.947	23 15.11	53.837	53.800	4
16	16 53 44	16 34 48	6 0 38.29	41 42.106	46 3.780	27 7.57	56.210	56.184	3
17	16 30 5	16 11 7	4 29.46	45 31.358	49 51.530	30 53.38	58.150	58.102	5
18	16 36 3	16 17 2	8 27.10	49 26.437	53 44.566	34 43.82	19 0.746	19 0.663	8
19	16 45 32	16 26 29	12 25.95	53 22.490	57 38.189	38 34.70	3.489	3.460	3
21	17 58 41	17 39 32	20 32.30	6 1 22.975	6 5 35.104	46 25.71	9.393	9.325	7
22	16 59 24	16 40 12	24 20.34	5 8.358	9 18.424	50 6.35	12.074	11.982	9
23	17 1 7	16 41 53	28 17.14	9 2.966	13 11.173	53 56.92	14.253	14.174	8
24	17 17 12	16 57 56	32 16.79	13 0.220	17 6.259	57 49.59	16.669	16.570	10
25	17 15 4	16 55 45	36 13.05	16 53.722	20 58.345	6 1 38.92	19.425	19.328	10
26	17 13 55	16 54 34	40 8.76	20 47.689	24 49.180	5 28.02	21.160	21.071	9
27	17 15 47	16 56 24	44 5.92	24 42.450	28 41.347	9 17.81	23.537	23.470	7
28	17 9 38	16 50 13	48 1.07	28 35.384	32 32.380	13 6.67	25.710	25.686	2
29	17 23 33	17 4 4	51 59.87	32 31.561	36 26.794	16 58.40	28.394	28.309	8
Juli 4	17 36 19	17 16 42	2 6 12.70	1 46 35.657	55 44.826	6 36 7.71	37.116	37.043	7
5	17 42 15	17 22 37	10 9.28	50 30.964	59 36.513	39 58.11	38.403	38.316	9
6	17 34 11	17 14 31	14 4.53	54 24.665	7 3 26.264	43 46.32	39.944	39.865	8
7	17 45 8	17 25 27	18 1.98	58 20.603	7 19.081	47 37.65	41.432	41.377	5
8	18 23 9	18 3 27	22 3.35	2 2 20.981	11 15.963	51 33.58	42.383	42.369	1
	U	Y	U — XIII	Y — XIII	U — XIII	Y — XIII	Y — U		
1	16 54 56	17 39 42	5 39 56.70	6 24 43.133	5 39 56.728	6 24 43.10	+ 0 44 46.433	+ 0 44 46.372	6
2	16 27 41	17 12 28	43 40.98	28 28.282	43 40.998	28 28.26	47.302	47.262	4

Die zur Ableitung der Längendifferenzen dienenden Grössen und die Längendifferenzen selbst sind in folgender Tabelle zusammengestellt, wobei mit C_x und C_y die Correctionen gegen die Sternzeit der Arbeitschronometer in Charkow und Nicolajew, mit L die gesuchte Längen-Differenz, α der Unterschied der persönlichen Gleichungen beider Beobachter und $(X-Y)$ das Mittel aus den beiden vorhin angeführten Werten von $X-Y$ bezeichnet sind.

Datum.	Charkow.		Nicolajew.		C_x			C_y			$C_x - C_y$			$(X - Y)$			$L + \alpha$			$L - \alpha$			Gewicht.
	Beobachter.	Anzahl der Uhrcorr.	Beobachter.	Anzahl der Uhrcorr.	h	m	s	h	m	s	m	s	h	m	s	h	m	s	h	m	s		
Juni 14	Lew.	4	Kor.	2	23	58	6.66	23	59	56.28	-1	49.62	+0	18	51.499	0	17	1.88					$1\frac{1}{2}$
16	"	8	"	1			2.01 ₅			56.20	-1	54.18 ₅			56.197			2.01					$1\frac{1}{2}$
18	"	9	"	5	57	58.	06			56.62	-1	58.56	19	0.705			2.15						1
19	"	8	"	6			55.90			57.13	-2	1.23			3.475			2.25					1
21	Kor.	4	Lew.	8			50.33			58.04	-2	7.71			9.359			0 17 1.65					1
22	"	3	"	5			48.12			58.44	-2	10.32			12.028			1.71					1
23	"	5	"	8			46.10			58.52	-2	12.42			14.214			1.79					1
25	"	5	"	7			41.69			59.33	-2	17.64			19.377			1.74					1
26	"	6	"	4			40.32			59.73 ₅	-2	19.41 ₅			21.115			1.70					1
29	"	5	"	5			33.58	0	0	0.22	-2	26.64			28.352			1.71					1
Juli 4	Lew.	7	Kor.	6			26.04			0.86	-2	34.82			37.080			2.26					1
5	"	2	"	5			25.02			1.21	-2	36.19			38.359			2.17					$1\frac{1}{2}$
6	"	8	"	6			23.91			1.58	-2	37.67			39.904			2.23					1
7	"	7	"	6			22.79			2.03	-2	39.24			41.404			2.16					1
8	"	7	"	8			22.16			2.34	-2	40.18			42.376			2.20					1

Bestimmung der relativen persönlichen Gleichung in Nicolajew.

				$U_1 = S_1 - Y$			$U_k = S_k - U$			$U_1 - U_k$			$Y - U$			α						Gewicht.
Juli				0	0	0.286	0	44	46.52	-0	44	46.234	0	44	46.403	0.17						
	1	Lew.	7																			1
	2	"	8			0.520			47.60			47.080			47.282	0.20						1

Wie man sieht, ist die Uebereinstimmung der einzelnen Werthe von $L+\alpha$ und $L-\alpha$ eine befriedigende mit Ausnahme zweier Werthe von $L+\alpha$ am 14 und 16 Juni. Zwar bekommen diese Werthe nur ein halbes Gewicht in Folge dessen, dass an den betreffenden Tagen in Nicolajew (und am 14 Juni auch in Charkow) zu wenig Uhr correctionen erhalten werden konnten. Doch ist es auch nicht unmöglich, dass beim Beginn der Arbeit bei mir eine bedeutende Schwankung des persönlichen Fehlers vorgekommen war. Unter Berücksichtigung der in der letzten Columnne der vorangehenden Tabelle angeführten Gewichte bekommen wir:

$$L = 0^h 17^m 1^s 94 \pm 0^s 014$$

und $\alpha = 0^s 23$

Für die letzte Grösse giebt die unmittelbare Bestimmung:

$$\alpha = 0^s 18_s$$

Addirt man zu dem soeben erhaltenen Werth von L die Reduction zu dem Centrum der Sternwarte in Nicolajew und zu der Mitte des Meridiankreises in Charkow, so bekommt die Längen-Differenz beider letztgenannten Punkte den Werth:

$$0^h 17^m 1^s 97.$$

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Нѣсколько словъ по поводу книги Л. Ю. Шепелевича: „Этюды о Дантѣ. Апокрифическое Видѣніе св. Павла“. Вып. I (1890). Вып. II (1891).

Заглавіе книги г. Шепелевича не совсѣмъ точно: о Дантѣ здѣсь мы не находимъ ничего, кромѣ того немногаго, что заключаютъ въ себѣ двѣ послѣднія главы 2-й ч. („Воскресный покой Павлова видѣнія“ и „Лѣствица адскихъ наказаній“ въ „Павловомъ Видѣніи“ и „Божественной Комедіи“). Книга представляетъ специальное изслѣдованіе о П. В. и къ литературѣ о Дантѣ отношенія не имѣетъ, въ особенности въ виду тѣхъ отрицательныхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ г. Шепелевичъ въ концѣ своего изслѣдованія: на вопросъ—„существуетъ-ли извѣстное отношеніе между тѣми образцами, которые рисуетъ въ аду народное воображеніе въ нашемъ скромномъ памятникѣ, и первую частью великой Дантовской поэмы“ авторъ отвѣчаетъ: „сравненіе и содержаніе извѣстныхъ намъ западныхъ редакцій и версій П. В. съ поэмой Данта способно лишь дать отрицательный выводъ“ (гл. V, стр. 78); „только въ немногихъ случаяхъ мы можемъ указать на общіе образы и концепціи,—но и это сходство весьма смутно и отдаленно“ (стр. 96); съ послѣднимъ выводомъ мы не вполне согласны.

Г. Шепелевичъ внесъ въ свой трудъ чрезвычайно интересный рукописный матеріалъ—5 славянскихъ списковъ Павлова Видѣнія, одинъ болгарскій (изъ собранія проф. М. С. Дринова), латинскій XIV ст. и 2 французскихъ XIII и XIV вв. Остались неизвѣстны автору: одна французская и италіанская редакціи изслѣдуемаго имъ памятника и отрывокъ коптской редакціи въ изданіи Dulaurier.

Не можемъ не высказать сожалѣнія, что г. Шепелевичъ не воспользовался румынскимъ спискомъ Павлова Видѣнія, изданнымъ Hasdeu въ числѣ „богомильскихъ“ текстовъ изъ сборника пона Григорія (XVI в.). Полагаемъ, что указаніе на румынскій списокъ даннаго апокрifa и

его отношеніе къ славянскимъ, въ особенности-же къ чрезвычайно любопытному болгарскому, бывшему у автора подъ рукою, было-бы интересно.

Мы не имѣемъ въ виду дать здѣсь полный отчетъ о трудѣ г. Шепелевича, заслуживающемъ полнаго вниманія; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые недосмотры автора и неточности.

Всѣ извѣстныя намъ эсхатологическія сказанія находятся между собою въ большемъ или меньшемъ родствѣ. Нельзя не видѣть самой тѣсной связи между „Павловымъ Видѣніемъ“ и „Хожденіемъ Богородицы по мукамъ“. Сдается намъ, что г. Шепелевичу слѣдовало-бы привлечь для сравненія съ изслѣдуемымъ имъ апокрифомъ и родственныя, столь-же популярныя апокрифическія памятники „Хоженіе Богородицы по мукамъ“. Сходство между указанными апокрифами—не только во внѣшней схемѣ, но и въ деталяхъ; параллели здѣсь можно подобрать не случайныя. Богородица отправляется въ адъ посмотрѣть на муки грѣшниковъ; съ тою-же цѣлью идетъ въ адъ и св. Павелъ; мученія, видимыя Богородицей и апостоломъ, аналогичны (въ нѣкоторыхъ изводахъ „Павлова Видѣнія“ о мученіяхъ говорится подробнѣе чѣмъ въ „Хоженіи Богородицы“, и мученія разнообразѣе); грѣшники П. В. погружены въ рѣку такимъ-же образомъ, какъ и въ Х. Б. („и много множество мужъ и женъ. погружены-а въ ней (=рѣкѣ) до колѣну а други-а до пупу. други-а же до оустіу. а други-а до власъ главныхъ“, въ изданіи Тихонравова; „и видѣхъ въ рѣката огненна че бѣше народъ много мъжи и жены едни бяха до шіа. а други до поясъ, а други до колѣне“, ркп. М. С. Дринова; „animas dimersas usque ad genua, alias usque ad umbilicum alii usque ad labia, alii usque ad supercilia“, Шепелевичъ, II, 98. Въ Х. Б: *ὁπου ὁ ποταμός.... χάκει κατεκείμετο πλῆθος ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν, οἱ μὲν ἕως ζώνης, οἱ δὲ ἕως στήθους, ἄλλοι δὲ ἕως τραχήλου, ἕτεροι δὲ ἕως κορυφῆς*; „иде же рѣка исходжаше огньа. и тоу баше множество моужъ и женъ. и бихоу погружени. ови до пояса, ови до пазоухоу. ови до шию. а друзии до върха“ (въ изд. Срезневскаго). Въ числѣ мучающихся Богородица видитъ тѣхъ, кто не вѣровалъ въ Отца, Сына и Духа и св. Богородицу, тѣхъ, кто не вѣрилъ въ рожденіе Христа отъ нея; апостоль Павелъ видитъ „*ὅσοι οὐκ ὡμολόγησαν θεοτόκον τὴν ἀρίαν Μαρίαν καὶ ὅτι ἐνγεννήθησεν ἐξ αὐτῆς ὁ Κύριος*“. Богородица встрѣчаетъ въ аду книжника, который прочиталъ Евангеліе и поучалъ народъ въ Законѣ Божіемъ, но самъ не ходилъ въ законѣ; („се і-есть гже иже стѣ-а книги прочиташе и еуагѣли-а самъ не послушаше. Люди оучаше а самъ не творяше волі-а бж҃и-а“; „*οὗτος ἐστὶν ἀναγνώστης, ὅστις τὸν λαὸν ἐδίδασκεν, αὐτὸς δὲ τὰς*

ἐντολὰς τοῦ Θεοῦ οὐκ ἐποίησεν“, въ изд. Срезневскаго); св. Павелъ: мученія чтеца, который училъ людей, а самъ не соблюдалъ заповѣдей божіихъ; „се его-же видѣши цтець бѣ, иже оучаше, люди. самже заповѣди бжы-а не схрани“, Тихонравовъ. „Тозіе даскаль та хората оучеше на законъ. а тои сам не държеше. законъ“, ркп. М. С. Дринова. „This one was a reader and teacher in the world but he would not himself keep one of the words which he taught“, сирийская редакція, Tischendorf. При видѣ мученій Богородица плачетъ; ангель, увидѣвъ ея слезы, говоритъ: „еще не видѣла, св. Богородица, великихъ мукъ“. Св. Павелъ также плачетъ (плачетъ и Дантъ: Inf. III, 22—25)*), и ангель говоритъ ему, что самыхъ ужасныхъ мукъ онъ еще не видѣлъ. Грѣшники обращаются къ Богородицѣ и апостолу съ одною и тою-же просьбою: о заступничествѣ предъ Христомъ. Какъ Богородица, такъ и св. Павелъ исполняютъ просьбу грѣшниковъ—обращаются къ Господу. Господь въ томъ и другомъ апокрифѣ считаетъ грѣшниковъ недостойными божественнаго милосердія, но ради Богородицы и ради Павла даетъ грѣшникамъ извѣстный перерывъ—ἀνάπαυσις, refrigerium—въ адскихъ мученіяхъ“.

Въ особенности же несомнѣнно для насъ вліяніе „Хожденія Богородицы“ на болгарскій изводъ „Павлова Видѣнія“ (ркп. М. С. Дринова): въ Х. Б. дается перерывъ въ мученіяхъ отъ Великаго четверга до Троицы (ἀγία Πεντεχόστην) (см. Тихонравовъ и Срезневскій); въ II. В. отъ Свѣтлаго Праздника до Троицы; вліяніе Х. Б. мы усматриваемъ и на сербскомъ изводѣ II. Видѣнія (изд. Поливки): въ Х. Б. мучаются въ аду тѣ, кто не вставалъ на заутреню въ святую недѣлю (ἀγία κυριακή); въ текстѣ Поливки: „иже въ святую недѣлю не встаетъ на утрьню и литургу“.

Указанныя сходныя черты въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ и „Павловомъ Видѣніи“ представляются намъ не случайными. Намъ кажется, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно указать на генетическую связь, на единство основы между памятниками, однородными по содержанію, слѣдуетъ искать въ нихъ родственныхъ мотивовъ; въ данномъ случаѣ эти мотивы на лицо, и есть возможность указать и на генетическую связь между „Видѣніемъ Павла“ и „Хожденіемъ Богородицы по мукамъ“.

*) ταῦτα ἀκούσας ἐγὼ ἔκλαυσα πικρῶς καὶ ἀτενίσας εἰς τὸ στερῆμα ἔδον τὸν οὐρανὸν ἀνεωγμένα (Tischendorf, Apocal. Apocr., 62). „And when i was weeping over these things, the angel said“. (Сирийск. редакція, Tischendorf, l. c.) „et tunc flevit beatus Paulus et dicit Vae peccatoribus“. „Азъ восплакахъ“, говоритъ Павелъ (ркп. М. С. Дринова), „и възрѣвши на нь стѣ-а бжы. и въсплакася вельми“, „καὶ ἰδοὺσα ἡ παναγία ἔκλαυσεν“ (въ изданіи Срезневскаго).

Въ изслѣдованіи г. Шепелевича мы не нашли указанія на другой апокрифическій памятникъ, оказавшій, какъ намъ кажется, несомнѣнно извѣстное вліяніе на нѣкоторые изводы „Павлова Видѣнія“. Разумѣемъ „Эпистолію о Недѣлѣ“ (Ἐπιστολὴ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, Epistole Domini Nostri I. Christi, filii Dei).

Г. Шепелевичъ излагаетъ вкратцѣ исторію развитія воскреснаго культа на востокѣ и на западѣ (II ч. стр. 63—66), пользуясь изслѣдованіемъ акад. А. Н. Веселовскаго (Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. Ж. М. Н. Пр. LXXXIV); приводитъ постановленія нѣсколькихъ соборовъ, указывающія на постепенное развитіе обязательности воскреснаго культа. „Большинство передѣлокъ II. В. имѣютъ въ виду поученія о необходимости достойнаго празднованія воскреснаго дня“ (II, 66). Авторъ указываетъ только на каноническія постановленія относительно необходимости культа воскреснаго дня. Намъ кажется, что эти каноническія постановленія не непосредственно повліяли (какъ полагаетъ г. Шепелевичъ) на тѣ эпизоды Павлова Видѣнія, которые представляютъ собою родъ поученій о достойномъ празднованіи воскреснаго дня. Между каноническими постановленіями и указанными проповѣдями должно быть посредствующее звено, и это звено мы видимъ въ „Эпистоліи о Недѣлѣ“. Последняя относится къ VI в.; упала она съ неба и написана будто-бы Самимъ Христомъ. Эпистолія дошла до насъ въ многочисленныхъ и разноязычныхъ спискахъ (ак. А. Н. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. CLXXXIV), что, конечно, указываетъ на широкое распространеніе апокрифа. Всѣ списки эпистоліи въ основныхъ мотивахъ сходны по содержанію. Эпистолія требуетъ почитанія воскреснаго дня, грозитъ непочитающимъ его казнями, смертію; всѣ должны принять эпистолію со „страхомъ божіимъ“. Нарушителямъ воскреснаго культа грозятъ: „каменіе огненное, вода горящая“... Содому и Гоморѣ лучше будетъ въ день судный, „нежели граду и вѣси, мѣсту и двору, иже не примѣтъ эпистолы сей страхомъ божіимъ“. Господь обѣщаетъ „omnia mala... et addam vobis malum super quod habuistis“... „Καὶ ἐὰν οὐ μετανοήσῃτε, ποιήσω ἐγὼ χειμῶνας καὶ παραλαγμοὺς καὶ πῦρ καυχλάζον ἐξ οὐρανοῦ, καὶ ἀκρίδας καὶ βρούχους, καὶ ποταμοὺς ἀτάκτους“ (ак. А. Н. Веселовскій, I. с.).—Такого рода посланіе, притомъ какъ бы унавшее съ неба, не могло, конечно, не производить извѣстнаго впечатлѣнія на умы. Пологаемъ, что каноническія постановленія относительно воскреснаго культа вызвали это апокрифическое посланіе. Возможнымъ представляется намъ предположеніе, что тѣ литературные памятники, которые имѣютъ въ виду культъ воскреснаго дня, возникли подъ непосредственнымъ

вліанієм епістоліи. Въ „Хожденія Богородицы по мукамъ“ мучаются на одрахъ „яко пламень и огнь иже въ св. недѣлю на заутреню не спають“. Въ спискѣ „Павлова Видѣнія“ Поливки (XXI в. Starine) „въ дню адову мучеться иже въ св. недѣлю нѣ встають на заутреню“. — Высказанное предположеніе кажется намъ вѣроятнымъ: на умы всегда большее дѣйствіе оказывали и оказываютъ до сихъ поръ не сухія догматическія постановленія, а литературныя — религіозно-фантастическія, которыя популяризируютъ и иллюстрируютъ постановленія каноническія; религіозно-фантастическія произведенія, какъ извѣстно, и до сихъ поръ пользуются у народа такимъ-же уваженіемъ, какъ и св. книги*). Едва ли возможно предполагать, что соборныя опредѣленія относительно важности воскреснаго дня могли производить большее впечатлѣніе и были-бы доступнѣе, чѣмъ епістолія, будто-бы упавшая съ неба и писанная самимъ Христомъ, епістолія общающая такъ жестоко карать непочитающихъ „св. недѣли“. Каноническія постановленія отразились на указываемыхъ г. Шепелевичемъ эпизодахъ Павлова Видѣнія, но не непосредственно, а чрезъ посредство „Епістоліи о Недѣлѣ“. Наши предположенія основываются, между прочимъ, на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Неизданная италіанская ркп. XV в. (г. Шепелевичъ указываетъ на нее, но она осталась ему неизвѣстна) въ неополитанской библ. примыкаетъ къ статьѣ о воскресномъ днѣ: *la epistola de la domenica volgare*.

2) Брандесъ (*Visio S. Pauli*) указываетъ на прозаическую нѣмецкую версію Павлова Видѣнія. Передъ апокрифомъ — статья, имѣющая нѣкоторое сродство съ Видѣніемъ: „*Botschaft Christi, die er auf dem Altar S. Peters zu Rom geschrieben*“. Здѣсь говорится о выгодахъ для людей отъ почитанія воскреснаго дня и карахъ нарушителямъ воскреснаго культа.

3) Въ послѣсловіи французской передѣлки (IV редакція) Павлова Видѣнія авторъ уясняетъ значеніе воскреснаго дня и говоритъ, какія событія къ нему приурочены (епістолія, опредѣляя святость воскреснаго дня, перечисляетъ событія, относящіяся къ этому дню), какъ слѣдуетъ вести себя въ этотъ день.

4) Въ прологѣ къ нѣмецкой прозаической версіи Павлова Видѣнія (напечатано Брандесомъ (I. c.) въ приложеніи) перечисляется, что было сдѣлано въ воскресный день (г. Шепелевичъ по этому поводу замѣчаетъ:

*) Борьба, которую ведетъ наше сельское духовенство противъ „сна Богородицы“, запрещеніе перепечатывать этотъ апокрифъ (въ изд. для народа), недавно изданныя брошюры противъ „сна Богородицы“ не вполне достигаютъ своей цѣли: „сонъ Богородицы“ переписывается; рукописи хранятся какъ талисманы у иконъ; иными носятся на груди. Общаніямъ апокрифа придается вѣра. Также могли вѣрить и казнямъ, угрозамъ, на которыя такъ щедра „Епістолія о Недѣлѣ“.

„факты, конечно (?), заимствованы изъ св. исторiи“). Такое-же перечисленiе событiй, какъ изъ ветхо-, такъ и ново-завѣтной исторiи приуроченныхъ къ воскресенью, встрѣчается въ славянскихъ изводахъ эпистолiи, между прочимъ и въ чешскихъ спискахъ эпистолiи: „List s nebe“ „List prstem Božim psany“.

5) Въ спискѣ Павлова Видѣнiя Поливки мы находимъ проповѣдь о воскресномъ днѣ: „слушайте братiе, сказую вамъ: день светые недѣлы великъ есть и за небо недѣла пръвiй днь божiй есть; понеже сн днь божи ест; сего ради повеле богъ почитати днь св. недѣлы, иже не почитаютъ днь св. недѣле, сiи людiе не суть божи и покоя не имають ти душе на томъ свету, но въ дну адову мучетьсе иже въ св. недѣлу нь встають на заутрену“.

Было-бы желательно, сдаться намъ, встрѣтитъ въ трудѣ г. Шепелевича указанiе на „Эпистолiю о Недѣлѣ“ — памятникъ чрезвычайно важный для изслѣдователя „апокрифическаго Видѣнiя Павла“.

Въ главѣ о „Воскресномъ покоѣ въ Павловомъ Видѣнiи“ мы замѣтили нѣкоторыя неточности. На стр. 63 г. II ч. г. Шепелевичъ говоритъ: „большинство передѣлокъ П. В. повѣствуютъ, что, ради хodataйствъ св. Павла, арх. Михаила и сонма святыхъ и угодниковъ, грѣшники освобождаются отъ мукъ „въ день и ночь святыхъ недѣлi““. (Въ выноскѣ: *Ab hora nona sabbati usque in prima hora secunde feriae* (w); „ω 9-го часа суботе до расвѣтающаго понедѣльника (Поливка)“). На стр. 66: „мы видѣли, что большинство передѣлокъ Павлова Видѣнiя..... отгнiяють тотъ эпизодъ, что Господь, по просьбѣ св. Павла, арх. Михаила и угодниковъ, даетъ отдыхъ осужденнымъ на вѣчныя мученiя по воскресеньямъ“). Авторъ упустилъ изъ виду греческую редакцiю Павлова Видѣнiя (*Apocalyps. Apocryphae, Tischendorf*) и болгарскiй изводъ (ркп. М. С. Дринова). Въ греческомъ текстѣ отдыхъ дается осужденнымъ разъ въ годъ, но не каждое воскресенье; „*διδωμι ὑμῖν ὑψικαν καὶ τὴν ἡμέραν τῆς ἀγίας κυριακῆς, ἐν ᾗ ἡγέρθηεν ἐν νεκροῖς*“). Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнiя, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о покоѣ въ Свѣтлое Христово Воскресенiе = *κυριακὴ Λαμπρά, μεγάλη κυριακὴ* *). Въ болгарскомъ текстѣ „та давамъ вамъ покой даси ωпо-

*) „Авторъ Павлова Видѣнiя“, замѣчаетъ г. Шепелевичъ, „кто-бы онъ ни былъ, стоялъ на той точкѣ зрѣнiя, которая высказывалась и до него“. Аврелiй Пруденцiй (348—408?) въ своемъ гимнѣ высказываетъ почти тоже, что авторъ П. В. въ обращенiи Христа“ (II, 68). Намъ сдается, что Аврелiй Пруденцiй полъ „*feriae sub Styge*“ разумѣетъ такъ-же, какъ и авторъ П. В. (греческ. редакцiя), только *одинъ день*: *Sunt..... sub Styge, feriae illa nocte sacer qua rediit Deus Stagnis ad Superos ab Acheruntiiis*.

чините ѿ стое воскресіе мое до пятидесятница сиречь ста Трца не раздѣльная“. Въ болѣе древнемъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ П. В. отдыхъ дается только *одинъ* разъ въ годъ: въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ болѣе позднихъ—молитвѣ придается болѣшая сила: она способна вызвать большее милосердіе божіе, дать грѣшникамъ болѣе частый отдыхъ: освобожденіе отъ мученій не только въ день, когда празднуется Воскресеніе Христово, но и въ тѣ дни, которые установлены церковью въ воспоминаніе о великомъ моментѣ Воскресенія Христа; во многихъ спискахъ П. В. отдыхъ дается еженедѣльно по воскресеньямъ: въ день и ночь св. недѣли.

Deus dedit eis refrigerium omnibus diebus dominicis et noctibus usque in diem iudicii.

Repos vus durrai del none al Samadi Tresque vienge la prima ura del luendi. Gib euch ru und rest allen den, die in peinen sind, ewichleichen von Sampedtag ze nouzeit uncz an den mantag ze primzeit (Brandes, о. с. въ приложеніяхъ).

Въ болгарскомъ изводѣ П. В., который г. Шепелевичъ считаетъ совершенно справедливо наиболѣе позднимъ изъ извѣстныхъ ему списковъ апокрифа, временемъ отдыха для осужденныхъ на вѣчныя мученія служить промежутокъ отъ Свѣтлаго Христова Воскресенія до Троицына дня. Этимъ значительно разнится болгарскій изводъ не только отъ всѣхъ изводовъ восточной группы текстовъ, но и западныхъ. Было уже указано, что пятидесятидневный отдыхъ въ болгарскомъ изводѣ можетъ быть объясненъ вліяніемъ на П. В. нѣкоторыхъ списковъ Хожденія Богородицы по мукамъ (въ сербскомъ списокѣ Х. В.—ркп. проф. Григоровича—отдыхъ дается грѣшникамъ отъ Великаго Четверга до недѣли всѣхъ святыхъ, т. е. 57 дней; въ греческомъ списокѣ (изданномъ Hasdeu): „δίδω ἀνάπαυσιν εἰς τοὺς ἡμέρας πεντήκοντα ἑπτὰ. ἥρου ἀπὸ τῇν λαμπράν ἕως τῶν ἀγίων παντῶν“.

Эпизоды Хожденія Богородицы по мукамъ и Павлова Видѣнія, повѣствующіе о божественномъ милосердіи къ осужденнымъ на вѣчныя мученія, на нашъ взглядъ, имѣютъ историко-литературное значеніе: встрѣчаются они во многихъ памятникахъ не только апокрифическаго содержанія, проникаютъ и въ fableaux. Было-бы интересно попытаться опредѣлить, въ какомъ изъ апокрифическихъ памятниковъ указанный эпизодъ появляется впервые. Помимо историко-литературнаго эти эпизоды могутъ имѣть и историко-культурное значеніе.—Какъ объяснить указанную выше разницу относительно продолжительности покоя грѣшниковъ въ аду—ἀνάπαυσις, refrigerium—въ различныхъ спискахъ Павлова Видѣнія? Можно, кажется намъ, объяснить такъ: отдыхъ,

приуроченный сперва къ моменту Воскресенія Христова къ „ἡμέρα, ἐν ᾗ ἐγέρθηεν ἐκ νεκρῶν“, распространяется и на тѣ дни, въ которые воспоминается церковью это великое событіе—дни „недѣли“ (dies dominicus). Но не представляется-ли возможнымъ объяснить въ данномъ случаѣ различные сроки „покая“ постепеннымъ развитіемъ гуманности, ослабленіемъ древней вѣры въ Бога карающаго, мстительнаго, чуждаго прощенія и наоборотъ: усиленіемъ вѣры въ божіе милосердіе, въ божественную любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ силу и дѣйствіе молитвы? На значеніе молитвы и ея дѣйствіе, на возможность чрезъ нее удостоиться божественнаго милосердія указывается не только въ „Видѣніи Павла“ и „Хожденіи Богородицы“, но и въ другихъ болѣе позднихъ памятникахъ; особенно ярко въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, выдѣляется въ „Видѣніи Брандана“ тотъ эпизодъ, гдѣ божественное милосердіе безгранично: освобождается отъ мученій и при томъ на время болѣе продолжительное, чѣмъ то, которымъ пользуются для отдыха грѣшники въ аду въ „Видѣніи Павла“ и „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, величайшій изъ грѣшниковъ — Иуда. „Meum refrigerium (говоритъ Иуда св. Брандану) habeo hic omni die dominico a vespera usque ad vesperam et in Nativitate Domini usque in pentecostem et in purificatione Dei Genetricis atque assumptione“ (S. Brandan hrsgb. v. C. Schröder, 1871). Необходимо при этомъ принять во вниманіе, что до предательства Христа въ народномъ воображеніи Иуда уже былъ большимъ грѣшникомъ: убійцею отца и мужемъ матери (по италіанскому тексту „Видѣнія Брандана“) *). На послѣдній эпизодъ указываемъ какъ на подтвержденіе нашего предположенія относительно зависимости большей или меньшей продолжительности „покая“ въ аду отъ усиленія вѣры въ безпредѣльность божія милосердія и силу молитвы. Если наша гипотеза не слишкомъ смѣла, то мы рѣшаемся пойти нѣсколько дальше—высказать еще такого рода предположеніе: весьма возможно, что въ самомъ древнемъ спискѣ „Павлова Видѣнія“ — недошедшемъ до насъ urtext'ѣ X—эпизода объ освобожденіи грѣшниковъ отъ мученій даже и въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія не было; другими словами: грѣшники пребывали „nell'eterno dolore“.

Скажемъ еще въ заключеніе два слова по поводу того, что говорить г. Шепелевичъ на стр. 72 II ч. „Среди лицъ, получившихъ теологическое образованіе, съ теченіемъ времени приобрѣло догматическую

---

*) Ср. Legenda aurea; сказаніе объ Иудѣ, изданное Constans (la légende d'Oedipe) по Дидотовской ркп., Du Méril—poésies populaires latines du moyen âge; ркп. XVIII в., найденную I. Франко и др.

устойчивость и обязательность положеніе, что мученія грѣшниковъ не могутъ быть ни *облечены*, ни временно *прекращаться*“. Римско-католическая церковь признавала возможность молиться о временномъ облегченіи отъ мученій въ аду, стало быть, признавала возможность *облегченія* обреченныхъ на вѣчныя муки. Мы говоримъ на основаніи молитвы, приводимой Графомъ (A proposito della Visio Pauli, giornale Storico della letteratura italiana, 1878): „pro anima de quo dubitatur“: „ut si forsitan ob pravitatem criminum non meretur surgere ad gloriam, per haec sacrae oblationis libamina vel tolerabilia fiant ipsa tormenta“.

Исслѣдованіе г. Шепелевича объ „Апокрифическомъ Видѣніи Павла“ представляетъ интересное и солидное дополненіе къ диссертациі Брандеса (Visio Sancti Pauli) и тѣмъ немногочисленнымъ трудамъ, которые мы имѣемъ по исторіи эсхатологическихъ сказаній. Дальнѣйшіе изслѣдователи этого вопроса извлекутъ изъ книги г. Шепелевича пользу. Авторъ—молодой ученый, впервые выступающій съ крупнымъ трудомъ (нѣсколько мелкихъ работъ по исторіи литературы были напечатаны равнѣе отдѣльными брошюрами и въ журналѣ „Ateneum“) заявилъ въ немъ себя осторожнымъ и серьезнымъ изслѣдователемъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія „Этюдовъ о Дантѣ“ и надѣмся, что г. Шепелевичъ, не смотря на всю сложность предстоящей ему задачи, доведетъ съ успѣхомъ начатое имъ съ ученою скромностью дѣло до конца.

Сергій Соловьевъ.

Поземельный Кадастръ Ѳ. Горбъ-Ромашкевича.

Часть I. Варшава 1892.

Въ работѣ „Поземельный Кадастръ“ Г. Горбъ-Ромашкевичъ поставилъ себѣ задачу: „сгруппировать тотъ матерьялъ, который предлагаютъ ученые первой половины настоящаго столѣтія, ведущіе споръ о кадастрѣ, повѣрить на фактахъ дѣйствительной жизни тѣ доводы, которые приводятъ спорящія стороны въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній и такимъ образомъ освѣтить нѣсколько и самый вопросъ о способахъ поземельнаго обложенія“ (стр. II). Признавая, что вопросъ о кадастрѣ не рѣшенъ окончательно (?) и что въ теоріяхъ ученыхъ вопросъ этотъ „въ настоящее время стоитъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ стоялъ въ концѣ прошлаго столѣтія, авторъ полагаетъ что усвоеннымъ имъ приѣмомъ изслѣдованія можно подойти и къ рѣшенію вопроса о поземельномъ кадастрѣ“ (тамъ же ср. стр. 5—6). Подводя въ Заключеніи итоги, авторъ заявляетъ, что въ его изложеніи представлены были ученія о поземельномъ кадастрѣ, существовавшія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, *въ связи* съ фактическимъ положеніемъ дѣла въ тѣхъ странахъ, гдѣ были выполнены наиболѣе типическіе образцы двухъ спорныхъ видовъ кадастра (стр. 272).

Во введеніи авторъ устанавливаетъ терминологию; подъ кадастромъ онъ разумѣетъ совокупность операцій, при помощи которыхъ приводятся въ извѣстность данныя, предназначенныя служить основаніемъ для опредѣленія размѣровъ налога съ земельныхъ имуществъ (стр. 2), и противопоставляетъ кадастръ по доходности кадастру по цѣнности и кадастръ по участкамъ (парцеллярный) кадастру по имѣніямъ (стр. 3—5).

Въ I главѣ выясняется положеніе вопроса въ литературѣ прошлаго столѣтія, когда уже опредѣлились различныя мнѣнія объ измѣреніи и оцѣнкѣ земель съ цѣлью ихъ обложенія. Одни ученые высказывались за опредѣленіе чистаго дохода земель, считая этотъ путь болѣе прямымъ и вѣрнѣе ведущимъ къ цѣли (Юсти, Зонненфельсъ), другіе—за опредѣленіе цѣнности земель на основаніи продажныхъ цѣнъ (Юнгъ),

третьи,—за раскладку налога по арендным платамъ (А. Смитъ). Намѣтивъ въ общихъ чертахъ направленіе теоретической мысли, авторъ переходитъ къ практическому выполнению различныхъ способовъ раскладки поземельнаго налога и характеризуетъ два выдающіяся явленія финансовой исторіи прошлаго столѣтія — миланскій кадастръ, основанный на точномъ измѣреніи земель и опредѣленіи чистаго дохода ихъ, и тирольскія земельныя оцѣнки, принявшія въ основаніе среднія рыночныя цѣны (*die currenten mittleren Kaufwerthe*) съ цѣлью равномернаго распредѣленія поземельнаго налога между округами и общинами. Операции миланскаго кадастра авторъ подробно и отчетливо излагаетъ на основаніи сочиненій Кремера, Бургера и Линдена и затѣмъ цитируетъ противоположныя мнѣнія Кремера и Бургера о значеніи миланскаго кадастра. По словамъ Кремера, миланскій кадастръ, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ теоріи, достаточно вознаграждаетъ затраченный на него капиталъ, такъ какъ мѣсто прежняго произвола заняли справедливость и равенство; оцѣнки земель были близки къ дѣйствительности и лишь немного жалобъ могло быть предъявлено съ достаточными основаніями“. По словамъ Бургера, оцѣнки миланскаго кадастра носятъ на себѣ печать поспѣшности и несовершенства; онѣ представляютъ ничѣмъ не мотивированное личное мнѣніе оцѣнщиковъ о размѣрахъ доходности земель — „недостатки миланскаго кадастра зависѣли и отъ правилъ, по которымъ выполнялись оцѣнки, и отъ самого способа выполненія ихъ“. Тирольскія земельныя оцѣнки авторъ выясняетъ на основаніи сочиненія Креля (Krehl). Въ этой первой главѣ теоретическія соображенія ученыхъ, законодательные акты и практическія работы по оцѣнкѣ земель лишь сопоставляются, безъ ближайшихъ указаній на связь между ними.

Въ главахъ II, III и IV авторъ занимается различными мнѣніями о кадастрѣ, какія онъ находитъ въ нѣмецкой литературѣ первой четверти XIX столѣтія. Начавъ разсмотрѣніе съ мнѣній противниковъ поземельнаго кадастра, онъ довольно долго останавливается на соображеніяхъ Сарторіуса (Sartorius), считая его, и совершенно справедливо, типическимъ противникомъ кадастра; у Сарторіуса намѣчены уже существенныя возраженія, которыя затѣмъ были воспроизведены въ болѣе новое время. Онъ анализируетъ затѣмъ мнѣнія Гофера (Hofer) о раскладкѣ поземельнаго налога на основаніи среднихъ данныхъ (*nach allgemeinen Durchschnittsberechnungen*) между провинціями (на основаніи данныхъ о количествѣ населенія и о пространствѣ территоріи провинцій), округами (при чемъ принимается классификація округовъ по плодородію почвы и климату, а также и пространство площадей, занятыхъ различными родами угодій) и общинами.

Въ главѣ III авторъ излагаетъ мнѣнія ученыхъ, которые высказывались въ пользу поземельнаго кадастра и въ основу его полагали *цѣнность* земель, при чемъ однакожъ подѣ цѣнностью земель понималось не одно и тоже. Такъ, Крель, мнѣнія котораго авторъ излагаетъ особенно подробно, рекомендуетъ устроить поземельное обложеніе на основаніи капитальной цѣнности земли (Capitalwerth), представляющей цѣнность тѣхъ производительныхъ силъ земли, которымъ обязана своимъ существованіемъ поземельная рента; эту капитальную цѣнность Крель отличаетъ отъ покупной цѣны (Kaufpreis), которая представляетъ индивидуальную цѣну отдѣльной покупки и отъ покупной цѣнности (Kaufwerth), въ которой заключается возмѣщеніе капитала, затраченнаго на сельскохозяйственные постройки, изгороди и т. д. Такую капитальную цѣнность земель предполагается для цѣлей обложенія приводить въ извѣстность чрезъ свѣдущихъ людей. Рядомъ съ обложеніемъ земли по капитальной цѣнности Крель предлагаетъ ввести обложеніе промысловой сельскохозяйственной прибыли (которую сельскій хозяинъ получаетъ въ качествѣ арендатора за обработку земли и затраченный оборотный капиталъ) соразмѣрно величинѣ оборотнаго капитала (Betriebskapital). Отдавая больше вниманія соображеніямъ Креля, авторъ не упускаетъ изъ виду и мнѣній другихъ ученыхъ того же отѣнка: Штокара фонъ Нейфорна (Stokar von Neuform), который за основаніе поземельнаго обложенія принимаетъ покупную цѣнность (Kaufwerth), опредѣляемую путемъ опроса мѣстныхъ людей въ общинѣ, и Гарля (Harl), по ученію котораго цѣнность земель для обложенія ихъ налогомъ должна исчисляться по средней мѣстной покупной цѣнности ихъ (nach dem mittleren Lokal-Kauf-Werthe), опредѣляемой представителями общинъ, подѣ руководствомъ чиновниковъ отъ правительства, при чемъ должны быть принимаемы во вниманіе пространство земельныхъ участковъ, естественное плодородіе ихъ, искусственно созданная производительность ихъ, и, наконецъ, ихъ положеніе и удобства для сбыта продуктовъ.

Въ главѣ IV авторъ задается цѣлью резюмировать мнѣнія ученыхъ первой четверти XIX столѣтія о кадастрѣ, отнести къ ихъ ученіямъ критически и выяснить причины, побуждавшія ученыхъ того времени высказываться противъ кадастра по доходности и за кадастръ по цѣнности. Представивъ нѣкоторыя соображенія діалектическаго характера, авторъ останавливается на результатахъ опыта по примѣненію двухъ типическихъ видовъ кадастра въ прошломъ столѣтіи—миланскаго и тирольскаго. Установивъ, что продолжительность выполненія операций при томъ и другомъ кадастрѣ почти одинакова, и охарактеризовавъ

выдержками изъ мнѣній ученыхъ первой четверти XIX столѣтія относительно значеніе этихъ кадастровъ, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно опыта прошлаго столѣтія по выполненію двухъ главныхъ видовъ поземельнаго кадастра—по доходности и по цѣнности земель: „подводя итоги, мы можемъ, повидимому, не опасаясь сдѣлать ошибку, сказать, что если этотъ опытъ, на примѣрѣ миланскаго кадастра, и не былъ рѣшительно въ пользу перваго вида поземельнаго кадастра, то во всякомъ случаѣ на примѣрѣ тирольскаго кадастра онъ не былъ и въ пользу втораго вида его“ (стр. 107). Впрочемъ въ этой же главѣ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе нѣсколько подрывающее принципиальное значеніе тѣхъ контроверзъ по вопросу о поземельномъ кадастрѣ, выясненіемъ которыхъ онъ такъ настойчиво занимался. „Строго говоря, каждая изъ основъ податной оцѣнки земель—и капитальная стоимость, и средняя рыночная цѣна, и непосредственно опредѣленный чистый доходъ—могла бы привести къ *равнообразному* обложенію земель, если бы удалось найти способъ, при помощи котораго можно было исполнѣть и правильно примѣнить ее на дѣлѣ. Вопросъ, слѣдовательно, тутъ въ томъ, какая изъ этихъ основъ представляетъ больше удобствъ для *примѣненія на практикѣ*“ (стр. 102).

Въ главѣ V авторъ описываетъ операціи поземельнаго кадастра, выполненныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Баваріи (съ 1808 г.) и Баденѣ (съ 1810 г.). Авторъ руководствуется трудомъ Риве (Rivet) и Фоке (Vocke) при характеристикѣ баварскаго провизоріума, принявшаго въ основаніе текущую цѣнность (Currentewerth) земельныхъ имуществъ, которая приводилась въ извѣстность на основаніи показаній владѣльцевъ, вычисленій присяжныхъ оцѣнщиковъ, рыночныхъ цѣнъ за послѣдніе 20 лѣтъ и заключеній чиновниковъ. Оцѣнивая практическое значеніе баварскаго провизоріума, авторъ ссылается на отзывы Рау, Фоке и Риве и приводитъ цифру расходовъ, какихъ потребовало выполнение кадастровыхъ операцій. Баденскій кадастръ выясняется авторомъ на основаніи непосредственнаго изученія соотвѣтствующаго законодательнаго памятника (d. badische Grundsteuerordnung v. 20 Juli 1810) и при пособіи сочиненія Регенауера (Regenauer). По закону 1810 г. основаніемъ поземельнаго налога признается чистый доходъ земельныхъ участковъ; но, въ виду трудности точнаго исчисленія чистаго дохода, принимаются среднія цѣны, выведенныя изъ цѣнъ, уплаченныхъ въ сдѣлкахъ о куплѣ-продажѣ земель за 1780—1789 г. и за 1800—1809 г. При оцѣнкѣ баденскаго кадастра авторъ пользуется отзывами бюджетныхъ комиссій и обращаетъ вниманіе на жалобы, вызванныя выполненіемъ закона. Выводы автора изложены чрезвычайно осторожно:

„Результаты опыта Баваріи и Бадена по примѣненію на практикѣ кадастра, въ которомъ податная оцѣнка земель основывается на ихъ цѣнности, результаты эти, какими бы причинами ни объясняли ихъ, были, во всякомъ случаѣ, далеки отъ того, чтобы ихъ можно было назвать *воплн* удовлетворительными или чтобы, опираясь на нихъ, можно было отдать *рѣшительное* предпочтеніе этому виду кадастра предъ другимъ, основаннымъ на чистомъ доходѣ земель“ (стр. 148).

Съ VI главы начинается наиболѣе цѣнная часть труда Г. Горбъ-Ромашкевича, посвященная изложенію и оцѣнкѣ французскаго кадастра. Въ этомъ изложеніи авторъ опирается на подлинный законодательный матерьялъ и освѣщаетъ его выдержками изъ докладовъ палатамъ и изъ отчетовъ исполнителей закона. Изложеніе начинается съ анализа закона 1 декабря 1790 г. о поземельномъ налогѣ (*loi concernant la contribution foncière*). Изъ инструкции Національнаго Собранія, приложенной къ закону, авторъ приводитъ соображенія, по которымъ въ основаніе поземельнаго налога былъ принятъ чистый доходъ, приносимый земельными участками, и затѣмъ очень обстоятельно знакомитъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ дѣла въ революціонное время, съ законодательными постановленіями и ихъ примѣненіемъ.

Въ главѣ VII разсматриваются работы по выполненію кадастра *par masses de culture* (консульское постановление 3 ноября 1802 г.): классификація земель каждаго рода культуры, оцѣнка дохода арпана земли каждаго класса каждой культуры и распредѣленіе земель, находящихся въ общинѣ, по установленнымъ классамъ.

Выяснивъ значеніе этихъ работъ, авторъ характеризуетъ операціи, предписанныя инструкціями 29 октября и 5 ноября 1805 г. и представляющія уже опытъ парцеллярнаго кадастра, къ которому во Франціи и пришли силою обстоятельствъ.

Въ главѣ VIII дается характеристика французскаго парцеллярнаго кадастра по закону 14 сентября 1807 г. Очеркъ организаціи работъ по выполненію этого кадастра полно, ясно и съ большимъ знаніемъ дѣла составленъ авторомъ на основаніи источника первой руки—оффиціального сборника—*Recueil méthodique des lois, decrets, règlements, instructions et décisions sur le cadastre de la France*. Авторъ отбѣняетъ довольно рѣзко достоинства парцеллярнаго кадастра, заключающіяся въ опредѣленности и постоянствѣ установленного дохода, съ котораго имѣетъ взиматься налогъ.

Въ IX и послѣдней главѣ авторъ снова обращается къ теоріямъ, удачно полемизируетъ съ Крелемъ, излагаетъ мнѣнія ученыхъ второй четверти XIX столѣтія, которые склонялись въ пользу кадастра по до-

ходности—Кремера, Гроса, Мальхуса (Malchus) и Рау и останавливается затѣмъ на мнѣніяхъ противника поземельнаго кадастра и реального поземельнаго обложенія—бывшаго директора Берлинскаго статистическаго бюро Гофмана (J. G. Hoffmann, die Lehre von den Steuern, 1840).

Въ Заключеніи (стр. 272—281) авторъ въ немногихъ словахъ подводитъ итоги. Онъ резюмируетъ выводы критики относительно обложенія по капитальной цѣнности и старается опровергнуть или смягчить возраженія противъ обложенія по доходности, лично однакожь не высказываясь вполне въ пользу этого послѣдняго способа.

Таково содержаніе труда Г. Горбъ-Ромашкевича. Въ немъ дается обильный и чрезвычайно цѣнный матеріалъ по поземельному обложенію, особенно важный для насъ въ настоящее время, когда имѣются предположенія о переустройствѣ поземельнаго обложенія въ Россіи. Изъ книги Г. Горбъ-Ромашкевича можно многому научиться; благодаря ей, можно избѣгать ошибокъ, очень возможныхъ при послѣднихъ и непровѣренныхъ компетентною критикою переустройствахъ. Богатый законодательный матеріалъ изложенъ очень обстоятельно, частью по непосредственнымъ источникамъ, частью по передачамъ свѣдущихъ лицъ. Различные типы обложенія по доходности (миланскій кадастръ, французскій кадастръ) и по цѣнности (тирольскія оцѣнки, баварскій провизоріумъ, баденскій кадастръ) охарактеризованы ясно, вѣрно и вполне достаточно для хорошаго ознакомленія съ ними. Результаты примѣненія законодательныхъ мѣръ очерчены блѣднѣе; авторъ ссылается на мнѣнія и указываетъ число и основательность жалобъ. При изложеніи мнѣній ученыхъ (почти исключительно нѣмецкихъ), основанномъ на непосредственномъ изученіи, авторъ очень заботится о вѣрной передачѣ чужихъ мыслей и прибѣгаетъ къ выпискамъ и цитатамъ. Въ критикѣ мнѣній авторъ довольно воздерженъ; для провѣрки ихъ онъ пользуется противоположеніемъ и сличеніемъ. Законодательныя постановленія и мнѣнія ученыхъ въ изложеніи автора сопоставляются; связь фактовъ и мнѣній намѣчается лишь немногими чертами.

Авторъ разсматриваетъ свой трудъ, какъ подготовительный; ему предстояло расчислить путь для дальнѣйшаго изслѣдованія, и задача поставлена имъ въ очень общей формѣ: разобраться въ спорахъ о двухъ способахъ поземельнаго обложенія—по цѣнности и по доходности.

Много существенныхъ вопросовъ вызываетъ поземельное обложеніе: о значеніи кадастра по имѣніямъ въ противоположность кадастру по участкамъ, о долговѣчности основаній кадастра, о стоимости кадастровыхъ операцій, о системахъ раскладочной и количественной въ примѣненіи къ поземельному обложенію, объ отношеніи поземельнаго обложенія къ

общему подоходному налогу, о значеніи системъ полеводства и обстановки сельскаго хозяйства для кадастровыхъ операцій и т. п. Эти вопросы, какъ и многіе другіе, найдутъ освѣщеніе и разрѣшеніе въ послѣдующихъ частяхъ труда. Въ той-же части, которая уже сдѣлалась достояніемъ читающей публики и составила очень цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу, г. Горбъ-Ромашкевичъ выказалъ солидную научную подготовку и достойный всякой похвалы способъ изученія предмета изъ первыхъ рукъ.

М. Алексѣенко.

ЛѢТОПИСЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Объ участіи Харьковского общества въ открытіи Харьковского университета.

Проф. А. С. Лебедева.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи въ университетскомъ залѣ для чествованія памяти В. Н. Каразина 8 ноября 1892 года).

Имя В. Н. Каразина, память котораго мы собрались теперь чествовать, неразрывно связано съ именемъ Харьковского университета. Ему принадлежала мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ же съ изумительною настойчивостію, какую могла давать ему только его горячая любовь къ родинѣ и просвѣщенію, достигъ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, и осуществленія ея—къ великой радости всего хѣстнаго населенія, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ, въ значительной степени, нужно впрочемъ сказать, имъ-же (Каразинымъ) внушеннымъ, отнесшагося къ учрежденію въ Харьковѣ университета. Воодушевленное его пламенными рѣчами о тѣхъ выгодахъ—духовныхъ и матеріальныхъ,—какія могъ-бы доставить Харьковской губерніи учрежденный въ Харьковѣ университетъ, дворянство Харьковской губерніи жертвуетъ значительную сумму, въ 400,000 рублей, на устройство университета, изъяснивъ въ протоколѣ засѣданія по этому предмету (1 сент. 1802 г.), что оно, „обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготяція его среди изобилія природнаго, на представляемые этимъ изобиліемъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить университетъ“. Вмѣстѣ съ этимъ оно приглашало—и не напрасно—къ пожертвованіямъ на этотъ предполагаемый университетъ дворянства и другихъ южныхъ губерній, выставя имъ на видъ, что въ выгодахъ учрежденія университета въ Харьковѣ будутъ участвовать и они. Такимъ образомъ Екатеринославское дворянство постановило пожертвовать на учрежденіе этого университета 108,200 руб., Херсонское дворянство 40,500 р. По примѣру

дворянства Харьковской губерніи, и соревнуя ему, и горожане Харьковскіе, съ своей стороны, въ засѣданіи городской думы постановили: вносить въ пользу университета въ продолженіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то есть—по одному проценту съ четвертью ежегодно, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города,—мотивируя это постановленіе тѣмъ, что „независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія производитъ просвѣщеніе на жителей“, отъ учрежденія университета предвидятся и прямыя матеріальныя выгоды для города, какъ то: „умноженіе его населенности, распространеніе торговли и промысловъ, приращеніе въ оборотѣ денегъ“; причемъ добавлялось, что съ теченіемъ времени, „какъ благосостояніе города умножится, могутъ они и увеличить сумму взноса, или прибавить число лѣтъ“, и выражалась увѣренность, что „достаточные изъ купцовъ, независимо отъ тѣхъ, обязательныхъ по постановленію думы, взносовъ, готовы будутъ и на частные взносы, отъ произволенія каждаго“. И эта увѣренность не была напрасно: извѣстно, напримѣръ, значительное пожертвованіе харьковского купца Аникѣева въ 3000 руб.—Подобнымъ же образомъ и уѣздные города Харьковской губерніи изъявляли готовность отчислять въ пользу университета половину, или двѣ трети откупной суммы, а равно также представляли отъ наиболѣе состоятельныхъ горожанъ и особыя жертвованія.—Общая сумма этихъ денежныхъ взносовъ и жертвованій на учрежденіе въ Харьковѣ университета отъ дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи исчислялась въ 618000 руб. Не остались безучастными къ учрежденію въ Харьковѣ университета и Харьковскіе войсковые обыватели, пожертвовавшіе въ пользу университета 150 десятинъ земли—теперешній Университетскій садъ съ окрестностію. А войсковой обыватель Купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизненно жертвовать на университетъ по 50 руб. въ годъ.—Но еще, быть можетъ, знаменательнѣе выразило свое сочувствіе зарождавшемуся университету—хотя и не денежными уже пожертвованіями—духовенство, особенно въ лицѣ самого епископа тогдашняго—Христофора Сулимы. При празднованіи открытія университета 17 января 1805 г., учредительная грамота университета торжественно, при колокольномъ звонѣ, внесена была въ соборный храмъ, гдѣ принявъ ее—предъ началомъ литургіи—самъ преосвященный и положилъ на особо приготовленный для нея аналой, на которомъ она и оставалась до конца службы. Въ концѣ литургіи преосвященный, до того времени никогда ни говорившій при торжественныхъ собраніяхъ проповѣдей, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. Затѣмъ грамота, въ сопровожденіи преосвященнаго же и служившаго съ нимъ духовенства,

въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, перенесена была въ университетъ, гдѣ и положена была архіерейскими руками на предназначенное ей мѣсто. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра І-го“, *Сухомлинова*, въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“... стр. 139—140). Лѣтъ 45 прежде, великій дѣятель и ревнитель просвѣщенія, Ломоносовъ, проектируя устройство университета въ С.-Петербургѣ, въ числѣ „привилегій“ будущаго университета находилъ необходимымъ поставить и такую, какъ условіе спокойной и безпрепятственной дѣятельности университета: „духовенству, къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. („Матеріалы для біографіи Ломоносова“, собранные *Биларскимъ*, стр. 418). При открытіи Харьковскаго университета, представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку; свое довѣріе и сочувствіе къ университетской наукѣ представитель духовенства, преосвященный Христофоръ Сулима, явилъ и потомъ, когда дозволилъ Харьковскимъ семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи въ университетѣ, особенно нуждавшіеся тогда въ слушателяхъ, не боясь для будущихъ служителей алтаря вреда отъ ученій, правду физическую показующихъ. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра І-го“, *Сухомлинова*, въ его изслѣдованіяхъ и статьяхъ стр. 66). Такимъ образомъ, по инициативѣ В. Н. Каразина, при общемъ и дѣятельномъ сочувствіи всѣхъ слоевъ общества, начался Харьковскій университетъ, теперь уже близъ столѣтія совершающій свою просвѣтительную миссію для края, Россіи, и, наконецъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ дѣятелей, имена которыхъ пользуются почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ и принадлежатъ уже всемірной исторіи просвѣщенія, несущій посильную лепту и въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній! Значеніе этой просвѣтительной дѣятельности университета не нуждается въ доказательствахъ; доказывать его значило-бы возвращаться къ тому темному и давно минувшему времени, когда, скажемъ словами сатирика того времени—Кантемира, какой-нибудь—

„Критонъ съ четками въ рукахъ вздыхалъ и ворчалъ,
И просилъ, свята душа, съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Ненуждаясь въ доказательствахъ полезности научнаго знанія, Харьковъ можетъ считать себя—только счастливымъ, что именно въ немъ

устроился такой просвѣтительный центръ, такъ высоко поднявшій значеніе города, и благословлять память лица, такъ много для этого дѣла потрудившагося.—А еще болѣе, конечно, долженъ благословлять—и благословляетъ—эту память самъ университетъ, усиліями этого лица созданный. Совершенно естественно поэтому, что именно здѣсь, въ университетской средѣ, и возникла впервые мысль, теперь, повидимому, близкая уже къ осуществленію, о сооруженіи памятника виновнику основанія Харьковскаго университета,—мысль, уже въ 1873 году такъ твердо и горячо высказанная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ въ его актовой университетской рѣчи о В. Н. Каразинѣ. Совершенно понятно также и это, совершаемое теперь, всесословное чествованіе памяти В. Н. Каразина въ торжественномъ собраніи въ зданіи университета и по почину университета.

Да празднуется же свѣтло въ нашемъ соединенномъ и единствомъ настроенія объединенномъ собраніи эта дорогая для всѣхъ насъ память неумоимаго, для блага земли родной, радѣтеля просвѣщенія, вдохновляя и насъ къ тому добру, которому онъ былъ неустанный служитель!

Просвѣтительная дѣятельность Василя Назаровича Каразина (1773—1842 г.).

Проф. Д. И. Багалъя.

(Рѣчь, сказанная 8 ноября 1892 г., по случаю 50-ти-лѣтія со дня кончины Каразина) *).

4-го ноября исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина. Только теперь въ сознаніе русскаго образованнаго общества понемногу начинаетъ проникать мысль, что это былъ чрезвычайно выдающійся общественный дѣятель, что имъ можетъ и должна будетъ гордиться его родина—Харьковская губ. Но самый характеръ Каразина настолько сложный, отзывы современниковъ о немъ столь разнообразны, что разобратъ въ нихъ не легко и полной оцѣнки его личности мы до сихъ поръ не имѣемъ, несмотря на то, что существуетъ нѣсколько недурныхъ монографій о его жизни и дѣятельности.

Въ настоящей бесѣдѣ я постараюсь на основаніи печатныхъ *первоисточниковъ* и пособій, а также нѣкоторыхъ неизданныхъ еще матеріаловъ, очертить *одну*, но самую важную сторону въ жизни В. Н. Каразина—его *просвѣтительную* дѣятельность—и затрону другія только мимоходомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что то былъ фокусъ, гдѣ сосредоточивались всѣ его помыслы, надежды, начинанія, попеченія объ обществѣ благѣ.

Всю свою жизнь В. Н. Каразинъ посвятилъ самообразованію, научнымъ изслѣдованіямъ, практическому примѣненію ихъ къ жизни и, наконецъ,—что самое важное—распространенію просвѣщенія въ обществѣ. Это былъ страстный ревнитель просвѣщенія, томимый вѣчною жаждою знанія, преданный ему съ пылкостью даровитаго талантливаго автодидакта. Обладая быстрымъ подвижнымъ, легко схватывающимъ умомъ, онъ, не окончивъ никакой школы, путемъ самообразованія, достигъ того, что могъ работать въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія выпол-

*) Эта рѣчь была произнесена въ сокращенномъ видѣ, а теперь печатается полностью и съ примѣчаніями. *Ред.*

нѣ самостоятельно. За горячую любовь къ знанію друзья называли его украинскимъ Ломоносовымъ. И дѣйствительно: отнюдь не приравнивая Василя Назаровича къ великому самородку сѣвера, можно отмѣтить въ характерѣ дѣятельности того и другого нѣкоторыя сходныя черты—жажду знанія, добываемаго по большей части самостоятельно, благоговѣніе къ наукѣ, стремленіе къ распространенію ея въ обществѣ, энциклопедизмъ образованія, творческій пзобрѣтательный умъ и вѣру въ самобытныя силы русскаго человѣка. Эта жажда знанія направила его въ горный корпусъ (лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній), гдѣ онъ въ продолженіе долгаго времени слушалъ лекціи и откуда вынесъ любовь къ естественнымъ наукамъ. Эта жажда свѣта увлекла его въ путешествіе по Россіи, а потомъ и въ Западную Европу, которая уже была ему извѣстна по книгамъ: онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и отчасти даже латинскимъ языками и былъ начитанъ въ иностранной литературѣ. Въ Европу впрочемъ онъ не попалъ: на самой границѣ его остановила русская пограничная стража. Извѣстно, что отлучаться за границу можно было тогда только по особому Высочайшему соизволенію; Василю Назаровичу было отказано въ немъ—и онъ рѣшился тайно проникнуть туда. Съ цѣлью предупредить и парализовать донесеніе мѣстнаго начальства, онъ отправилъ съ эстафетою Государю письмо, въ которомъ, по одной редакціи ¹⁾, было такое выраженіе: „я не имѣлъ нужды спастись бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. *Я бѣжалъ учиться!*“ Письмо оказало желаемое дѣйствіе: Императоръ Павелъ потребовалъ къ себѣ смѣльчака, простилъ его и предоставилъ ему самому выборъ службы. Онъ поступилъ къ Трошинскому коллежскимъ переводчикомъ (тутъ ему пригодилось знаніе языковъ)—и немедленно сталъ собирать въ архивахъ матеріалы по исторіи финансовъ и медицины въ Россіи. Недавно опубликованы новыя данныя, относящіяся къ этому періоду его жизни ²⁾. Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Москву и работалъ тамъ въ нын. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи Императоръ Александръ I-й покровительствовалъ этимъ занятіямъ и рекомендовалъ Каразина вниманію московскаго генераль-губернатора Салтыкова въ такихъ выраженіяхъ: „онъ мнѣ лично извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе“. Въ это время уже произошелъ извѣстный *случай*, выдвинувшій Василя Назаровича, сдѣлавшій его личнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ юнаго Александра, поставившій его, можно сказать, у подножія трона. Это было смѣлое и откровенное письмо ³⁾ его къ Государю, содержавшее цѣлую программу царствованія въ духѣ довѣрія къ обще-

ственному мѣнѣю. Императоръ велѣлъ разыскать автора письма (безъ подписи оно было положено въ кабинетъ государя), принялъ, обнялъ его и повелѣлъ бесѣду о вопросахъ, затронутыхъ теоретикомъ-реформаторомъ.

Съ этого момента начинается 1-й *петербургскій* періодъ дѣятельности Василя Назаровича Каразина на пользу просвѣщенія; съ нимъ впрочемъ тѣсно сливается и 2-й—*харьковскій*, ибо, состоя на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ въ тоже самое время принималъ живѣйшее участіе и въ основаніи Харьковскаго университета; затѣмъ съ 1804 г. начинается третій періодъ—*деревенскій*, когда онъ сталъ проживать почти исключительно въ деревнѣ Кручиѣ и заниматься тамъ научными опытами.

Уже въ 1-мъ своемъ письмѣ къ Императору Александру I Каразинъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе просвѣщенія въ народной жизни. По его мѣнѣю, народное воспитаніе должно было явиться первою и главною задачею государя. „Какъ несовершеннѣйшіе законы, писалъ онъ, останутся бесполезными въ народѣ развращенномъ и чуждымъ смысла въ народѣ невѣждѣ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ (Императоръ) всю свою внимательность на воспитаніе своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное пощеченіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію блюстителю законовъ, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія представятся.... тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ наставъ, тѣмъ, которые, учредивъ училища, нелѣпно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человека и гражданина“ 4). Такимъ образомъ, Каразинъ хотѣлъ предоставить дѣло народнаго образованія тѣмъ сословіямъ, которыя въ то время могли считаться *единственно* образованными; но для духовенства онъ считалъ необходимымъ учредить гимназіи, чтобы отвлечь его отъ семинарской замкнутости и схоластики. Такой же восторженный взглядъ на просвѣщеніе онъ высказывалъ и позже; въ письмѣ къ доктору Реману онъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: „народное просвѣщеніе! Какое прекрасное выраженіе!... Если что либо можетъ обезпечить неизблемость безмѣрнаго пространства Россіи, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы

громодно оно ни было—то это опять таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служить другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ“⁵⁾. Конечно, тутъ есть преувеличеніе: не одно Министерство Народнаго Просвѣщенія работаетъ для будущаго, а и нѣкоторыя другія. Но мысль, что *истинное* величіе государства немислимо безъ успѣховъ просвѣщенія, едва ли можетъ вызвать возраженія; а проектъ поставить Министерство Народнаго Просвѣщенія выше всѣхъ другихъ—служить лучшимъ доказательствомъ его горячаго желанія, чтобы Россія поскорѣ сравнялась въ отношеніи просвѣщенія съ западомъ. Огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ онъ придавалъ творческимъ силамъ государства, которое, по его мнѣнію, должно было опереться на единственно образованные въ то время общественные слои (дворянство и духовенство). Не меньше успѣховъ онъ ждалъ и отъ живой общественной самостоятельности; ее онъ постоянно проповѣдывалъ и въ своихъ запискахъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Наиболѣе подробно онъ изложилъ свои мысли по этому вопросу въ рѣчи „Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ“, прочитанной въ 1820 году въ петербургскомъ обществѣ любителей словесности⁶⁾. Она ясно показываетъ, какія широкія задачи В. Н. Каразинъ ставилъ современной ему русской литературѣ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Наиболѣе видная роль въ народномъ воспитаніи, говоритъ онъ тутъ, принадлежитъ правительству; „но не обязаны ли и мы ему вспомошествовать? Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества“. Есть два средства для распространенія просвѣщенія: одно правительственное—школа, другое, доступное и частнымъ лицамъ, публичное наставленіе, дѣйствующее на общественное мнѣніе; его и должна давать литература. „Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіей, которая только что поэзія, прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ“. Легкія стихотворенія и невинные романы пусть останутся домашнею забавою молодежи; но литературныя и ученые общества не должны преподносить публикѣ этихъ дѣтскихъ упражненій. „Они должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Они должны вспомошествовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной воли устроеннымъ; скажу болѣе: они должны пре-

взойти ихъ въ дѣятельности, буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается... Не обязавъ-ль они разливать полезныя знанія, образовъть вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ! Какъ, мил. гос., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчаютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа даже, когда мы имѣли уже Екатерину! А у насъ въ дѣлѣ Россіи нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько и занимательныхъ!

Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы, добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библиотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды. А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ, соблазнительныя элегіи и стихишки въ альбомы. Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ-же дарованія, то-же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльныя. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ опишемъ лучше путешествія дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего, исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разнообразныхъ обитателей..., углубимся въ исторію. И въ поэзіи предъ нами открыто обширное поле; только нужно оставить подражаніе и идти по стопамъ Ломоносова, Державина, и нѣкоторыхъ другихъ“. Изъ этого мы видимъ, что литературу В. Н. Каразинъ понималъ очень широко, разумѣя подъ нею и словесность, и науку. Понятное дѣло, что съ этой точки зрѣнія тогдашніе книги и журналы его не удовлетворяли. Его мысль о необходимости изученія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія съ нашей стороны. Такимъ образомъ, и здѣсь Василій Назаровичъ сталъ реформаторомъ, будилъ мысль, возставалъ противъ косности и неподвижности, высказалъ свѣтлый взглядъ на вещи и—что самое важное—самъ именно дѣйствовалъ такъ, какъ совѣтовалъ другимъ; слово у него не расходилось съ дѣломъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Императоръ Александръ поручилъ обработку общихъ вопросовъ образованія въ Россіи и устройство практической системы воспитанія ея гражданъ; таковы были *теоретическіе*

взгляды его на просвѣщеніе—на задачи министерства народнаго просвѣщенія и литературы. *Практическая* дѣятельность его была непродолжительна, хотя она всетаки оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи высшаго образованія въ Россіи. В. Н. Каразину принадлежит *идея объ особомъ* министерствѣ народнаго просвѣщенія (какого тогда не было еще въ Европѣ); онъ же составилъ и первоначальный проектъ его, который, впрочемъ, подвергся значительному измѣненію. Здѣсь имѣло мѣсто то, что повторялось потомъ со всѣми планами и проектами Каразина: они были слишкомъ грандіозны и не совѣмъ приспособлены къ условіямъ дѣйствительной жизни. Во вновь учрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія на долю Василя Назаровича выпала *организационная* работа; имъ главнымъ образомъ были начертаны и редактированы „правила народнаго образованія“, составлялись проекты университетскихъ и академическихъ уставовъ. О практическихъ работахъ въ министерствѣ свидѣтельствуетъ фактъ назначенія его правителемъ дѣлъ „главнаго правленія училищъ“, членами котораго были будущіе попечители вновь созданныхъ учебныхъ округовъ (Муравьевъ, Новосильцевъ, Потоцкій...) и академики. Въ это время, по мысли Каразина, былъ созданъ офиціальный органъ министерства, носившій названіе—„Ежемѣсячныя сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ 7).

Къ сожалѣнію, эта дѣятельность Каразина продолжалась только 2—3 года. Съ точки зрѣнія тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Завадовскаго Василій Назаровичъ былъ плохимъ чиновникомъ. Графъ не любилъ Каразина и не могъ ему простить рѣзкихъ отзывовъ о себѣ въ письмахъ къ государю. Воспользовавшись нѣкоторыми промахами Каразина въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета (злосчастнымъ эпизодомъ о художникахъ), онъ нанесъ ему разомъ двойной ударъ: остранилъ отъ службы въ министерствѣ и отъ участія въ дѣлахъ Харьковскаго университета. Конечно, огромное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что Императоръ Александръ охладѣлъ къ своему бывшему любимцу; не будь этого, никакія интриги противниковъ не пошатнули бы его положенія. Все это произошло въ концѣ 1804 года за нѣсколько мѣсяцевъ до офиціального открытія Харьковскаго университета.

Устраненіе отъ университетскихъ дѣлъ было особенно чувствительно для Василя Назаровича, ибо онъ смотрѣлъ на университетъ какъ на свое родное дѣтище. И виновникомъ основанія Харьковскаго университета нужно дѣйствительно признать Василя Назаровича Каразина. *Ему первому принадлежитъ мысль объ основаніи университета въ Харьковѣ.* Уже въ началѣ 1802 года онъ былъ всецѣло занятъ ею,

Видно изъ письма его къ харьковскому священнику Фотіеву (отъ 2 мая 1802 года) ⁸⁾. „Бывъ удостоенъ, пишетъ онъ тутъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ Императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣдательныхъ плановъ. Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя *чистыя побужденія*—любовь къ своему родному краю и Харькову. „Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища“. Объ этомъ же свидѣлствуютъ его письма къ священнику Фотіеву и кн. Чарторыскому. „Сія мысль (объ университетѣ) пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать. Не для чего описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украины произтекти имѣетъ... Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ“ ⁹⁾. „Князь! писалъ онъ Чарторыскому, вамъ извѣстно отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украины, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы, и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ“ ¹⁰⁾. Съ этимъ признаніемъ Василія Назаровича вполне согласуется то, что онъ говорилъ харьковскому дворянству, убѣждая его сдѣлать пожертвованіе для открытія въ Харьковѣ университета.

Слово у Василія Назаровича не расходилось съ дѣломъ: подавъ идею объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, онъ съ изумительною настойчивостью старается привести ее въ исполненіе. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ продолжается его *практическая* дѣятельность на этомъ полѣ. Съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ онъ ведетъ дѣло отъ начала до

конца, идя впереди всѣхъ, участвуя не только во всѣхъ главныхъ дѣйствіяхъ, но и въ мелочахъ. Онъ пользуется съ одной стороны своимъ вліятельнымъ положеніемъ „правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ“, а съ другой—и это главнымъ образомъ—своими связями съ харьковскимъ обществомъ. Харьковъ, самъ по себѣ, никогда бы не получилъ такъ рано университета, если бы В. Н. Каразинъ не добился общественнаго пожертвованія на университетъ. Чтобы заинтересовать мѣстное общество въ своемъ проектѣ, онъ явился въ Харьковъ и здѣсь въ собраніи дворянъ прочиталъ составленное имъ „предначертаніе“ объ университетѣ. По „предначертанію“ Каразина, Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять изъ себя соединеніе нѣсколькихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—академію художествъ, военную, инженерную, духовную, университетъ, высшую гимназію и два профессиональных училища. Онъ долженъ былъ явиться вполне *общественнымъ* учрежденіемъ, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки, Англіи; казна на него въ сущности не должна была затрачивать ничего ¹¹⁾.

Спрашивается, имѣлъ ли основаніе Каразинъ рассчитывать на сочувственное отношеніе харьковского общества къ дѣлу просвѣщенія вообще и къ своему проекту въ частности; другими словами, мы ставимъ вопросъ: были ли какія нибудь просвѣтительныя теченія въ Харьковскомъ краѣ во 2-й половинѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка и нельзя ли доказать фактически ихъ вліянія на успѣхъ предпріятія В. Н. Каразина. Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и вотъ на основаніи какихъ данныхъ. Обращая вниманіе на фамиліи лицъ, оказавшихъ наиболѣе рвенія къ плану Каразина, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ (Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ) были духовными учениками Гр. Саввича Сковороды, другіе принадлежали къ литературному кружку сумскаго помѣщика А. А. Палицына (кромѣ В. Н. Каразина, самъ Палицынъ, Ушинскій, Гр. Ром. Шидловскій). Сфера вліянія Сковороды захватывала *всю* тогдашнія общественные слои—и помѣщиковъ, и горожанъ, и войсковыхъ обывателей (бывшихъ казаковъ) и даже посполитыхъ (крестьянъ). Харьковскій купецъ Урюпинъ, бывшій городскимъ головою и сильно способствовавшій дѣлу пожертвованія на университетъ со стороны городского общества, состоялъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Гр. Сав. Сковородой. Даже нѣкоторые изъ членовъ Палицынскаго кружка не остались свободными отъ вліянія „старчика“ Сковороды. Сверхъ того въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовало цѣлое учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ, ибо доступъ въ него былъ открытъ и для дѣтей свѣтскихъ

лицъ. Сковорода и коллегіумъ дѣйствовали параллельно, въ одномъ направленіи, культивируя школьную мудрость, создавая культъ науки въ Украинѣ. Правда, это была не та европейская наука, которая появилась у насъ съ основаніемъ университета; это была старая западно-русская латинская образованность съ схоластическимъ оттѣнкомъ; но она не была чужда мѣстному обществу: это послѣднее принесло ее съ собою изъ заднѣпровья.

Съ другой стороны начала оказывать замѣтное вліяніе на высшее Харьковское общество европейская образовательная стихія. Она нашла себѣ пріютъ преимущественно въ Сумскомъ уѣздѣ. Среди сумскихъ дворянъ еще въ 1767 году возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружокъ А. А. Палицына. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ извѣстный харьковскій писатель и архитекторъ. По словамъ самого В. Н. Каразина, „ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ“. Его селеніе Поповка носила полушуточное полусерьезное названіе Поповской Академіи. Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія ¹²⁾.

Такимъ образомъ, не совсѣмъ былъ правъ Н. А. Лавровскій, утверждавшій, что Харьковскій университетъ осѣлъ „на почти непочатой и не совсѣмъ пріятливой почвѣ“. Почва для дѣятельности В. Н. Каразина была въ значительной степени подготовлена. Конечно, говоря это, мы нисколько не умаляемъ подвига В. Н. Каразина, а только вводимъ его въ условія тогдашней дѣйствительности, возстановляемъ характеръ окружавшей его среды. Въ этой средѣ были и прогрессивные элементы, и инертная масса, и люди, по выраженію Филадельфа Васильевича Каразина, бѣгавшіе отъ одного имени „просвѣщеніе“. Василій Назаровичъ былъ самый передовой и энергичный человекъ въ партіи прогрессистовъ; онъ былъ вождемъ ея: за нимъ шли и Палицынъ, и всѣ остальные. На его долю выпала чрезвычайно трудная задача—склонить однихъ, побѣдить равнодушіе другихъ, преодолѣть противодѣйствіе третьихъ. И онъ блистательно вышелъ изъ затрудненія: пылкая, горячая рѣчь, носившая на себѣ яркій отпечатокъ его характера, воодушевила дворянство на патріотическое пожертвованіе 400,000 рублей; вслѣдъ затѣмъ откликнулись на призывъ харьковскіе купцы, граждане и войсковые обыватели, а также дворяне сосѣднихъ губерній; одни (дворяне) давали отъ своихъ имуществъ, другіе (купцы) отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) пожертвовали землю, которую

предки ихъ отвоевали и грудью защищали отъ татаръ. Сумма всѣхъ денежныхъ сборовъ достигла 618,000 руб. ¹³⁾). Такими огромными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ *все* сословія и этимъ доказали свою любовь къ просвѣщенію. Результатомъ же пожертвованій было Высочайшее соизволеніе на открытіе Харьковскаго университета.

Теперь предстояла вторая не менѣе трудная часть задачи: *дѣйствительно открыть университетъ*. И здѣсь дѣло было доведено до благополучнаго окончанія, благодаря между прочимъ энергичному и постоянному участію въ немъ В. Н. Каразина: не будь его, оно могло бы совсѣмъ заглухнуть или по крайней мѣрѣ затянуться на многіе годы. Въ этотъ рѣшительный моментъ оказалась какъ нельзя болѣе кстати энергія Каразина, изумительная его настойчивость, которую иные готовы были называть назойливостью. Положеніе усложнялось тѣмъ, что Государь замѣтно охладѣлъ въ это время къ своему бывшему любимцу и благодаря этому сановные друзья его оставили, а враги всячески вредили его начинаніямъ. Каразинъ обращался съ письмами къ министру внутреннихъ дѣлъ и самому Государю. Онъ велъ переговоры съ русскими и иностранными учеными, приглашая ихъ на службу въ новый университетъ; онъ заботился о привлеченіи сюда студентовъ. Въмѣстѣ съ Тимковскимъ онъ принималъ живѣйшее участіе и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; слѣды его дѣятельности видны всюду, во всѣхъ подробностяхъ дѣла. Онъ выдавалъ авансы изъ собственныхъ средствъ на расходы, не терпящіе отлагательства, онъ поручилъ своему довѣренному лицу Шишкину готовить зданія подъ будущій университетъ, оставилъ ему деньги на расходы, уполномочилъ заключать его именемъ письменные договоры, самъ составлялъ библіотеку и типографію для университета, отплавляя изъ Петербурга цѣлые возы книгъ, выписывая изъ-за границы инструменты и приборы, приобреталъ коллекціи и, наконецъ, прислалъ въ Харьковъ цѣлую колонію мастеровъ, которые впоследствии причинили ему множество хлопотъ. Даже съ учрежденіемъ университетскаго комитета (11 апр. 1804 г.), Каразину была предоставлена практическая дѣятельность по части устроенія университета и она продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ за злосчастное дѣло о мастерахъ. Здѣсь обнаружились обычные свойства характера Каразина—изумительная энергія съ одной стороны и непрактичность съ другой; первая несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ

дѣтищемъ. Ему страстно хотѣлось видѣть вѣнецъ дѣла и онъ всячески торопилъ Тимковскаго; составилъ даже церемоніаль открытія университета, который впрочемъ остался только достояніемъ архива. Открытіе университета совершилось безъ него, „безъ виновника его бытія“—положеніе прискорбное для одной стороны, глубоко обидное для другой!

Послѣ всего сказаннаго мы въ правѣ заявить, что В. Н. Каразинъ былъ истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ; благодаря ему состоялись пожертвованія, а пожертвованія повели за собою назначеніе для новаго университета г. Харькова. Мы имѣемъ прямое официальное признаніе этой связи между пожертвованіями и основаніемъ университета въ утвердительной университетской грамотѣ (отъ 5-го ноября 1804 г.)¹⁴⁾; здѣсь прямо говорится, что пожертвованіе харьковскаго дворянства и горожанъ *ускорило* устройство въ Харьковѣ университета. Харьковское дворянство также открыто признало инициативу въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина; объ этомъ ясно свидѣтельствуемъ найденное мною въ архивѣ Депут. Собранія похвальное свидѣтельство (отъ 1-го сент. 1802 г.), въ которомъ буквально говорится слѣдующее: „слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за такую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства (затѣмъ идутъ подписи)¹⁵⁾. Такое же сознаніе мы встрѣчаемъ и у частныхъ лицъ—ближайшихъ свидѣтелей его плодотворной дѣятельности. Ректоръ Дерптскаго университета проф. Парротъ, которому Василій Назаровичъ сообщилъ свое предначертаніе, прямо приписываетъ ему патріотическую идею учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища¹⁶⁾. Харьковскій профессоръ Роммель называетъ его „истиннымъ основателемъ Харьковскаго университета“¹⁷⁾. А вотъ что писалъ Каразину извѣстный уже намъ священникъ Фотіевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сбывшейся, наконецъ, общей мечты—торжественнаго открытія университета: „17 января (1805 г.) исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоиы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣжъ,

кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незачетная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству“¹⁸⁾. Эта мысль о В. Н. Каразинѣ, какъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ, не только не ослабѣла съ теченіемъ времени, но еще болѣе уяснилась въ общественномъ сознаніи и—что самое важное—получила очень знаменательное выраженіе въ самой университетской средѣ. Еще 10 іюня 1805 г. внесено было проф. Балленъ де Баллю предложеніе въ совѣтъ о выборѣ Василя Назаровича въ почетные члены университета, но признано неблаговременнымъ. Выборы состоялись только въ 1811 году и сопровождались слѣдующею замѣчательною мотивировкою: „ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charkoviae sit constituta“, т. е. совѣтъ подвинуть былъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета¹⁹⁾. Этого мало: въ 1833 году Харьковскій университетъ еще разъ осязательно выразилъ свою признательность виновнику своего существованія. Въ виду страшно стѣснительныхъ его матеріальныхъ обстоятельствъ (онъ долженъ былъ уплатить къ опредѣленному сроку графу Подгоричани 2384 руб.), профессора и преподаватели Харьковскаго университета собрали между собою и внесли за него въ гражданскую палату 1280 руб. „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія сограждамамъ своимъ и отечеству“²⁰⁾. Остальную часть суммы—1200 р.—внесло городское общество. Тогдашній городской голова Андрей Мотузокъ, внося эти деньги предсѣдателю гражданской палаты, просилъ принять ихъ „по желанію его и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I-го о учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распро-

странилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе ²¹⁾). Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личныя дѣла, въ критическое положеніе!

Съ 1804 года начинается *третій* періодъ въ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, самый длинный (онъ продолжался до смерти его въ 1842 году), но уже менѣе видный, хотя всетаки плодотворный и поучительный. Отнынѣ родное село Кручикъ замѣняетъ ему Петербургъ и дѣлается виднымъ просвѣтительнымъ центромъ въ Харьковскомъ краѣ. Безпокойный умъ, ненасытная жажда дѣятельности увлекають его здѣсь то въ научные опыты, то въ литературную работу, то въ сферу теоретическаго и практическаго рѣшенія политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Тутъ онъ предается со всею страстностью своей натуры занятіямъ естественными науками, преимущественно химіей, агрономіей и метеорологіей. Помимо научной пытливости его влекла къ этимъ занятіямъ любовь къ родинѣ, къ Украинѣ, желаніе изучить ея естественныя богатства и ввести въ нее болѣе совершенную культуру. Его радовало то обстоятельство, что Харьковскій университетъ обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. „Grâce à l'université, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей, рано или поздно мы познакоимся со всѣми природными дарами нашей Украины: будемъ имѣть и фауну, и флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній“. Университетъ далъ первое описаніе Славянскихъ минеральныхъ водъ — и Василиій Назаровичъ съ своей стороны обращаетъ вниманіе ученой коллегіи на минеральный источникъ въ дачахъ надъ р. Орелью въ Константиногр. уѣздѣ Полтавской губ., въ имѣніи К. К. Ковалевскаго и даетъ краткое описаніе его ²²⁾). Его озабочивалъ постоянно вопросъ о благоустройствѣ роднаго Харькова и въ 1840 г. онъ предлагалъ, для предупрежденія засоренія нашихъ рѣчекъ, устроить въ предѣлахъ городской черты *канализацію* для спуска нечистотъ ²³⁾). Видя страшное истребленіе лѣсовъ, онъ старался открыть новый способъ винокуренія, при которомъ бы сберегалось топливо; съ этою же цѣлью онъ пропагандируетъ новые способы добыванія селитры, отоленія, искусственное лѣсонасажденіе. Чтобы поднять сельско-хозяйственную культуру, онъ вводилъ новые виды растений; а чтобы усилить мѣстную отпускную торговлю, предлагалъ консервировать мясо, фрукты, вмѣсто водки производить сухой алкоголь ²⁴⁾). Чтобы распространять всѣ эти новов-

веденія въ краѣ, онъ учредилъ въ Харьковѣ *Филотехническое* общество, существовавшее съ 1811 по 1818-й годъ и бывшее прототипомъ нынѣшнихъ сельско-хозяйственного и технического. Трудно описать, сколько энергіи и средствъ вложилъ онъ въ это предпріятіе: объ этомъ пусть расскажетъ будущій историкъ этого общества на основаніи его актовъ и отчетовъ. Въ области метеорологіи онъ опередилъ современную ему русскую науку на десятки лѣтъ и предложилъ такое устройство правильной метеорологической сѣти наблюденій, какаѣ и на западѣ была принята много лѣтъ спустя послѣ этого ²³). Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ оцѣнки всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ и опытовъ В. Н. Каразина со стороны *специалистовъ*, и эта обязанность, естественно, лежитъ на почтенныхъ сочленахъ нашей университетской коллегіи. Необходимо, чтобы профессоръ химіи занялся разсмотрѣніемъ и оцѣнкою его химическихъ опытовъ, профессоръ физической географіи—метеорологическихъ наблюденій и изслѣдованій въ области электричества, проф. агрономіи—сельско-хозяйственныхъ опытовъ въ связи съ дѣятельностью основаннаго имъ Филотехническаго общества, проф. государственнаго права—политическихъ теорій въ связи съ практическимъ ихъ приложеніемъ (разумѣемъ его сельскую думу), проф. исторіи и статистики—историческихъ и статистическихъ работъ. Статьи эти пусть послужатъ предисловіемъ къ собранію сочиненій В. Н. Каразина, которыя частью помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а частью напечатаны отдѣльными брошюрами; и тѣ, и другія (въ особенности послѣднія) составляютъ библіографическую рѣдкость и потому остаются неизвѣстны не только образованному обществу, но и специалистамъ. Я съ своей стороны принялъ бы на себя трудъ собрать и редактировать труды Каразина. Конечно, Василій Назаровичъ не былъ ученымъ специалистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова хотя бы уже потому, что предметы его умственныхъ интересовъ были въ высшей степени разнообразны. Но онъ обладалъ изъ ряда вонъ выдающимися дарованіями, позволявшими ему быстро схватывать сущность предмета. Мало того: мнѣ думается, что ему была присуща не только способность усвоенія, но и самостоятельнаго научнаго творчества. Къ сожалѣнію, онъ не прошелъ никакой школы; ему недоставало правильности, методичности въ занятіяхъ, выдержки, усердія, способности долго сосредоточиться на одномъ предметѣ—и потому изъ него вышелъ пылкій горячій энтузіастъ знанія, знанія вообще, скорѣе энциклопедистъ, чѣмъ специалистъ. Такимъ именно разносторонне образованнымъ человѣкомъ изображаетъ его намъ извѣстный Роммель ²⁴). Тѣмъ не менѣе имя В. Н. Каразина не должно

пройти незамѣченнымъ и въ *исторіи русской науки*, въ особенности въ области химіи и метеорологіи: ему нужно будетъ отвести въ ней почетное мѣсто. В. Н. Каразинъ относился къ своимъ занятіямъ очень серьезно. Въ сел. Кручикѣ у него была своя химическая лабораторія, въ которой онъ занимался химическими изслѣдованіями; тутъ находилась и метеорологическая станція (первая въ Харьковской губ.), гдѣ онъ самолично велъ наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; тутъ же было, употребляя современную номенклатуру, и опытное поле, на которомъ выращивалась китайская, французская, египетская, монгольская, итальянская, сардинская, англійская, критская, андалузская пшеница, испанскій ячмень, различные иностранныя жита, производились опыты уваживанія, вводились новыя сельско-хозяйственныя постройки (украинскій овинъ, украинская клуна) и примѣнялись изобрѣтенныя Василиемъ Назаровичемъ земледѣльческія орудія (молотильный катокъ). Изъ отчета В. Н. Каразина, засвидѣтельствованнаго мѣстнымъ земскимъ исправникомъ, оказывается, что урожай пшеницы на уваженныхъ имъ поляхъ былъ на $\frac{2}{3}$ болѣе обыкновеннаго ²⁷). Наконецъ, у него была огромная библіотека, обнимавшая, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли знаній (въ 1836 г. сгорѣло 5000 томовъ этой библіотеки и всѣ его мемуары до 1821 года).

Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ у себя дома на свои вообще далеко необширныя средства устроилъ вполне ученую обстановку для занятій. И результаты своихъ опытовъ онъ сообщалъ ученымъ обществамъ, съ тѣмъ чтобы ихъ разбирали и опѣнивали вполне компетентные люди (таковы его доклады московскому обществу естествоиспытателей); его записки и проекты рассматривались и провѣрялись въ Академіи Наукъ и различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Если мы представимъ себѣ теперь, каковы были въ то время помѣщичьи селенія Харьковской губ., то Кручикъ, съ его лабораторіей, опытными полями, библіотекой и метеорологической станціей, рѣзко выдѣлится изъ общаго фона и представится намъ какимъ то сельско-хозяйственнымъ институтомъ съ ученымъ директоромъ во главѣ. Все здѣсь было устроено не такъ, какъ у сосѣдей, и Каразинъ явился у себя въ деревнѣ настоящимъ реформаторомъ-эмансипаторомъ. Отнюдь не считая крѣпостныхъ крестьянъ своею собственностью, онъ смотрѣлъ на помѣщика только какъ на собственника земли и опекуна населенія. Вотъ почему онъ предоставилъ своимъ крестьянамъ (или, какъ онъ называлъ ихъ, *поселянамъ*), въ наслѣдственное владѣніе земли, обязавъ ихъ за это опредѣленными денежными повинностями. Онъ же далъ имъ правильное административное и судебное устройство ²⁸). Не оставилъ онъ

безъ измѣненія и отношеній своихъ крестьянъ къ приходскому священнику: жалованье этому послѣднему было значительно увеличено, а плата за исполненіе различныхъ требъ уничтожена ²⁹⁾; наконецъ В. Н. Каразинъ устроилъ и приходское училище для крестьянскихъ дѣтей, на которое ежегодно отпускалаь значительная по тому времени сумма въ 250 р. Школа эта не должна была отрывать отъ земледѣлія, а давать необходимыя для него элементарныя познанія и нравственно поднимать питомцевъ; Каразинъ хотѣлъ, чтобы изъ нея выходили *люди* ³⁰⁾. Изъ этой школы можно было переходить въ уѣздное училище; а если бы тамъ кто либо обнаружилъ выдающіяся способности, такому давалась отпуская съ обязательствомъ внести за себя впослѣдствіи выкупъ ³¹⁾. Такъ принципъ человѣческаго отношенія къ рабу получалъ практическое осуществленіе въ Кручикѣ и, конечно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе и на другихъ помѣщиковъ, и на самыхъ крестьянъ. На помѣщиковъ оказывало нѣкоторое вліяніе Филотехническое общество; на поселянъ сел. Кручика—его собственный примѣръ и школа. Обыватели Кручика примѣняли болѣе совершенную земледѣльческую культуру и благодаря этому благосостояніе ихъ все болѣе и болѣе возрастало ³²⁾. Простой народъ вѣрялъ Каразину подъ часть защиту самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, такъ напр., однодворцы с. Вольнаго избрали его своимъ повѣреннымъ въ дѣлѣ, касавшемся ихъ земель (Сбор. Харьк. ист. фак. общ. т. 3-й стр. 310—311). Сохранилось чрезвычайно любопытное *собственноручное* письмо Каразинскаго крестьянина Оедора Манжаренка, занимавшаго видную должность писаря въ устроенной Вас. Назаровичемъ сельской думѣ. Письмо это служить яркимъ выраженіемъ взглядовъ на него эмансипированныхъ имъ лицъ изъ крестьянской среды; значеніе его, какъ достовѣрнаго источника, усиливается тѣмъ, что написано оно уже было *послѣ* смерти В. Н. Каразина, подъ живымъ впечатлѣніемъ возстановленія старыхъ дореформенныхъ порядковъ. „Не могу забыть, пишетъ Манжаренко, всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ по истинной, страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтеля и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться видѣть подобія въ мірѣ семъ, колыми нче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти В. Н., крестьяне его начали быть управляемы на манеръ *общій*, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверз-

лись врата неправды и совершенно ликуетъ несправедливость, страждутъ сироты и плачутъ юные воспитанники; страдалцы выглядываютъ отрады, но нѣтъ ея здѣсь, — она покоится въ лонѣ Авраамлѣ!..³²⁾ Самъ Василій Назаровичъ старался пропагандировать свои гуманныя идеи въ обществѣ путемъ печати. Въ статьѣ по поводу открытія палаты государственныхъ имуществъ онъ выражаетъ большое удовольствіе, что отнынѣ будетъ кому заботиться о матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересахъ государственныхъ крестьянъ — призрѣвать сиротъ, устраивать училища съ преподаваніемъ грамоты и ремеслъ³³⁾ и т. п. О широкомъ пониманіи имъ идеи образованія свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что уже въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, въ разгаръ крѣпостнаго права, онъ писалъ о необходимости образованія для женщинъ средняго и даже низшаго сословія. „Матери, говоритъ онъ, суть первоначальныя и лучшія наставницы; прилежная домохѣдка мать имѣетъ больше удобства и времени заниматься образованіемъ своихъ дѣтей. Слѣдовательно, она будетъ дѣйствовать на потомство“³⁴⁾! Василій Назаровичъ проектировалъ въ Харьковѣ устройство *женскаго* ремесленнаго училища, изъ котораго выходили бы частью народныя учительницы, а частью мастерицы, экономки. Изъ предметовъ здѣсь должны были преподаваться — катехизисъ, русскій языкъ, начала ариметики; но главное вниманіе предполагалось обратить на работы — огородничество, шитье бѣлья, вышиванье, тканье ковровъ, приготовленіе варенья³⁵⁾. Мысль Каразина осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передвижныя идеи развивалъ не юноша, а 69-ти-лѣтній старецъ за годъ до своей смерти.

Замѣчательна и смерть В. Н. Каразина: въ глубокой старости, 70-ти лѣтъ отъ роду, онъ добровольно вызвался ѣхать въ Крымъ для того, чтобы испробовать на мѣстѣ усовершенствованный имъ способъ винодѣлія; во время разѣздовъ на перекладной въ осеннюю непогоду онъ простудился и умеръ отъ горячки въ г. Николаевѣ: умеръ за работой на пользу русскаго общества, которому служилъ всю свою жизнь. Достойный конецъ достойной трудовой жизни!

Не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ до самой смерти сохранилъ свои выдающіяся способности; его послѣдняя работа „Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“³⁶⁾ блещетъ и острою ума, и наблюдательностью, и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ автора. Въ началѣ ея помѣщено краткое предисловіе, въ которомъ вполне сказался Каразинъ. „Не все, что говорится или пишется съ добрымъ намѣреніемъ, говоритъ В. Н., бываетъ принято

благосклонно. Но это еще не должно останавливать благонамѣреннаго чловѣка. Ибо онъ не долженъ имѣть никакой личной цѣли. Къ тому-жъ мнѣ отъ роду уже 70 лѣтъ: поздно ожидать награды или осужденія! Онъ умеръ такимъ, какимъ былъ въ жизни—смѣлымъ поборникомъ правды и общаго блага.

Смерть его не прошла незамѣченной въ общей прессѣ; но любопытно, что въ Харьковѣ ее замолчали. Въ тогдашнихъ „Моск. Вѣд.“ мы находимъ слѣдующій некрологъ его ³⁶): „мы получили изъ Николаева прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей тамъ 4 ноября въ 8 час. пополудни кончинѣ члена многихъ ученыхъ обществъ и правителя дѣлъ Филотехническаго общества статскаго совѣтника В. Н. Каразина, одного изъ людей истинно замѣчательныхъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Науки и особенно естественныя потеряли въ немъ ревностнаго поборника. Мы надѣмся сообщить въ непродолжительномъ времени его біографію и ограничимся теперь только припоминаніемъ, что въ первые годы царствованія блаженной памяти Императора Александра I-го, удостоенный личной довѣренности Его Величества, В. Н. Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія. Ему же собственно Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ... Всю жизнь свою посвятилъ онъ опытамъ и примѣненіямъ наукъ естественныхъ, а особенно химіи, и практической пользѣ общества и сдѣлалъ множество открытій, которыхъ важность не всегда была оцѣнена. На этомъ поприщѣ, одушевленный *пламенной* любовью къ отечеству, онъ дѣйствовалъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ своихъ съ неустойчивымъ самоотверженіемъ и съ изумительною ревностью. Нынѣшнимъ еще лѣтомъ онъ былъ въ Одессѣ и выѣхалъ отсюда въ Крымъ для произведенія, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ, опытовъ надъ однимъ изъ тысячи своихъ предположеній—улучшеніемъ русскихъ винъ... Жители Харькова, гдѣ онъ преимущественно жилъ и дѣйствовалъ, не забудутъ всего того, что онъ сдѣлалъ къ процвѣтанію ихъ города, и память объ немъ сохранится между ними, какъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ согражданъ“.

В. Н. Каразинъ при жизни былъ хорошо извѣстенъ представителямъ московскихъ литературныхъ кружковъ: его звалъ Калайдовичъ, проводившій съ нимъ время въ бесѣдахъ о словесности; въ этихъ разговорахъ между прочимъ Василій Назаровичъ постоянно ратовалъ противъ крѣпостнаго права въ его тогдашнихъ формахъ: извѣстный литераторъ С. Т. Аксаковъ называлъ Каразина „Посошковымъ новаго времени“. М. П. Погодинъ говорилъ, что В. Н. Каразинъ „есть лицо, недостаточно еще оцѣненное въ русской исторіи“. Особенно дружествен-

ныя связи установились между Васи́лемъ Назаровичемъ и Погодинымъ. Познакомились они въ 1828 г. и такъ сблизились, что Каразинъ, выѣхавъ изъ Москвы, писалъ Погодину: „обязательная ваша привѣтливость ко мнѣ въ проѣздѣ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти“. Впослѣдствіи ихъ еще болѣе сблизили общіе научно-литературные интересы. В. Н. Каразинъ передалъ Погодину для напечатанія одну чрезвычайно важную рукопись — (Кирилова. „Цвѣтущее состояніе русскаго государства 1727 г.“). Затѣмъ В. Н. Каразинъ принималъ живое нравственное и литературное участіе въ издаваемыхъ Погодинымъ журналахъ—Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ. По словамъ біографа Погодина г. Барсукова, В. Н. оказалъ даже вліяніе на развитіе славянскихъ симпатій Погодина. И дѣйствительно, напечатавъ въ 1868 г. записку Каразина объ освобожденіи Сербовъ, Погодинъ прибавляетъ: „Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ“³⁷⁾. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ своемъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому Погодинъ далъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о Вас. Назаровичѣ: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію (между нами), долженъ засвидѣтельствовать свою благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденію дать вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того, какъ поставленъ Вилъе. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе. Члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало, которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержать мнѣніе. Я зналъ лично Васи́лія Назаровича. Это былъ рьяный ревнитель добра, съ богатымъ воображеніемъ, огромными свѣдѣніями, изобрѣтательный, въ высшей степени образованный, со словомъ сильнымъ и убѣдительнымъ“³⁸⁾. Интересенъ еще отзывъ о Вас. Наз. Харьковского литературнаго дѣятеля И. Бецаго, близко стоявшаго къ Погодину и его „Москвитянину“. Для того чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно знать, что Бецкій отличался вообще самостоятельностью, прямою и даже рѣзкостью въ сужденіяхъ. Вотъ что писалъ онъ изъ Харькова Погодину 13 января 1843 года: „безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ. Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: пріѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ *дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной—лежитъ въ передней и его разбирають лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о бібліотекѣ, объ автографахъ, о

бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. Дневникъ его—это, ей, ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ феноменъ покойникъ. Мнѣ кажется, если бы В. Н. былъ бы не въ Харьковѣ и если бы обстоятельства не передѣляли на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ-бы много, много принести пользы, при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей“³⁹⁾. Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того—ясно сквозить и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго несовѣстнаго справедливаго отзыва о Каразинѣ⁴⁰⁾.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ появился о Вас. Наз.-чѣ такой отзывъ въ „Современникѣ“ лица, повидимому, хорошо знавшаго его: „что-бъ о немъ не говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, по одно не подлежитъ сомнѣнію: рано или поздно Харьковъ да и вся Украина отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда то сильному влиянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было создано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ.... Ни одна отрасль наукъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ теоретически. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности.... Нетерпѣливый и отвлеченно теоретическій, Василій Назаровичъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни.... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь, съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности“⁴¹⁾.

Сознаніе о важности услугъ, оказанныхъ В. Н. Каразинымъ русскому обществу и особенно Харьковскому краю, между тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало и нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ науч-

ныхъ трудовъ, посвященныхъ его жизни и дѣятельности. Въ 1860 г. извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ біографію В. Н. Каразина, а въ 1866 году перепечаталъ ее въ дополненномъ видѣ въ сборникѣ „Украинская Старина“. Эта работа и въ настоящее время является самымъ полнымъ сводомъ біографическихъ и бібліографическихъ данныхъ о Каразинѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ проф. Н. А. Лавровскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ ⁴²⁾ по исторіи Харьковскаго университета, отвелъ не мало мѣста и В. Н. Каразину. Онъ прямо говоритъ, что „г. Харьковъ несомнѣнно обязанъ существованіемъ въ немъ университета В. Н. Каразину“. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него слѣдующую характеристику Каразина: „онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, одушевленъ былъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едвали позволительно отказать ему въ безавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы—большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться—имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка“ ⁴³⁾. Въ „Русской Старинѣ“ за 1870—1875 г. опубликовано сыномъ Василя Назаровича, Филадельфомъ Васильевичемъ, значительное количество матеріаловъ для его біографіи ⁴⁴⁾; ему же принадлежитъ и опытъ біографіи, представляющій для насъ интересъ не столько по взглядамъ, сколько по богатству новыхъ фактическихъ данныхъ ⁴⁵⁾. Въ послѣднее время и въ мѣстныхъ харьковскихъ изданіяхъ стали печататься матеріалы и статьи о В. Н. Каразинѣ ⁴⁶⁾. Наконецъ, въ извѣстномъ изданіи Павленкова (знаменитыхъ дѣятелей) появилась недавно популярная біографія В. Н. Каразина (составлена г. Абрамовымъ); г. Абрамовъ считаетъ Василя Назаровича однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей ⁴⁷⁾.

Мы въ своей рѣчи старались дать не панегирикъ, не похвальное слово, а матеріалы для объективнаго и мотивированнаго сужденія о заслугахъ В. Н. Каразина передъ русскимъ обществомъ. И вотъ наши выводы. Имя Василя Назаровича начертано крупными, неизгладимыми чертами въ исторіи мѣстной харьковской культуры и образованности. Харьковскій университетъ ему обязанъ своимъ началомъ—и этой одной заслугой было бы вполне достаточно, чтобы благодарная память о немъ перешла въ потомство. Городъ Харьковъ, получившій университетъ раньше Петербурга, Кіева и Казани, въ значительной степени Каразину

обязанъ своимъ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ. Не будь этого, онъ долго бы еще оставался въ своемъ первобытномъ состояніи. Каразинъ знаменуетъ собою пробужденіе общественнаго и научно-литературнаго духа въ Украинѣ, пользы которой въ его представленіи были неотдѣлимы отъ интересовъ всей Россіи. Не можетъ остаться незамѣченной его дѣятельность и въ исторіи общерусскаго просвѣщенія: не малую услугу оказалъ онъ ему своей идеей особаго министерства народнаго просвѣщенія. Наконецъ, Каразинъ приобрѣлъ себѣ право на всеобщее вниманіе своимъ необыкновеннымъ умомъ и способностямъ: этотъ самоучка дворянинъ постоянно шелъ впереди своего вѣка и предлагалъ то, что и въ настоящее время составляетъ еще *prim desiderium*.

Такимъ образомъ, мы, вмѣстѣ съ Г. П. Данилевскимъ, М. П. Погодинымъ и Н. А. Лавровскимъ, думаемъ, что В. Н. Каразинъ вполне заслужилъ себѣ *памятникъ* въ Харьковѣ. Мы говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, зная прекрасно, что дѣятельность Василя Назаровича и въ особенности его характеръ возбуждали подъ часъ нареканія и нападки. Вникая внимательнѣе въ эти отрицательные отзывы, мы легко открываемъ общій источникъ ихъ происхожденія; это были *пересуды* современниковъ, попавшіе въ печать и оказавшіе извѣстное вліяніе на сужденія о личности Каразина и со стороны потомства. Это были своего рода народныя легенды, сочиненныя безымянными авторами, нерѣдко сводившими такимъ путемъ счеты съ непріятнымъ человѣкомъ. Судьба Каразина, сама по себѣ довольно необычная, давала имъ благодарныя темы и гарантировала успѣхъ ихъ сочиненій въ публикѣ. И петербургская бюрократическая среда (гдѣ пришлось первоначально дѣйствовать Василю Назаровичу), и харьковская провинціальная были очень падки къ различнаго рода сенсационнымъ слухамъ о человѣкѣ, котораго такъ высоко выдвинулъ „случай“. Въ глазахъ высшаго петербургскаго общества, особенно придворнаго, Василій Назаровичъ, являлся выскочкой, котораго необходимо было во что бы то ни стало дискредитировать въ глазахъ Государя, иначе онъ могъ сдѣлаться очень опаснымъ. Особенное нерасположеніе и тайный страхъ должны были чувствовать къ нему старые государственные дѣятели. Выразителемъ подобныхъ взглядовъ на Каразина явился въ своихъ запискахъ извѣстный Державинъ, занимавшій въ царствованіе Александра I-го высокій постъ министра юстиціи. Онъ набросилъ сильную тѣнь на нравственную сторону личности Василя Назаровича, назвавъ его умнымъ человѣкомъ, „но не весьма завидной честности“; основаніемъ же для такого отзыва послужилъ *слухъ* о желаніи Василя Назаровича жениться на богатой невѣстѣ Надаржинской; Державинъ ставитъ въ вину Каразину то обстоя-

тельство, что онъ въ дѣлѣ наслѣдства этой дѣвицы сталъ дѣйствовать въ ея пользу, желая будто бы сдѣлать ей впослѣдствіи предложеніе и получить въ приданое за ней ея огромное состояніе. Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ событіемъ, а съ легендой, которая вводитъ насъ въ область гадательныхъ недоказанныхъ предположеній и темныхъ слуховъ, не поддающихся проверкѣ. Самъ Державинъ говорить, что дѣло Надаржинской было правое и онъ самъ рѣшилъ его въ ея пользу, значитъ Каразинъ стоялъ также за правое дѣло; и если даже допустить, что раньше онъ былъ другаго мнѣнія (хотя это ничѣмъ не доказывается), то и тогда не зачѣмъ будетъ дѣлать непременно худшаго предположенія: онъ могъ также ошибаться, какъ и Зубовъ, дѣйствовавшій совершенно безкорыстно, bona fide, и тѣмъ не менѣе представившій докладъ Государю въ пользу противника Надаржинской—Кондратьева; дѣло было очень запутанное и на него возможны были разные точки зрѣнія ⁴⁸⁾; при томъ Каразинъ вовсе не былъ знакомъ съ Надаржинской, которой, кстати сказать, въ то время было всего только 13 лѣтъ. Фактъ сватовства Каразина на Надаржинской не установленъ. Державинъ, по петербургскимъ слухамъ, говорить только о намѣреніи его посвататься за нее, у Ярославскаго ⁴⁹⁾ же (въ его запискахъ), этотъ эпизодъ получаетъ дальнѣйшія мѣстные (харьковскія) подробности и прибавки, весьма сомнительныя и отчасти опровергаемыя другими данными. Мы объясняемъ происхожденіе всѣхъ этихъ слуховъ тѣмъ, что Каразинъ въ это время заявилъ себя, какъ ревнитель правды и искоренитель злоупотребленій и тѣмъ поддерживалъ особое довѣріе къ себѣ Государя; самому Державину пришлось производить слѣдствіе надъ Калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ, по поводу его злоупотребленій, открытыхъ В. Н. Каразиннымъ и доказанныхъ несомнѣнными данными; эта безпокойная дѣятельность по части искорененія неправды и близость къ Государю, естественно, вызвали зависть и желаніе набросить тѣнь на самого ревнителя правды; дѣло Надаржинской, въ которомъ Василій Назаровичъ опять таки хотѣлъ заявить себя правдолюбцемъ, подало прекрасный поводъ приписать ему такія намѣренія, какихъ у него и не было, чтобы тѣмъ дискредитировать его въ глазахъ общества и Государя; при томъ самъ Каразинъ могъ помочь своимъ недругамъ излишнею горячностью въ защитѣ интересовъ Надаржинской... и горячность эта могла дѣйствительно казаться подозрительной. Невинное примѣненіе химическаго фокуса къ акціямъ Филотехническаго общества породило также неблагоприятныя для Каразина слухи въ Харьковѣ и нашло себѣ выраженіе въ запискѣ Анастасевича ⁵⁰⁾. Своеобразное сочетаніе консервативныхъ и либеральныхъ взглядовъ

вызвало въ свое время злую эпиграмму Воейкова, а въ наши дни неудовольствіе историка крестьянскаго сословія В. И. Семевского ³¹⁾. Вотъ въ сущности и всѣ ятна (въ значительной степени мнимыя) на свѣтѣ фонѣ дѣятельности Каразина. Допускаемъ, что современемъ могутъ открыться еще какіе нибудь отрицательные отзывы о немъ. Даже увѣрены въ томъ, что это случится, потому что Василій Назаровичъ принадлежалъ къ людямъ съ рѣзко очерченной умственной и нравственной фізіономіей; у него было много страстныхъ поклонниковъ и друзей, но еще больше враговъ и хулителей.

Основной чертой его *характера* является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его *tête chaude* (горячей головой) ³²⁾. И все это, по нашему мнѣнію, объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь. Извѣстно, какихъ приключеній исполнена была жизнь его отца на военномъ поприщѣ. Намъ удалось найти данныя, доказывающія, что такимъ же неугомоннымъ-несдержаннымъ оставался отецъ его и въ роли помѣщика сел. Кручика (разумѣемъ эпизодъ съ колоколомъ) ³³⁾. У сына былъ также огромный запасъ энергіи, но только вся она была направлена на *мирное* служеніе общественному благу. Отстраненный съ одного поприща, онъ немедленно же переходитъ къ другому и обнаруживаетъ здѣсь такую же изумительную дѣятельность, какъ и на прежнемъ. Василій Назаровичъ самъ сознался однажды, что въ его жилахъ кипѣла отцовская кровь. Предлагая себя немедленно послѣ опалы въ эмиссары русскаго правительства для поддержанія сербскаго возстанія, онъ говоритъ: „отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя *при меньшей*, можетъ быть, *отважности*, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями ³⁴⁾“. Мы выше замѣтили, что Василій Назаровичъ обладалъ огромнымъ умомъ. Но это не былъ холодный умъ практика; это былъ безпокойный умъ надѣленнаго пылкой фантазіей изобрѣтателя. Воображеніе у него господствовало надъ разсудкомъ и влекло его все къ новымъ и новымъ мечтаніямъ и предпріятіямъ, въ которыя самъ онъ искренно и глубоко вѣрилъ. Отсюда и грандіозность его проектовъ, служившая причиной непригодности многихъ изъ нихъ къ дѣлу; отсюда его непрактичность, вызвавшая не разъ улыбку на устахъ холодныхъ практиковъ. Припомнимъ его мечты о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть Харьковскій университетъ на всю южную Россію; вспомнимъ его предсказаніе, что г. Харьковъ сдѣлается новыми Аѳинами. Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарто-

рисскому, о необходимости поддержать сербское возстаніе. Начавъ описывать будущіе предѣлы славянства, онъ прерываетъ свою рѣчь и говорить: „но какъ опредѣлить географическія границы, среди *восторга*, который меня обнимаетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ (славянь), столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, не существующимъ уже, увы! для насъ“ ⁵⁵). Эта *восторженность* характеризуетъ почти всѣ его сочиненія. А его письма къ Императору Александру I-му, въ которыхъ онъ самъ себя называетъ „сельскимъ мечтателемъ“ и признается въ своей наивности ⁵⁶)? Такимъ же мечтателемъ оказывался онъ и въ собственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить его Филотехническое общество, которое должно было давать дохода—не менѣе какъ по 6% на акцію. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ крайній идеализмъ больше всего принесъ вреда ему самому. Какъ человѣкъ прямой, искренній, Василій Назаровичъ всегда и всѣмъ говорилъ то, что думалъ, не дѣлая даже исключенія для царей. Судьба, казалось, въ началѣ благопріятствовала ему, поддерживала въ этомъ „правдоговореніи“, даже вознесла его за это на высоту, о которой едва ли могъ мечтать даже онъ, при всей своей пылкой фантазіи; но эта же судьба и низвергла его съ высоты. А падать, какъ извѣстно, труднѣе, чѣмъ подниматься. При томъ онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ. И вотъ начинается дѣятельность на новомъ болѣе узкомъ поприщѣ—научномъ. Между тѣмъ натура беретъ свое; пылкая фантазія рисуетъ ему возможность чуда: ему вѣрится, что его снова потребуютъ *туда*, на верхъ, откуда исходить все, гдѣ можно развить широкую дѣятельность на пользу общую... ⁵⁷). Въ результатѣ—неудача, злорадство враговъ, Шлиссельбургъ, невольное затворничество въ Кручикѣ... Тяжело было душевное состояніе Василя Назаровича въ послѣдніе годы. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ пользамъ Россіи, своего края—и этого рвенія и усердія современники по достоинству не оцѣнили или, что еще хуже, забыли о нихъ. Это его глубоко оскорбляло, заставляло страдать. Не могъ онъ, при своей живости, впечатлительности, оставаться равнодушнымъ къ *неуспѣхамъ* своихъ начинаній—неудачи причиняли ему страданія. Другой на его мѣстѣ ушелъ бы отъ дѣлъ, отъ общества; но онъ не могъ этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ: у него было слишкомъ много энергіи и живучести; въ 70 лѣтъ онъ сохранилъ еще живость ума и чувства ⁵⁸). Онъ по прежнему искалъ дѣла, но только не желалъ уже ни похвалы, ни осужденія современниковъ, ибо не вѣрилъ въ ихъ безпристрастіе. Это душевное настроеніе ярко выразилось въ предсмертномъ письмѣ его къ Погодину. „Кто знаетъ, пишетъ онъ ему, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядываю-

щій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустоищъ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ де подалъ мысль къ основанію такого то университета. И только то!! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь воссоединенія униатовъ, которое совершилось спустя болѣе 30 лѣтъ?... Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отопляваніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ въ тамошней библіотекѣ.—Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ! Хоть для потомства?“ Думалъ ли Каразинъ, прибавляетъ отъ себя Погодинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи ⁵⁹). И этотъ человѣкъ, обладавшій огромной вѣрой въ жизнь и людей, въ концѣ своего земнаго поприща потерялъ ее и расчитывалъ только на нелицепріятный судъ потомства.

Теперь пора дать ему этотъ судъ, милостивые государи и милостивыя государыни! Прошло уже 50 лѣтъ со дня его смерти. На нашей нравственной обязанности лежитъ оцѣнка подвиговъ его ума, слова и дѣла. Пожелаемъ же, чтобы эта оцѣнка нашла себѣ основаніе въ собраніи его сочиненій и посвященныхъ имъ изслѣдованіяхъ, чтобы изъ книгъ и изслѣдованій она перешла въ живое сознаніе общества и затѣмъ воплотилась въ вещественныхъ и невещественныхъ памятникахъ. Пожелаемъ, чтобы Каразины почаще являлись въ нашемъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы толкать его впередъ по пути всяческаго прогресса, въ особенности по пути просвѣщенія, по тому пути, на которомъ, по вѣрному замѣчанію б. попечителя Потоцкаго, „остановиться—значить то же, что подаваться назадъ“. Пусть растетъ сочувствіе къ нашему университету со стороны всѣхъ классовъ населенія. Мечты В. Н. Каразина отчасти сбылись: Харьковскій университетъ въ теченіе 87 лѣтъ является уже просвѣтительнымъ центромъ „полуденной Россіи“; пусть же онъ свѣтитъ, пока земля стоитъ и солнце свѣтитъ и свѣтъ его все болѣе и болѣе разсѣиваетъ мракъ!

Примѣчанія.

¹⁾ Нужно замѣтить, что ни подлиннаго письма, на точной копіи съ него не сохранилось и только впоследствии, многіе годы спустя, самъ Василій Назаровичъ возстановилъ его по памяти; въ такомъ видѣ оно напечатано въ „Русск. Стар.“ 1873 г., апрѣль, стр. 567—568 (съ подлинной рукописи Василя Назаровича, сообщенной редакціи его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ); въ этой редакціи нѣтъ приведенныхъ нами словъ. Но мы ихъ встрѣчаемъ въ книгѣ Г. П. Данилевскаго, который ссылается на ту же рукопись письма Василя Назаровича; быть можетъ, эта прибавка была устно сообщена Гр. П. Данилевскому Василиемъ Назаровичемъ или его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ, и она является весьма правдоподобной; трудно допустить, чтобы Василій Назаровичъ указалъ Императору Павлу только на одинъ мотивъ своего бѣгства—слухи о его жестокости. Мы думаемъ, что въ этомъ письмѣ, какъ и въ послѣдующихъ, смѣлыя рѣчи по адресу государя были смѣшаны съ выраженіемъ горячей преданности ему и отечеству; раскаяніе Каразина побудило Павла Петровича сдѣлать то, чего онъ не любилъ дѣлать—простить дерзновеннаго.

²⁾ Разумѣемъ здѣсь статью г. Бочарова „Памяти В. Н. Каразина. Новая данія къ его биографіи (по первоисточникамъ и подлиннымъ архивнымъ бумагамъ)“, напечатанную въ № 307 „Москов. Иллюстрир. газеты“ за 1892-й годъ.

³⁾ Письмо это напечатано съ примѣчаніями самого Василя Назаровича, но къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми пропусками, въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 4-й, стр. 68—80; у меня имѣется *полный* списокъ этого письма, сдѣланный для харьк. помѣщика Дм. Хрущева и принадлежащій нынѣ сыну его, Павлу Дмитріевичу Хрущеву.

⁴⁾ Ibidem, стр. 75—76.

⁵⁾ „Русская Старина“, 1875, апрѣль, стр. 751.

⁶⁾ Рѣчь эта напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 3-й, стр. 330—335.

⁷⁾ Сотрудникъ В. Наз. Анастасевичъ прямо говоритъ: „занятія мои съ Василиемъ Назаровичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ мин. нар. просв., въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьк. у—а и въ особенности по канцеляріи кн. Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго университета и его округа по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (Едукаціонной) комиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, а когда образовалась сія часть Виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василиемъ Назаровичемъ продолжались какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же правленія: „Ежем. соч. объ успѣхахъ нар. просв.“ (Записка о Вас. Наз. Каразинѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общ., 1861, кн. 3-я, стр. 192—193).

⁸⁾ Письмо это напечатано у Гр. П. Данилевскаго („Укр. Старина“, стр. 135—139), подлинникъ его хранится въ библіотекѣ Харьк. университета.

⁹⁾ Ibidem, стр. 136—137.

¹⁰⁾ „Русская Старина“, 1871, т. 3-й, стр. 704.

¹¹⁾ „Предначертаніе“ Каразина напечатано въ статьѣ его сына („Рус. Старина“, 1875, май, стр. 66—76). Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукопись „предначертанія“ (она хранится въ университетскомъ архивѣ).

¹²⁾ Болѣе подробное развитіе всѣхъ этихъ мыслей читатель найдетъ въ приготавливаемыхъ нами къ изданію „Очеркахъ по исторіи Харьковскаго университета“, именно въ 1-й главѣ ихъ, посвященной характеристикѣ просвѣщенія въ Харьк. краѣ до открытія университета.

¹³⁾ Подробныя свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ помѣщены нами во 2-й главѣ „Очерковъ по исторіи Харьк. университета“.

¹⁴⁾ Грамота эта напечатана въ „Сбор. постан. по мин. нар. просв.“ т. 1-й; подлинникъ ея составляетъ собственность университета.

¹⁵⁾ Вотъ они: губ. предводитель дворянства Вас. Донецъ-Захаржевскій, харьк. уѣздный—Дмитрій Щербининъ, валковскій—Мих. Шидловскій, богодуховскій—Иванъ Куликовскій, змѣевской—Петръ Фонъ-Мейеръ, лебединскій—Алексѣй Алферовъ, сумской—Куколь-Яснопольскій, ахтырскій—Кондратьевъ, купянскій—Райзельсонъ-Сошальскій, депутатъ змѣевскаго уѣзда Ник. Шидловскій, купянскаго—Іосифъ Абаза, харьковскаго—Василій Тихоцкій, ахтырскаго—Иванъ Ямпольскій, валковскаго—Ник. Зварыкинъ (Архивъ Харьк. Двор. Депут. Собор., „Протоколы по текущимъ дѣламъ“ 1802 г.)

¹⁶⁾ „Рус. Старина“ 1875, май, стр. 76.

¹⁷⁾ „Воспоминанія“, стр. 77.

¹⁸⁾ „Сѣверная Пчела“ 1860, № 92; этого номера нѣтъ въ нашей университетской библіотекѣ, но, благодаря любезности г-жи Токмаковой, всѣ письма, напечатанныя тутъ Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ, для меня были списаны съ экземпляра, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

¹⁹⁾ Н. А. Лавровскаго. Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2, стр. 309).

²⁰⁾ Г. П. Данилевскаго. „Украинская Старина“, стр. 150—151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль, стр. 310.

²¹⁾ Г. П. Данилевскаго. „Укр. Старина“, стр. 151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“, 1873, № 2 стр. 310.

²²⁾ Прибавленіе къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г., № 38, стр. 337—338.

²³⁾ Ibidem, 1840 г., № 12, стр. 113.

²⁴⁾ См. „Украинскую Старину“, стр. 128, 140—145; ср. Отчетъ Филотехническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818. X. 1819; см. также приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1838-й годъ, стр. 429—430, гдѣ помѣщены и его личныя наблюденія объ истребленіи лѣсовъ.

²⁵⁾ См. Записку, читанную въ Имп. Моск. Общ. Естествоиспытателей дѣйств. чл. онаго В. Н. Каразинимъ о метеорологіи, 15 марта 1810 г. („Рус. Старина“, 1871, т. 3-й, стр. 719—722); ср. также статью о В. Н. Каразинѣ, какъ метеорологѣ, въ Рус. Архивѣ за 1892-й годъ. № 5.

²⁶⁾ Василій Назаровичъ Каразинъ... говоритъ Роммель, былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ („Воспоминаніе“, стр. 77).

²⁷⁾ Отчетъ Филотехнич. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г. X. 1819 г., стр. 1—17, 22—26.

²⁸⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ устройствѣ сообщаетъ самъ Вас. Наз. въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. (См. „Русскую Старину“, 1871, т. 3-й, стр. 335—366).

²⁹⁾ См. объ этомъ обстоятельную монографію о. Ник. Лащенка, основанную на данныхъ харьковскаго консисторскаго архива („Харьковскій Сборникъ“ на 1887-й годъ, стр. 53—64).

³⁰⁾ Ibidem, стр. 63; Вас. Наз. ставилъ своею цѣлью нравственно вліять на учениковъ и съ этою цѣлью сочинилъ даже особый катехизисъ, отрывки изъ котораго пмѣются и въ печати.

³¹⁾ Письмо къ губ. Бахтину („Рус. Стар.“, 1871, т. 3-й, стр. 358). Изъ одного письма къ Вас. Наз. видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ г. Гофвилѣ Эмилію Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчиковъ, по всей вѣроятности лучшихъ воспитанниковъ Кручанской школы; см. „Сѣв. Пчелу“ 1860, № 92.

³²⁾ „Сѣверная Пчела, 1860, № 92.

³³⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 1, стр. 1—2.

³⁴⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 34, стр. 234.

³⁵⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841, № 3, стр. 21—23.

³⁶⁾ „Моск. Вѣдом.“, 1842 г., № 101.

³⁷⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 3-я, стр. 203—206.

³⁸⁾ Письмо М. П. Погодина къ Н. А. Лавровскому (ненапечатанное; автографъ переданъ мнѣ акад. Н. А. Лавровскимъ).

³⁹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 6-я, стр. 313—314.

⁴⁰⁾ Бецкій навѣстилъ Каразина въ 1841 г., по просьбѣ М. П. Погодина, и вынесъ неблагопріятное впечатлѣніе изъ этого посѣщенія: его непріятно поразила излишняя разговорчивость Вас. Наз. и онъ юмористически описываетъ ее въ письмѣ къ Погодину; см. Н. Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6-я, стр. 65—66.

⁴¹⁾ Приведенъ у Гр. П. Данилевскаго, стр. 109—110.

⁴²⁾ См. „Вас. Наз. Каразинъ и открытіе Харьк. университета“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1872, январь и февраль) и его же „Воспоминаніе о Вас. Наз. Каразинѣ“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль).

⁴³⁾ „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль, стр. 295.

⁴⁴⁾ Подобныя же матеріалы появились еще раньше (въ шестидесятыхъ годахъ) на страницахъ „Чтеній Моск. Общества Исторіи и Древностей“.

⁴⁵⁾ См. въ „Рус. Старинѣ“ 1875 г. (февраль, май, сентябрь, октябрь, ноябрь) статью подъ заглавіемъ „Вас. Наз. Каразинъ, основатель Харьк. университета“; она подписана такъ: „воспитанникъ Харьковскаго университета 20-хъ годовъ“; но содержаніе ея, а въ особенности сравненіе съ имѣющимися въ моихъ рукахъ письмами Филадельфа Васильевича къ Н. А. Лавровскому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ принадлежности ея сыну Вас. Назаровича.

⁴⁶⁾ Разумѣемъ прекрасную работу о. Ник. Лащенка „Вас. Назар. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика“ („Харьк. Сборн.“ на 1887-й годъ) и замѣтку редакціи „Харьк. Сборн.“ по поводу ея (ibidem); ср. также записки Ярославскаго (тамъ же и въ болѣе полномъ видѣ въ „Кіев. Стар.“ за 1887-й г.); кое какіе матеріалы для біографіи Вас. Наз. и его отца напечатаны проф. Н. О. Сумцовымъ и мною въ „Сборникѣ Харьк. Историко-Фил. Общества“, т. 3-й.

⁴⁷⁾ См. мою рецензію на эту книжку въ „Кіевской Старинѣ“ 1891, іюнь, стран. 499—503.

⁴⁸⁾ Вопросъ заключался въ томъ, что Надаржинская родилась только 2 мѣсяца спустя послѣ законнаго брака своихъ родителей; но дядя (Кондратьевъ),

оснапировавшій потомъ законность ея рожденія, называлъ ее все время племянницей; родители также считали ее законной своей наслѣдницей; см. Записки Г. Ром. Державина. М. 1860, стр. 452—454, 443—451.

⁴⁹⁾ См. „Харьковскій Сборникъ“ на 1887-й годъ и „Кіев. Стар.“ 1887 года.

⁵⁰⁾ Дѣло въ томъ, что В. Н. Каразинъ выпустилъ акціи Филотехническаго общества, которыя давали дивидендъ (впрочемъ изъ его собственныхъ средствъ); на этихъ акціяхъ химическимъ составомъ написанъ былъ тайный знакъ, указывавшій срокъ уплаты процентовъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее объявленіе самого В. Н. Каразина: „за долгъ поставляется просить тѣхъ особъ дворянства и купечества, которые имѣютъ акціи, чтобы они не пропускали предъявлять ихъ въ назначенные сроки. Химическія чернила, коими написаны секретныя на нихъ знаки, относительно къ срокамъ процентовъ, по прошествіи мѣсяца послѣ срока, сами собою начинаютъ обнаруживаться и слѣдовательно подвергаютъ акцію сомнѣнію. Впрочемъ сіе обстоятельство теперь, при началѣ общества нашего, по малому еще числу акцій и по извѣстности особъ, у которыхъ онѣ большею частью находятся, конечно имѣть мѣста не можетъ. Само собою разумѣется, что мѣра сія изобрѣтена не для нынѣшняго первоначальнаго времени. Всѣ акціи признаются теперь имѣющими свое достоинство“... Вас. Наз. оказался тутъ просто непрактичнымъ: онъ, во 1-хъ, принявъ такую мѣру, въ которой на первыхъ порахъ, по его же словамъ, не было никакой надобности, а во 2-хъ, повидимому, не предусмотрѣлъ того, что знаки могутъ обнаружиться не во время, отъ теплоты карманной книжки, гдѣ ихъ носили; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прямо говоритъ Анастасевичъ. Филadelphъ Васильевичъ Каразинъ нѣсколько иначе объясняетъ цѣль этихъ тайныхъ знаковъ: въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому онъ между прочимъ пишетъ: „акціи эти у меня сохранились; посылаю вамъ одну. Причина, по которой дѣлался въ клѣточкахъ знакъ химическими чернилами объяснена: „желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ нашего общества сдѣлало необходимою сію мѣру“, сказано въ концѣ оборотной стороны. Сумма денегъ, внесенныхъ по акціи, могла быть различна, начиная отъ 100 руб.; писалась она въ продолговатомъ квадратѣ на первой страницѣ. Чтобы устроить подлогъ, который не трудно было сдѣлать по простотѣ акцій, эта сумма или соотвѣтствующій ей знакъ, извѣстный Каразину, выставлялся на оборотной сторонѣ акціи секретными чернилами. Выводъ ихъ наружу доказывалъ несомнѣнно подлогъ. И эта прекрасная предосторожность истолкована, какъ фальшь Каразина!... Выпускъ акцій былъ обезпеченъ частью недвижимаго имѣнія Каразина, которое и было продано съ аукціона на удовлетвореніе кредиторовъ.“... Очень вѣроятно, что В. Наз. своими тайными знаками преслѣдовалъ двоякую цѣль—и ту, о которой говоритъ самъ, и ту, о которой говоритъ его сынъ. Акція, отправленная Филadelphомъ Васильевичемъ Николаю Алексѣвичу Лавровскому, передана имъ мнѣ и хранится нынѣ въ числѣ другихъ документовъ Каразинскаго комитета; см. „Украинскую Старину“, стр. 169; Записка Анастасевича („Чтенія Моск. Общ., 1861, III, стр. 197); письма Филadelphа Васильевича къ Ник. Ал. Лавровскому переданы мнѣ этимъ послѣднимъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность.

⁵¹⁾ См. соч. В. Н. Семевского „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в.“, т. 1-й; въ эпиграммѣ Воейкова В. Н. Каразинъ называется хамелеономъ.

⁵²⁾ „Рус. Старина“ 1871, т. 3-й, стр. 710—711.

⁵³⁾ См. мою статью „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколь“ Кіев. Старина“ 1892, декабрь).

⁵⁴⁾ „Рус. Старина“ 1871, т. 3-й, стр. 703—704.

⁵⁵⁾ Ibidem, стр. 716—717.

⁵⁶⁾ „Рус. Старина“, 1875, ноябрь, стр. 470—471.

⁵⁷⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно письмо, написанное Вас. Назаровичемъ въ 1814 году извѣстному Аракчееву. Препровождая ему отчетъ Филотехническаго общества, Каразинъ писалъ: „можетъ быть, захотите сдѣлать мнѣ благодарное сообщеніемъ Его Августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей болѣе нежели обыкновенныхъ,— пока напослѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности... Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ я продолжаю тоже самое стремленіе, которое Имъ однажды было одобрено: „часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что мы съ вами согласуемся въ образъ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ“. Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному Его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донинѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой донинѣ подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести нѣкогда, можетъ быть, не прежде какъ уже по смерти своей пользу дражайшему отечеству. И тогда уповаю быть оправданъ!...“ Н. Бочарова. Памяти В. Н. Каразина („Моск. Иллюстр.“ газета, 1892 г. № 307).

⁵⁸⁾ О живости чувства свидѣтельствуетъ письмо его къ супругѣ, писанное не за долго до смерти на 70-мъ году жизни; современемъ я его напечатаю.

⁵⁹⁾ „Москвитинъ“ 1843, № 2, стр. 628—629.

Матеріалы для исторіи Харьковскаго Университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣ двухъ сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на берегу рѣки Харькова раскинулся первый поселокъ. Мѣстность, занятая въ настоящее время городскими постройками, была покрыта густой и сочной растительностью, питаемой обильными нѣкогда водами рѣкъ Харькова и Лопани, съ прилегавшими къ нимъ многочисленными заливами, озерами и ручьями. Въ густыхъ тростникахъ Лопани дикія козы скрывались отъ волковъ и медвѣдей. Перелетные лебеди покрывали ее весной. Роскошные сады съ путивльскими и склянковыми яблоками были нанимаемы московскими промышленниками за 30, 40 руб. въ лѣто. Въ урожайные годы четверть ржаной муки продавалась на базарахъ полковаго города Харькова по 70 коп. мѣдью, четверть овса по 25 коп.

Велико было природное богатство края; но бѣденъ онъ былъ удобствами цивилизаціи. Городская жизнь была однообразна и скучна. Съ солнечнымъ закатомъ горожане уже помышляли о сытномъ ужинѣ и крѣпкомъ снѣ, который не раздѣляли только часовые, высматривавшіе на городскомъ валу появленіе непрощенныхъ гостей—татарскихъ хищниковъ. Долгое время не было ни театра, ни книжныхъ магазиновъ, ни типографіи. Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда возникли впервые драматическія представленія, довольствовались одной рукописной афишей; книги привозили два-три раза въ годъ ярмарочные торговцы, и книги-то были, обыкновенно, очень скромныя—Письмовникъ Курганова, Оракулъ Мартына Задеки, плохенькіе лѣчебники, завалящіеся романы о любви Моины и Услада и т. п. Даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія городъ выглядывалъ такимъ бѣднымъ и грязнымъ, что въ совѣтѣ университета возникла мысль хлопотать передъ правительствомъ о переведеніи университета въ Бѣлгородъ.

Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ, городъ росъ и развивался, и въ настоящее время является средоточіемъ жизнедѣятельныхъ силъ

значительной части южнорусского края. Въ теченіе двухсотлѣтняго документальнаго существованія Харькова были годы бѣдствій, чумы, холеры, истребительныхъ пожаровъ, были годы свѣтлыхъ духовно-нравственныхъ явленій въ жизни мѣстнаго общества, когда возникали стремленія къ самостоятельной литературной дѣятельности и учреждались филантропическія и научно-просвѣтительныя общества. Въ настоящее время чувствуется уже настоятельная потребность въ историческомъ отчетѣ, въ систематическомъ и стройномъ обзорѣ харьковской старины. Писать исторію г. Харькова не значитъ опускаться въ безсодержательныя мелочи прошлаго. Если это прошлое состоитъ исключительно изъ мелочей, то не стоитъ затрачивать время на его изученіе, тѣмъ болѣе не стоитъ, что въ настоящемъ многое требуетъ затраты личнаго безкорыстнаго и доброжелательнаго труда. Только мысль о живыхъ, но давно забытыхъ или незамѣченныхъ въ свое время или недостаточно использованныхъ началахъ прошлаго можетъ повести къ его изученію. Собираніе внѣшнихъ фактовъ людской жизни, перечисленіе городскихъ учреждений по вывѣскамъ и уставамъ—дѣло скучное и малополезное. Исторія, какъ установленіе генетической связи культурныхъ явленій, можетъ пріобрѣсти серьезный интересъ. Просвѣтительныя и филантропическія стремленія мѣстныхъ дѣятелей недавняго прошлаго, ясно обрисованныя, получаютъ значеніе воспитательнаго элемента и содѣйствуютъ дальнѣйшему общественному преуспѣянію. Цѣнность историческаго изслѣдованія опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ оно формируетъ и укрѣпляетъ созидающую мысль человѣка. Сближеніемъ фактовъ прошлаго опредѣляется ихъ сущность и значеніе. Среди забытыхъ могилъ и пришедшихъ въ разрушеніе памятниковъ историкъ отыскиваетъ искры жизни, подчасъ жизни многообѣщающей. Освобождая ихъ отъ нанесеннаго потокомъ времени праха и забвенія, онъ такимъ образомъ содѣйствуетъ ихъ обращенію въ животворный для общественнаго организма источникъ тепла.

Систематическая и достаточно полная и разносторонняя исторія г. Харькова—дѣло будущаго. Сегодня, въ нынѣшнемъ году, такой исторіи не можетъ быть по многимъ причинамъ. Не собраны и неразобраны необходимыя археологическіе и историческіе матеріалы; не опубликованы важныя для бытовой исторіи документы, хранящіеся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, напр. дневники, письма, судебныя процессы выдающихся харьковскихъ горожанъ стараго времени. Почти совсѣмъ нѣтъ историческихъ монографій о дѣятельности отдѣльных мѣстныхъ учреждений. Свѣтильникъ чистаго знанія, разсадникъ просвѣщенія въ значительной части южнорусскаго края, харьковскій уни-

верситетъ прежде всего заслуживаетъ подробной и дѣльной исторической монографіи. Уже на первыхъ порахъ своей научной жизни университетъ вносилъ въ мѣстное образованное общество просвѣтительныя и филантропическія стремленія, при чемъ или сами профессора становились въ живое общеніе съ жизнью, или питомцы мѣстнаго университета являлись посредниками между людьми общества и людьми науки. Съ пятидесятихъ годовъ почти всѣ лучшіе мѣстные люди или получили высшее образованіе въ здѣшнемъ университетѣ, или, такъ или иначе, пришли съ нимъ въ близкое соприкосновеніе по своему служебному положенію.

Для исторіи харьковскаго университета собрано мало матеріала, мало даже для внѣшней исторіи, не говоря уже о внутренней; нѣтъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія роста учреждений, состоящихъ при университетѣ; собрано весьма мало біографическихъ свѣдѣній о профессорахъ; архивные матеріалы лишь затронуты въ трудахъ немногихъ лицъ; не собраны воспоминанія; печатныя данныя (актовыя рѣчи и отчеты, воспоминанія и пр.) разбросаны и отрывочны. Въ скоромъ времени, черезъ 12 лѣтъ, предстоитъ празднованіе столѣтія университета, и тогда понадобится біографическій словарь профессоровъ (по примѣру словарей московскаго и кievскаго) и общіе историческіе отчеты, а предварительно неизбѣжно понадобятся архивныя справки и бібліографическіе указатели—работа сложная, медленная и копотливая.

Предстояція замѣтки—черновой матеріалъ для будущихъ исторіографовъ нашего университета. Въ нихъ отмѣчены нѣкоторые черты изъ внутренней жизни университета за послѣднее двадцатилѣтіе и черты личнаго характера дѣятелей, обыкновенно ускользающія отъ вниманія официальной исторіографіи, практическія занятія по исторіи, начинанія и предположенія просвѣтительнаго значенія, не получившія практическаго осуществленія, наконецъ, кое-какіе анекдоты. Послѣдніе вносятся въ статью, потому что въ нихъ часто отражаются характерныя особенности личности, иногда настроеніе цѣлаго общества. Двадцать лѣтъ—время небольшое, а между тѣмъ произошло много крупныхъ внутреннихъ измѣненій и въ личномъ составѣ и въ настроеніи университетской среды. На одномъ историко-филологическомъ факультетѣ въ истекшее двадцатилѣтіе смерть унесла Рославскаго-Петровскаго, Деллена, Петрова, Пѣховскаго, Аристова, Потебню, Колмачевскаго, Андреевскаго и молодыхъ талантливыхъ магистрантовъ Александра Попова и Ильинскаго. Но гдѣ одно потеряно, тамъ другое пустило ростки, и уже такова духовная живучесть университета, что эти ростки клонятся къ солнцу объективной научной истины и получаютъ просвѣтительное и

моральное значенія. Университетъ, какъ море, вѣчно волнующееся подъ тяготѣніемъ научной мысли: въ однихъ мѣстахъ волна упала, въ другихъ поднимается.

Невозможно учесть ту массу труда, знаній и энергій, которую затратили харьковскіе профессора за истекшее двадцатилѣтіе въ области науки, просвѣщенія и филантропіи, въ университетѣ и внѣ университета, въ ученыхъ обществахъ, на съѣздахъ, въ публичныхъ лекціяхъ, въ положеніи гласныхъ думы и гласныхъ земства. Достаточно здѣсь сказать, что почти во всѣхъ капитальныхъ вопросахъ мѣстной научной и общественной жизни профессора оказываются или инициаторами, или на ихъ рукахъ лежала разработка самыхъ крупныхъ проектовъ, частью осуществившихся (устройство научныхъ обществъ, женскихъ гимназій, библіотекъ), частью неосуществившихся (женскіе курсы, изданіе журнала, устройство рабочаго дома и др.).

Прошлое нашихъ воспоминаній стоитъ близко къ современному, потому мы имѣемъ много судей и критиковъ; всякое преувеличеніе или ошибка легко можетъ быть замѣчена и исправлена.

ГЛАВА I.

Воспоминанія объ А. А. Воскресенскомъ и А. А. Потѣбнѣ.

Въ XIII полутомѣ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона (1892 г.) Д. Менделѣевъ помѣстилъ статью объ Александрѣ Абрамовичѣ Воскресенскомъ, его біографію съ научной оцѣнкой заслугъ въ химіи, оцѣнкой весьма важной при высокомъ научномъ авторитетѣ самого г. Менделѣева. Статья проникнута глубокимъ уваженіемъ автора къ „дѣдушкѣ химіи“, какъ г. Менделѣевъ называетъ Воскресенскаго. Отсылая читателя къ этой прекрасной статьѣ, ограничимся здѣсь краткими фактическими данными: Воскресенскій, сынъ священника тверской губерніи, родился въ 1809 г., учился въ духовной семинаріи, потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, наконецъ за границей у Либиха и по возвращеніи въ Россію въ 1838 г. былъ назначенъ профессоромъ химіи въ петербургскомъ университетѣ, съ 1863 г. ректоромъ петербургскаго университета, съ 1867 г. попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Въ началѣ 70-хъ годовъ В. вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 21

января 1880 г. послѣ „долгой и плодотворной дѣятельности“. Г. Менделѣевъ отмѣтилъ, между прочимъ, слѣдующую замѣчательную черту: Воскресенскій въ отставку много времени посвятилъ на устройство въ своемъ имѣніи (Новоторжскаго уѣзда) двухклассной крестьянской школы. По словамъ г. Менделѣева, В. должность попечителя „считалъ не по себѣ, особенно вслѣдствіе тѣхъ симпатій къ реализму, которыми проникнута была вся его жизненная дѣятельность“.

Когда В. былъ въ Харьковѣ попечителемъ, я былъ въ послѣднихъ классахъ харьковской 2-й гимназіи (въ концѣ 60-хъ годовъ) и на первыхъ курсахъ историко-филологическаго факультета (въ началѣ 70-хъ годовъ). Въ такомъ возрастѣ и въ такомъ положеніи я, понятно, не могъ знать В. со стороны главныхъ чертъ его характера и дѣятельности. В. появлялся передо мной случайно, какъ высшее начальство, и въ моей памяти рѣзко запечатлѣлись лишь внѣшній его видъ, его наружность, приемы обращенія, его поговорки и прибаутки. Оригинальный былъ это человѣкъ: высокій, полный, сѣдой, всегда улыбающійся, съ поклонами во всѣ стороны, чрезвычайно словоохотливый, каламбурнистъ и шутникъ. Онъ очень часто ходилъ въ гимназіи на уроки и въ университетъ на лекціи. Человѣкъ всѣмъ доступный, простой и добрый В. въ разговорахъ и въ обращеніи съ учащимися обнаруживалъ слѣды пройденной имъ семинарской школы образованія. Помнится мнѣ одинъ пасмурный сентябрьскій денекъ 1869 года. Ученики 7 класса второй гимназіи безучастно и утомленно слѣдили за движеніями руки учителя геометріи, чертившаго на доскѣ какую-то замысловатую фигуру. Часы показывали начало втораго; и учителю, и ученикамъ, казалось, въ одинаковой степени хотѣлось поскорѣе распроститься съ этой скучной казенной четырехугольной комнатою съ печальной черной доской, траурно выглядывающей мѣловыми очертаніями бесконечно длинныхъ и однообразныхъ геометрическихъ фигуръ. Неожиданно растворились обѣ половинки двери, и въ классъ скорымъ шагомъ вошелъ Воскресенскій, сопровождаемый тогдашнимъ директоромъ гимназіи, добрымъ и уважаемымъ учениками Сценурой. Попечитель направился прямо къ кѣедрѣ, плотно усялся на креслѣ, положилъ цилиндръ на край кѣедры и запросто протянулъ ноги, какъ бы давая знать ученикамъ: „погодите, дѣтяи, я скоро не уйду и не одного потяну къ доскѣ на геометрическія прегрѣшенія!“ Онъ вызвалъ къ доскѣ ученика, который, будучи накануне спрошенъ, питалъ себя надеждой, что новое испытаніе въ грѣхахъ и новая крючкотая тройка послѣдуютъ не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ. Но перстъ попечителя вывелъ его изъ этого заблужденія, и маленькому грѣшнику пришлось вкривь и вкось толковать, что прямая, пер-

пендикулярная къ двумъ линіямъ, проведеннымъ черезъ ея основаніе на плоскости, перпендикулярна также ко всякой другой линіи, проведенной черезъ ея основаніе на той же плоскости; но видно день ужъ былъ неудачный: бѣдняга совсѣмъ заперпендикулярился; послѣ первой погрѣшности въ формулировкѣ теоремы, попечитель замѣтилъ, что рѣшеніе сдѣлано по „щучьему велѣнію“; за каждой изъ слѣдующихъ ошибокъ онъ только замѣчалъ: „кланяйтесь, кланяйтесь!“ Отвѣчавшему было не до поклоновъ; взявъ въ руки мѣлъ, онъ началъ выводить какую-то отчаянную фигуру, ища въ ея очертаніяхъ спасенія и выхода изъ непредвидѣнныхъ затрудненій. Недовольный учитель вызвалъ къ доскѣ другаго ученика, и попечитель первого проводилъ на мѣсто проническимъ замѣчаніемъ: „вы согрѣшили противъ Святаго Духа“. Воскресенскій чаще всего приходилъ въ классъ во время уроковъ латинскаго и русскаго языковъ, при чемъ охотно спрашивалъ учениковъ, шутилъ съ ними и любилъ вставить латинскую пословицу. Однажды крайне проголодавшійся гимназистъ, не взирая на присутствіе въ классѣ превосходительной особы, пощипывалъ французскую булку. Попечитель замѣтилъ это, не безпокоилъ его спросомъ урока и только уходя замѣтилъ, что *satur venter non studet libenter*. Однажды ученикъ опоздалъ минутъ на десять; когда онъ отворилъ двери въ классъ, то прямо наткнулся на попечителя, который повелительнымъ движеніемъ руки остановилъ провинившагося, говоря: „*tarde venientibus ossa*“. Въ университетѣ В. бывалъ очень часто. Вошедши въ аудиторію, онъ присаживался на скамью къ студентамъ и слушалъ профессора до конца лекціи, а послѣ лекціи, посмѣиваясь, дѣлалъ иногда замѣчанія. Такъ, однажды, онъ пришелъ на лекцію къ профессору греческаго языка О. И. Пѣховскому. Слушателей было три человѣка, при чемъ всѣ они смотрѣли въ одну книгу—Ксенофонта. Воскресенскій присосѣдился на скамьѣ къ студентамъ, посматривалъ въ ту же книгу, а уходя изъ аудиторіи послѣ лекціи сдѣлалъ студентамъ замѣчаніе, что у нихъ на всю деревню одинъ топоръ. Бывалъ онъ и у проф. Аристова на лекціяхъ по русской исторіи.

Отъ первой силы административной—попечителя—перейдемъ къ одной изъ самыхъ крупныхъ научныхъ силъ—проф. А. А. Потебнѣ. Извѣстно, что кончина А. А. *Потебни* поразила горестью его учениковъ и опечалила историко-филологическое Общество, состоящее при харьковскомъ университетѣ. Первой заботой Общества было собрать всѣ некрологи о Потебнѣ и оказать возможное содѣйствіе семейству покойнаго въ подготовленіи къ печати неизданныхъ его трудовъ, весьма многочисленныхъ и въ высокой степени цѣнныхъ. Затѣмъ въ Обществѣ

поднять былъ вопросъ о собираніи воспоминаній о покойномъ профессорѣ, чтобы сохранить въ записи память о выдающихся особенностяхъ его ума и характера. Понятно, что вопросъ этотъ апріорно не вызвалъ никакихъ возраженій и единогласно былъ утвержденъ въ положительномъ смыслѣ. Практическое его осуществленіе сопряжено съ большими трудностями. Если переводчикъ талантливаго произведенія изъ tradutore легко и невольно переходитъ въ traditore, то тѣмъ болѣе трудно вѣрно воспроизвести личность живую, разностороннюю, богато одаренную духовными силами, а именно такой оригинальной, цѣльной и богатой личностью былъ А. А. Потебня. Какъ натура цѣльная, онъ имѣлъ свой взглядъ, свои мнѣнія по многимъ вопросамъ научнымъ и общественнымъ и, главное, выражалъ ихъ въ оригинальной формѣ, своеобразной рѣчью. Обладая громаднымъ запасомъ словъ литературнаго языка и нарѣчій народныхъ, прекрасно владѣя малорусскимъ языкомъ, сохраняя въ своей замѣчательно сильной памяти множество народныхъ иѣсенъ, поговорокъ, выраженій лѣтонисныхъ, житійныхъ и др., Потебня облачалъ свои мысли въ чрезвычайно рельефныя и оригинальныя формы, поражавшія слушателя яркостью и сочностью красокъ. Самая мысль выигрывала отъ этихъ внѣшнихъ формъ выраженія, получала отъ нихъ особенную силу и блескъ. По воспоминаніяхъ нельзя передать этихъ формъ, а безъ нихъ и самая мысль, которая были облечена ими, не поддается надлежащему опредѣленію.

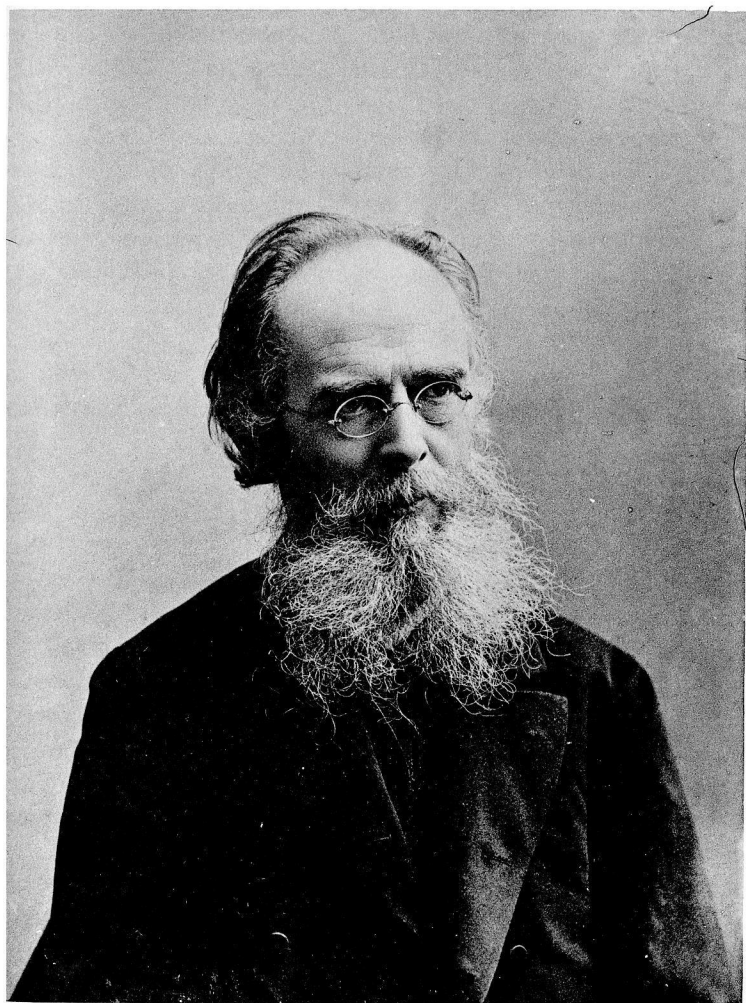
Въ университетѣ я слушалъ Потебню въ началѣ семидесятыхъ годовъ на двухъ первыхъ курсахъ. Специальныхъ его чтеній на высшихъ курсахъ я не слушалъ, такъ какъ шелъ не по словесному, а по историческому отдѣленію и русской филологіей въ университетѣ спеціально не занимался. Потебня тогда читалъ лекціи по русской грамматикѣ о полногласіи и о суффиксахъ. Профессоръ аккуратно посѣщалъ лекціи и читалъ съ большимъ увлеченіемъ; но содержаніе лекцій было такое сухое, а изложеніе столь трудное, что пониманіе ихъ было сопряжено съ большимъ трудомъ, и это пониманіе было смутное, такъ какъ оно опиралось на частности и на примѣрахъ, не достигая общаго плана и общихъ идей. Трудность пониманія обуславливалась, между прочимъ, тѣмъ, что въ лекціяхъ были примѣры изъ санскрита и литовскаго языка, а языковъ этихъ мы, первокурсники, не слушали по программѣ университетскихъ лекцій. Профессоръ на лекціяхъ не сходилъ съ спеціальной филологической почвы. Припоминаю одинъ случай за два года, когда Потебня сообщилъ своимъ слушателямъ послѣ лекціи нѣчто, не относившееся къ лекціямъ. Въ то время онъ завѣдывалъ музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей. По духовному завѣщанію богатаго харь-

ковскаго помѣщика Алферова, умершаго въ Боннѣ, въ музей поступила богатая коллекція картинъ, аквалерей и гравюръ, по минимальной заграничной оцѣнкѣ въ 30,000 талеровъ. Въ особенности цѣнна эта коллекція по громадному количеству гравюръ древнихъ и новыхъ мастеровъ (отъ Альбрехта Дюрера нач. XVI в. до Клейна и др.). Вотъ Потебня и сообщилъ послѣ лекціи, что нашъ университетъ обогатился такимъ цѣннымъ пожертвованіемъ.

На студентовъ новичковъ Потебня производилъ впечатлѣніе человека сухаго, строгаго и недоступнаго. Во время моего студенчества ни я, ни, сколько помню, мои товарищи, не обращались къ Потебнѣ съ личными вопросами или просьбами. Разъ я какъ то по окончаніи лекціи, въ то время какъ Потебня своимъ обычнымъ скорымъ шагомъ шелъ изъ аудиторіи въ лекторій, въ корридорѣ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Не помню, о чемъ я спрашивалъ, не помню, что Потебня мнѣ объяснялъ; помню только, что Потебня при вопросѣ вздрогнулъ, точно я испугалъ его, и это обстоятельство настолько меня смутило, что я въ университетѣ не обращался къ нему съ вопросами. У Потебни, какъ человека кабинетнаго, весьма впечатлительнаго и нѣсколько болѣзненнаго, были своеобразныя манеры въ обращеніи и разговорѣ, наводившія нѣкоторое смущеніе на посторонняго человека. Работая постоянно и усиленно въ труднѣйшихъ научныхъ областяхъ, Потебня привыкъ къ сосредоточенному выраженію лица и при пустомъ вопросѣ, при началѣ обычнаго разговора, у него появлялись складки на лбу, что придавало выраженію лица строгость и говорило объ усиленіяхъ мысли. Студентъ новичокъ приходилъ въ невольное смущеніе. Профессоръ хмурился по привычкѣ, а студенту казалось, что профессоръ находится въ какомъ-то затрудненіи и, быть можетъ, недовольствѣ.

Съ Потебней я близко познакомился и сталъ бывать у него уже по окончаніи курса въ университетѣ. На послѣднихъ курсахъ и въ первые два года по выходѣ изъ университета я занимался специально исторіей всеобщей литературы. Потебня посоветовалъ мнѣ перейти на кафедру исторіи русской литературы, на томъ основаніи, говорилъ онъ, что исторія всеобщей литературы въ Россіи своего рода роскошь, и занятіе исторіей отечественной литературы представляется у насъ болѣе нужнымъ и болѣе производительнымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ трудно русскому ученому угнаться за нѣмцами въ изученіи, напр., жизни и литературы германскихъ народовъ. Этотъ совѣтъ опредѣлилъ дальнѣйшую мою дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для продолженія научныхъ занятій по всеобщей литературѣ фундаментальная библіотека университета не давала мнѣ необходимыхъ пособій.

На всѣхъ моихъ диспутахъ, pro venia legendi, магистерскомъ и докторскомъ, А. А. былъ официальнымъ оппонентомъ, и отъ него я получилъ научное крещеніе.

Потебня не любилъ выдвигаться на первый планъ и принимать на себя отвѣтственную роль даже въ случаяхъ вполне возможныхъ, въ кругѣ его специальныхъ научныхъ занятій. Около десяти лѣтъ назадъ редакторъ Рус. Фил. Вѣстника предполагалъ передать это изданіе въ другой университетскій городъ. Между прочимъ, былъ намѣченъ Харьковъ, и Потебнѣ было предложено редактировать этотъ журналъ. Несомнѣнно, что Потебня, при его обширной эрудиціи, трудолюбіи, высокомъ уваженіи къ слову, что выражалось даже въ чрезвычайно тщательной корректурѣ, былъ бы отличнымъ редакторомъ. Несомнѣнно также, что редактированіе specialнаго изданія отняло бы у него много драгоценнаго времени, въ ущербъ его собственнымъ занятіямъ. Потебня былъ весьма заинтересованъ переводомъ Р. Ф. В. въ Харьковъ, но, не желая редактировать его, просилъ меня принять на себя редакторство, при чемъ по письмамъ проф. А. И. Смирнова ознакомилъ меня съ условіями изданія и обѣщалъ свою личную поддержку и дѣятельное участіе. При всемъ томъ, я отказался по многимъ причинамъ, главнымъ образомъ по недостатку свободнаго времени. Изданіе удержалось на прежнемъ мѣстѣ и ведется съ прежнимъ выдающимся усердіемъ и знаніемъ дѣла.

Потебня не былъ узкимъ доктринеромъ. Все хорошее въ старомъ и новомъ университетскомъ строѣ онъ признавалъ. Но и темныя стороны университетскихъ порядковъ онъ прекрасно сознавалъ и, при случаѣ, когда у него спрашивали, указывалъ на нихъ съ полной откровенностью, ничего не умалчивая и не преукрашивая. Когда министерство народнаго просвѣщенія, по введеніи новаго университетскаго устава, замѣтило несовершенство нѣкоторыхъ первыхъ мѣропріятій и стало собирать свѣдѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ, то и Потебня въ числѣ прочихъ представилъ докладную записку, въ свое время прочитанную въ факультетѣ и пересланную въ министерство. Эта записка не была формальнымъ отвѣтомъ по мелочамъ учебной программы; она касалась существенныхъ сторонъ въ распорядкѣ лекцій. Въ тревожное время Потебня вполне сохранилъ присутствіе духа, уваженіе къ истинѣ и независимость въ сужденіи. Такіе документы нельзя передавать по памяти. Современемъ эта записка, вѣроятно, найдетъ мѣсто въ печати, и тогда она будетъ однимъ изъ крупныхъ памятниковъ его гражданскаго мужества и патріотической честности. Вскорѣ послѣдова-

ли новыя мѣропріятія, сохранившія научное достоинство за всѣми предметами факультетскаго преподаванія, согласно съ основными положеніями новаго университетскаго устава. Изъ этихъ сопоставленій вовсе не вытекаетъ, чтобы мнѣніе Потебни имѣло въ данномъ случаѣ преобладающее значеніе. Современная организація учебнаго дѣла на истор.-филол. факультетахъ обязана заботливости и усиліямъ многихъ почтенныхъ дѣятелей науки, близко стоящихъ къ министерству; но и мнѣніе Потебни было имъ извѣстно и могло быть для нихъ значительной опорой по ясности и прямолинейности.

Изъ другихъ случаевъ отношеній Потебни къ вопросамъ, возбужденнымъ высшимъ начальствомъ, можно отмѣтить его мнѣніе по вопросу о гонорарѣ за чтеніе лекцій. Потебня держался того мнѣнія, что въ настоящей системѣ вознагражденія профессоровъ за трудъ смѣшаны два разнородныхъ принципа, жалованье и гонораръ, одинъ, выработанный условіями русской жизни, другой—условіями заграничнаго университетскаго быта, неимѣющими опоры въ прошломъ русскихъ университетовъ. Гонораръ предполагаетъ свободу слушанія и свободу преподаванія, и въ настоящемъ своемъ видѣ стѣснителенъ для профессоровъ по нравственнымъ соображеніямъ и для студентовъ по причинамъ матеріальнаго свойства. Потебня предвидѣлъ, что при неравномѣрномъ распредѣленіи гонорара могутъ возникнуть нежелательныя явленія, напр., параллельные курсы, не оправдываемые научной потребностью.

Добрый и отзывчивый въ душѣ Потебня былъ суровъ въ принципиальныхъ вопросахъ и чрезвычайно легко прекращалъ знакомство, разъ замѣчалъ нарушеніе нравственнаго принципа, хотя бы безъ малѣйшаго личнаго къ нему отношенія. Если онъ узнавалъ, что профессоръ—пусть даже давній его знакомый снизошелъ до лжи, заискиванія, печатной брани или т. п. прегрѣшенія, онъ уже не кланялся ему на другой день, не подавалъ руки, какъ-бы забывалъ о его существованіи. Иногда пострадавшій прощалъ, а Потебня, стоя въ сторонѣ, не могъ простить по принципу.

Въ факультетѣ Потебня игралъ видную роль. Къ его голосу внимательно прислушивались, и слово его часто бывало рѣшающимъ. Въ факультетѣ онъ былъ охранителемъ научныхъ интересовъ и общихъ нравственныхъ университетскихъ принциповъ и въ этомъ отношеніи въ высшей степени былъ строгъ и нелицепріятенъ. Такъ, одинъ молодой ученый, даровитый и трудолюбивый, представилъ солидную магистерскую диссертацию, и факультетъ былъ расположенъ дать ему за эту

диссертацию докторскую степень. Потебня хорошо его зналъ, расположенъ былъ лично къ нему, и все таки подаль голосъ противъ докторства единственно въ силу хорошей университетской традиціи, чтобы не создать опаснаго прецедента, которымъ потомъ могли воспользоваться лица, недостаточно подготовленные или недостаточно втянувшіяся въ научную дѣятельность. Въ другой разъ у Потебни на магистерскомъ экзаменѣ не прошелъ молодой ученый, вышѣ заявившій себя въ печати нѣсколькими полезными научными трудами, не прошелъ, во-первыхъ, потому что не удовлетворилъ экзаменаціоннымъ требованіямъ по объясненію текста древнихъ памятниковъ, во-вторыхъ, изъ-за обилія рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, отъ лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, но къ филологіи совсѣмъ не причастныхъ. Эти письма дѣйствительно составляли опасную новинку. Они могли связать провинціального профессора и насиловать его мнѣніе. Потебня, при единоголасномъ мнѣніи факультета, призналъ экзаменъ неудовлетворительнымъ.

Потебня, по порученію факультета, былъ официальнымъ оппонентомъ на многихъ диспутахъ. Какъ оппонентъ, Потебня былъ вѣжливъ, держался въ предѣлахъ предмета диссертациі, говорилъ по существу, безъ вопросовъ, не сводя спора на личную почву и не останавливаясь на мелочахъ. Замѣчательная эрудиція и сильная діалектика всегда дѣлали Потебню побѣдителемъ безъ униженія побѣжденнаго. Потебнѣ часто приходилось участвовать на диспутахъ по предметамъ для него стороннимъ, и въ такихъ случаяхъ въ немъ обнаруживался знатокъ дѣла, и Потебня выручалъ факультетъ изъ затрудненія съ полнымъ научнымъ достоинствомъ и пользой для дѣла.

По происхожденію, по нѣкоторымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Потебня былъ малоруссъ. Для Потебни это была такая же естественно-необходимая черта ума и характера, какъ цвѣтъ волосъ, очертанія глазъ или складъ черепа. Онъ съ уваженіемъ относился къ научной и просвѣтительной дѣятельности Н. И. Костомарова. Широкое нравственное міросозерцаніе Потебни исключало всякую односторонность, между прочимъ, и односторонній націонализмъ. Ко всякой народности онъ относился съ уваженіемъ и для всякой народности допускалъ возможность и право широкаго развитія всѣхъ кроющихся въ ней силъ. Потебня относился съ полнымъ осужденіемъ къ мнѣнію Макса Мюллера, что для развитія европейскаго человѣчества достаточно 4 языковъ—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и италіанскаго. Потебня говорилъ по этому поводу, что „языки составляютъ своеобразные органы мысли и подходятъ къ ней съ разныхъ сторонъ, и потому, достигнувъ единства языковъ, мы

остались бы въ проигрышѣ. Теперь мы подходимъ къ мысли съ разныхъ сторонъ и выражаемъ ея содержаніе съ разныхъ точекъ зрѣнія, а тогда довольствовались бы одною стороною ея. Все единство свелось бы на то общее пожираніе другъ друга, которое выражено въ малорусской поговоркѣ: „коза дере лозу, а вовкъ—козу, а вовка—мужикъ, а мужика—жидъ, а жиды—пань, а пана—юриста (адвокатъ), а юристу—триста чортывъ“.

Отмѣтимъ слѣдующее его замѣчаніе о пользѣ науки, высказанное студентамъ на лекціи: „успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистыя науки, свободныя отъ какихъ либо утилитарныхъ цѣлей, способны сами по себѣ удовлетворить человѣка, способны дать ему такое удовольствіе, какое, напримѣръ, доставляетъ искусство; но въ тоже время нѣтъ знанія, которое рано или поздно не принесло прямой ошутительной пользы“. При такомъ уваженіи къ наукѣ Потебня естественно уважалъ и главныхъ ея носителей и выразителей—университеты. Его уваженіе къ западноевропейскому просвѣщенію основано было не только на книжномъ, но и на личномъ съ нимъ знакомствѣ во время заграничныхъ путешествій. Нравился Потебнѣ также сравнительно болѣе высокій уровень европейской общественной морали. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ отзывался о западноевропейской привѣтливости и доброжелательствѣ въ личныхъ отношеніяхъ.

Потебня высоко цѣнилъ и любилъ искусство. Онъ находилъ, что искусство всегда идетъ впередъ науки и является необходимымъ условіемъ прогресса. Въ языкѣ и въ народной словесности онъ отмѣчалъ проявленія художественнаго начала, при чемъ мелкіе оттѣнки поэтического образа не ускользали отъ его вниманія. Чуткость ко всему прекрасному проявлялась также въ его отношеніяхъ къ музыкѣ, живописи и поэзіи. Онъ любилъ народные мелодическіе мотивы малорусскихъ пѣсень, и простѣйшими мотивами часто дорожилъ какъ самыми изящными. Зная немного музыку, онъ могъ на рояли подбирать народные мотивы пѣсень. Любилъ Потебня также живопись. Онъ всегда посѣщалъ иногда по нѣскольکو разъ академическія и передвижныя выставки и любилъ поговорить о выдающихся картинахъ. Въ послѣдніе годы онъ покупалъ у мѣстныхъ художниковъ небольшіе пейзажи. Потебня интересовался также сочиненіями по теоріи и исторіи искусства. Въ особенности ему нравились лекціи по исторіи искусства Тэна. Изъ поэтовъ Потебня любилъ Гомера, Шекспира, Шиллера. Особенно близки его сердцу были Пушкинъ, Тютчевъ и Шевченко. Въ моихъ бумагахъ сохранился списокъ текста телеграммы, составленной А. А. Потебней, по порученію совѣта университета, для отправки въ Москву при открытіи памятника А. С. Пушкину. Теле-

грамма эта представляется интересной по обрисовкѣ литературныхъ убѣжденій Потебни: „Совѣтъ харьковскаго университета, сожалѣя о невозможности имѣть своего представителя при празднованіи открытія памятника А. С. Пушкину, ограничивается выраженіемъ искренняго своего желанія! Пусть же сбывается чаяніе поэта (къ нему не заростетъ народная тропка), но не въ примѣненіи къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преусиженія какъ народности, такъ и все-народности русской литературы! Пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе объ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человѣкъ чувствовать себя одинокомъ и чужимъ среди своего народа, безсильнымъ при встрѣчѣ свободнаго развитія его мысли! Пусть ширится русская литература и за нынѣшними своими предѣлами силою своего собственнаго достоинства! Наконецъ, пусть будетъ Вамъ праздникъ радостей, „а мы уже, дружина, жадны веселія“.

По преданіямъ, давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, Потебня прочелъ публичную лекцію о Ѳ. И. Тютчевѣ. Въ печати не сохранилось никакихъ указаній на нее. Въ посмертныхъ бумагахъ найдены замѣтки объ изученіи иностранныхъ языковъ, съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности, написанныя по поводу стихотвореній Тютчева, вѣроятно, остатокъ отъ лекціи или черновой ея набросокъ. Въ высокой оцѣнкѣ стихотвореній Тютчева Потебня сходилъ съ Тургеневымъ.

Въ засѣданіи историко-филологическаго Общества 11 февраля 1881 г. Потебня сказалъ рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ; эта рѣчь была напечатана въ сокращеніи въ 52 N Южнаго Края 1881 г., повидимому, съ вѣдома и согласія автора. Уже одно вступленіе отличается оригинальностью и строгостью взгляда: „Число гостей нашихъ болѣе обыкновеннаго“, такъ началъ Потебня свою рѣчь. „Есть основаніе думать, что нѣкоторые изъ нихъ привлечены невѣрными слухами о характерѣ нашего собранія. Въ виду этого считаю нужнымъ сказать, что какъ вообще цѣль нашего общества содѣйствовать развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній, такъ и настоящее собраніе назначено не для изліянія чувствъ, хотя бы и самыхъ благородныхъ, и не для причтенія, такъ сказать, Ѳ. М. Достоевскаго къ лику свитыхъ и пророковъ, а для спокойнаго обмѣна мыслей о его литературной и публицистической дѣятельности. Полезное чествованіе дѣятеля мысли есть стараніе понять его“. Потебня подробно остановился на „Дневникѣ Писателя“. Лучшее въ „Дневникѣ“ то, что образно, поэтично, иносказательно; прочее слабо, хотя и характерно. Содержаніе „Дневника“ Потебня свелъ къ тремъ отдѣламъ: русское образованное общество, народъ и Европа, при чемъ подробно остановился на маніи величія личнаго и народнаго. Поднятіе

національного духа єсть апетитъ нормальный; но мессіанизмъ єсть плохой суррогатъ здоровой пищи. Мессіанизмъ (еврейскій, польскій и др.), или вѣра въ то, что извѣстному народу предназначено быть спасителемъ міра, єсть вѣра униженныхъ и оскорбленныхъ, долженствующая въ мечтѣ вознаградить ихъ за дѣйствительныя страданія и внушить любовь къ жизни. Какъ реакція дѣйствительному или мнимому униженію и паденію духа является гипсоманія, а не чувствомъ собственнаго достоинства, равенства и братства. Наоборотъ кто хоть по малости имѣетъ возможность совершать дѣла братства и любви, тотъ врядъ ли почувствуетъ жажду всемірнаго господства. Вообще Потебня отнеси съ большимъ осужденіемъ къ мессіанизму Достоевскаго съ его враждой къ „господамъ русскимъ европейцамъ“ (подробности см. въ Южн. Краѣ).

О графѣ Л. Толстомъ мнѣ приходилось бесѣдовать случайно и мимоходомъ. Потебня и въ графѣ Толстомъ, какъ въ Достоевскомъ, строго различалъ писателя художника отъ писателя публициста, и въ публицистическихъ его статьяхъ осуждалъ непродуманное и бездоказательное отрицаніе науки.

Лѣтъ десять назадъ Потебня въ небольшомъ кругу своихъ друзей сдѣлалъ краткое сообщеніе о значеніи Шевченка. Не входя въ разборъ отдѣльныхъ стихотвореній, онъ далъ общую высокую оцѣнку поэзіи Шевченка, которая незыблемо сохраняетъ за собою просвѣтительное и гуманитарное значенія и является плодотворнымъ жизненнымъ стимуломъ при всякомъ подъемѣ общественной морали. Изъ малорусскихъ писателей стараго времени Потебня высоко цѣнилъ Сковороду и Квитку. По міросозерцанію и нравственной философіи онъ былъ близокъ къ Сковородѣ. Въ кругу близкихъ знакомыхъ Потебня однажды, лѣтъ 10 назадъ, прочиталъ замѣчательную лекцію о философіи Сковороды по предисловію неизданнаго въ печати его сочиненія „Израильскій Змій или картина нареченная День“. Рукопись этого сочиненія была подарена историко-филологическому обществу нынѣ покойнымъ преподавателемъ исторіи и географіи В. Л. Спасскимъ. Въ сочиненіи Сковороды находится мистическое толкованіе Библии, не имѣющее никакого значенія. Замѣчательно лишь предисловіе къ этому толкованію, гдѣ находятся общія философскія мысли пантеистическаго свойства. Языкъ предисловія сильный и выразительный. Философія Сковороды получила яркое освѣщеніе въ блестящемъ толкованіи Потебни, при чемъ искусно были отгѣнены нѣкоторыя національныя особенности Сковороды въ языкѣ и мысленіи. Къ сожалѣнію, этотъ рефератъ Потебни не былъ напечатанъ и не сохранился въ посмертныхъ его бумагахъ.

Публичная лекція о Квиткѣ была прочитана Потебней въ 1878 по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя, съ назначеніемъ всего сбора (200 руб.) на изданіе сочиненій Квитки. Эта лекція также не была напечатана и не сохранилась въ рукописяхъ. Краткая замѣтка о ней была напечатана въ Газетѣ Гатцука 1878 г. стр. 819.

Къ періодической печати Потебня относился доброжелательно, но участія въ ней не принималъ, исключая специальныхъ органовъ—Журн. Мин. Нар. Просв., Фил. Зап., Рус. Фил. Вѣст. и Кіев. Старины. Потебня внимательно слѣдилъ за получаемыми въ университетѣ специальными иностранными, преимущественно славянскими изданіями: Періодическимъ Списаніемъ, Гласникомъ, Архивомъ г. Ягича и др. Изъ большихъ литературно-политическихъ изданій онъ интересовался только Вѣстникомъ Европы.

Въ іюнѣ 1890 г. имѣлъ мѣсто одинъ любопытный эпизодъ: между двумя писателями возникъ споръ о заимствованіи литературнаго сюжета, и спорившіе просили А. А. Потебню, Д. И. Багалѣя, А. А. Русова, Я. С. Станиславскаго и А. Л. Шиманова быть судьями. По этому случаю сличены были двѣ подавшія поводъ къ спору комедіи, причемъ никакого плагиата не оказалось, и въ № 3264 Южнаго Края было сдѣлано особое сообщеніе, въ которомъ первая общая часть о значеніи литературнаго заимствованія была написана А. А. Потебней. Для опредѣленія понятія о плагиатѣ Потебня положилъ такое основаніе: „Съ одной стороны, свойства человѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразнѣйшія произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодотворною для меня, а черезъ меня и для другихъ, должна быть мною усвоена, т. е. до извѣстной степени присвоена, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли „*sum cuique tribuere*“ до подробностей во множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны,—авторъ нерѣдко склоненъ „*sibi nimium tribuere*“, какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность на всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишень эгоистическихъ побужденій къ дѣятельности, быть можетъ, общепользною, и общепользное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію“. Далѣе: 1) Въ словесности, и въ частности въ драматическихъ произведеніяхъ, заимствованіе фабулы не есть плагиатъ. Въ противномъ случаѣ произведенія древнихъ грече-

скихъ трагиковъ, пользовавшихся мифами, Энеида Виргилія и произведенія многихъ другихъ римскихъ писателей, драмы Шекспира, „Фаустъ“ Гете, „Каменный Гость“ Пушкина, „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“ Гоголя и многія другія произведенія должны быть признаны плагіатами. Въ живописи и скульптурѣ этому соотвѣтствуютъ произведенія на ту же библейскую, церковно-историческую, историческую тему, наприм., безчисленныя изображенія мученій Св. Себастіана. 2) Въ предыдущемъ отчасти заключено и то, что заимствование готовыхъ характеровъ не есть еще плагіатъ. Фабула безъ плагіата нерѣдко заимствуется вмѣстѣ съ такими характерами (напр. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, у насъ: Чацкій, Молчалинъ, Репетиловъ, Расплюевъ). Поэтому никакая нравственность не уполномачиваетъ считать личною собственностью типа уродливаго злодѣя, тѣмъ болѣе, что и раньше у Шекспира есть такой злодѣй (Глостеръ, Ричардъ III), безобразный до того, что, какъ онъ говоритъ, „взвидѣвши его, собаки лаютъ“, вслѣдствіе чего онъ „бросился въ злодѣйскія дѣла“. 3) Наиболѣе личное въ драматическомъ творчествѣ—то, въ чемъ наиболѣе, а иногда исключительно сказывается степень его своеобразности и таланта,—такъ называемое оживленіе фабулы, изложеніе, совокупность частныхъ въ изображеніи характеровъ, мотивировка дѣйствій, рѣчи лицъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о плагіатѣ существенно было бы не то, что въ другихъ пьесахъ есть Ричардъ Глостеръ, безобразный злодѣй, ищущій въ замужество леди Анну, а на прим. вся 2-я сцена 1-го акта Ричарда III, гдѣ леди Анна сначала осыпаетъ проклятіями Глостера, а кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ отъ него кольцо,—вся эта сцена у гроба, съ тѣмъ же ходомъ мыслей и чувствъ дѣйствующихъ лицъ, съ тѣмъ же общимъ смысломъ рѣчей, хотя бы отдѣльныя выраженія и были иныя.

Этими данными заканчиваю свои воспоминанія объ А. А. Потебнѣ; въ памяти мелькаютъ еще многія бесѣды, многія замѣчанія А. А.-ча; но я не берусь формулировать ихъ изъ опасенія исказить его мнѣнія въ передачѣ собственными словами на разстояніи многихъ лѣтъ отъ перваго впечатлѣнія.

Продолженіе слѣдуетъ.

Н. Суминовъ.